

РПСрІ 16/1846.1

ДРАГОЦѢННОСТЬ

ЭТО ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

НА

1846.

Киевъ

ОТЪ РОДОЛЮБИВЫХЪ СРЪБКИИХЪ

издае

БЕДОКОРЪ ПАВЛОВИЧЪ

У И Е Ш Т М.

PT 208

1846

У число основательки сръбскогъ
Забавника Драголюба уписати се из-
волиле су слѣдуюће родолюбке:

Нѣна Свѣтлость Госпођа Пер-
сида Карађорђевићъ, Княгиня
сръбска са обадве кѣри Нѣне Свѣт-
лости Полексіомъ и Клеопа-
тромъ.

Нѣно Превосходительство, рус-
ско-імператорскогъ генерала артил-
леріе Гдна Медемъ супруга, Марія
Медемъ, рођена Балужанскій,
из Петровграда.

Госпоя Юліяна Н. Томаше-
вићъ, рођена Алексићъ отъ Фел-
минъшъ, изъ Кленка.

Госпоя Еуфимія Костићъ.

Господична Елена Говано-
вићъ изъ Панчева.

Госпоя Агашиня Томићъ изъ
Земуна.

Госпоѣ Христина Ненадо-
вићъ рођена Крестићъ изъ Баѣ.

Господична Марія Пецико-
сићъ изъ Вуковара.

Господична Милка (Каролина)
Николићъ (изъ Н.Сада.)

Госпоѣ Софія Дракулићъ.

Госпоѣ Анна Константино-
вићъ.

Господична Елісавета Геор-
гієвићъ, све изъ Перлеза.

Госпоѣ Александра Марин-
ковићъ рођена Петровићъ изъ
Н. Сада.

5/15

НЪНОЙ ЕКСЦЕЛЛЕНЦІИ .

ГОСПОДИ

МАРИИ МЕДЕМЪ,

рожденной

БАЛУБАНСКОЙ,

6824
БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

Русско-Императорскогъ више ордена Кавалѣра
и Артиллеріе Генерала, Господина Медемъ,

супруги,

кнѣжества-художества-просвѣште-
нія - образованія славянскогъ люби-
тельки и покровительки — дичной
славянскогъ рода кѣри,

за

споменъ и знакъ истинногъ, найчистіегъ
высокопочтанія

посвећуе

Издатель.

Историческое описание
Историческое описание

Историческое описание

МАРИН МЕРИ

233

ВАЛДАНСКИ

Историческое описание
Историческое описание

СУПРУН

Историческое описание
Историческое описание

Историческое описание

Историческое описание

Историческое описание

Историческое описание

Историческое описание

205 B 25

Ваше Превозходителство

Милостива Госпоже!

Тиха она и любка благодать, коя сваку речь слабомъ, и свако дѣло лепшимъ чини — мужескій Вашъ зрелый умъ и нѣжно женско срце: богатый извори озбильнихъ а све лепшій дѣла — високо Ваше, изъ побожногъ, човечногъ правогъ воспитанія створено образованіе — многостручна, по полю наука и художества скуплѣна знаня и вѣжества, а по свему овомъ небеснимъ даромъ у особи Вашой разливена дражестна любкость — Пламено при томъ отечест-

волюбіє, коим се племените груди
Ваше преизпуняваю; жарка любовь,
коіомъ цео славянскій родъ велико-
душно обимате и жива ревность, коя
Васъ за развитакъ просвѣщенія и
образованія свію многобройнихъ сла-
вянскій племенах тако ватренно оду-
шевлява — све су то лепе черте и
величественый саставъ выспрены о-
ны добродѣтели, коє Превосходи-
телство Ваше тако велелѣпно кра-
се, и коє мораю у свакомъ, кто є
Васъ видити и познати срећу имао,
мораю найпаче и наравно у свакогъ
сонародника грудма чисто, найдублѣ
почитаніє спрама Превосходител-
ства Вашег' побудити; мораю сва-
коме искренно признаніє измамити,
да є срећно свако отечество, гди та-
ке кѣри отрастѣую; да є срећанъ

свакій народъ, кои тако дична чеда
раѣа, и да се съ Вашим Пре-
восходителствомъ Вашъ на-
родъ свободно и радостно поносити
може. — Но Ваше є Превосходи-
телство толико сердчногъ соучастія
и за сръбско кнѣижество; толико то-
плихъ желанія за напредакъ просвѣ-
штенія, и толико благослова за раз-
витакъ народности и сръбскогъ пле-
мена изявило: толико благонаклоно-
сти пунихъ одобренія и моимъ ма-
лимъ у кнѣижеству и народности сръб-
ской заниманіяма (а безсумнѣ само-
сато, што и найманѣи тима прине-
сакъ великодушно уважавате) изясни-
ти изволило — Ваше є Превосхо-
дителство и малой овой кнѣижицы,
Сръбскомъ Драголюбѣ, толико се
чистимъ срца умиленіемъ обрадова-

ло и основанію овога притекшими
србскимъ сестрама толике родолюбія
нѣиногъ похвале изрекло, да ми се
онда истомъ, Васъ слушаюћи, учи-
нило цео светъ да ће миле Србкинѣ
любити и почитовати морати — и я по
свему овомъ, уважаваюћи све величе-
ствене оне Вашегъ Превосходи-
телства добродѣтели, съ топломъ
благодарностію признаваюћи Ваше
и спрама србскогъ племена и рода
мога родолюбиву сроднонародну на-
клоность; неоцѣнимимъ изповѣдаю-
ћи и спрама мое особе указане мило-
сти и снисходительности пуно внима-
ніе; сердечно радуюћи се одобренію,
коє су Ваше Превосходительство
и овоме дѣлцу србскомъ Драголюбѣ,
поклонити усердствовали — немогу
иначе, него најчистіимъ чувствова-

ніяма гонимъ, кнѣжицу ову Вашимъ
высокимъ именемъ украшуюћи и Ва-
ма ю, Милостива Госпоже, усерднѣй-
ше посвећуюћи, желіо самъ Вашемъ
Превосходителству безпредѣл-
ногъ моєгъ истиногъ высокопочита-
нія и топле благодарности явно сви-
дѣтелство дати умилнѣйше молећи,
да бы Превосходителство Ваше
милостиво пріймити, мени пакъ и у-
далѣноу споменъ и високу благона-
клоность Вашу и далѣ поклонити
неотрекли се.

Вашегъ Превосходительства

нижайшій почитатель

Ө. Павловичъ.

Ed. Ender del.

Jos. Axmann, C. Hahlknecht sc. Viennae.

ПОГЛЕДЪ НА СОФІЮ *).

Ніє сунце, што с' востока
Показує свету ликъ, —
Ніє зора у пурпуру,
Кою чека людій кликъ; —

Већъ то блиста православне
На Софїи вѣре зракъ;
Кои гони са светниѣ
Прадѣдова наши, мракъ.

---

*) Софїя, найвеличественїя православна
восточна негда црква у Цариграду, садъ
безъ крста велика турска дчамїя.

Надъ суморне куле луномъ,
Показа се крста блескъ,
И до горнѣгъ Неба свода,
Подиге се рода плѣскъ.

Надъ нѣмъ лебди прошаствiе,
Будућности носећъ даръ;
Радуе се новой жизни,
Куне века свога кваръ. —

Стара сестра проговара
Млађой; — ево теби тронъ
Тавногъ царства, досадъ моегъ
Прошаствiя то е тронъ.

Што поквари, уничтожи,
Што сотвори у самъ прахъ;
Што зададо свету трепетъ,
Што и свакомъ срцу страхъ.

Заборав'мо — неумитне

То быяше судбе створъ!

Такій совѣтъ, тако страшный

Имале су Парке сборъ. —

Ал' садъ с' ведрогъ неба вѣре,

К' теби хити силна моѣ;

Будуѣности лѣпа дѣво! —

И варварства тера ноѣ.

Мое снаге, мое силе,

Изгублѣнъ е сасвимъ скокъ,

У будуѣность морамъ мое

Я пружити ноге крокъ. —

Свете самъ я погазила,

Вѣроломно цриве станъ,

И одтуд' се указао

Ахъ! несреѣе мое данъ. —

Ово дѣва, дѣви собори,
И нехрани чувства гласъ,
Макаръ да имъ по снѣгбѣлимъ
Плећ'ма носи ветрићъ власъ —

Ніе ово ветрићъ быо,
Већъ юнака збилскій духъ,
Коегъ груди, коегъ срце,
Издаваше яд-яухъ!

Будућность е разблажила,
Уцвѣленогъ срца грудъ;
И онъ гледа увенчани,
Свію желя свои трудъ. —

Будућность е прощаствія,
Драгоцѣный свагда даръ,
Ово мысли, ово држи,
Ово му е душе жаръ. —

(На цркву бацаюћи взоръ.)

Теби майко! нове ризи,
Теби носи она блескъ;
Дугомъ твоемъ болованю
Она сама има лекъ — —

Безбѣдна си већ ти майко!
К' брегу иде већ твой бродъ,
Божественый само твоимъ
Принадлежи чедамъ плодъ. —

Одъ смерности твое дркѣ
И варварства кивный змай,
Пакъ онъ стрепи, гди се одъ свудъ
Показуе теби рай. —

Ове мысли разблажише
Срб - сужника срце мог',
Ове сласти са Зефѳра
Любких' крила паде рогъ, —

Док' в глед'о сужнимъ окомъ,
Отчаяня крайный прудъ,
Док' е новый себи опеть
Истраживо судьбе путь. —

Ту награду, ту утѣху,
Ту онъ тражи себи честь;
Ерѣ е нѣму сила, снага,
Слава, само вѣре вѣсть. —

Она нѣму велколѣпный
Светкованя есте дворъ;
И кудъ она, (ту е среѣа),
Волшебственный бацн взоръ.

Тако есте, проѣе буря,
С' бурјомъ оде света мракъ,
Ербо неда, да светилникъ
Наше вѣре нема зракъ. —

Време странно, сила страшна!
Побѣди насъ — паде крестъ! —
Ал' е време показало,
Обновленя твога перстъ. —

Свето твое, што е див'о,
И скверніо гнѣва мачъ,
Самъ е было дуге болъ,
Тугованя твога врачъ. —

У утробы развалина,
Пупіо е теби цветъ;
И писано тако стои,
Твой ће бити опетъ светъ.

Исидоръ Николићъ.

Д Р А Г О Л Ю Б У.

Соколови гди се легу,
Гди рунато стадо,
На зеленомъ пасе брегу
Питомачу радо;
Гди искреность коло води,
И пѣсмице производи,
За старо и младо.

Тамо зору данъ умива
На источной води,
И свойственость духъ ужива
У сердца свободи,
Тамо съ дѣцомъ бери цвеће,
За когъ нитко рећи неће,
Да вредности шкоди.

Любичице, невенъ, ружу,
Смилъ и ковилъ,
То е дѣцы као и мужу
Наймиліе былъ,
Любави е то первенацъ,
Одъ кога се плете вѣнацъ
И по свету шилъ.

Размаженость она хитра,
Коя духу смета,
И промѣна, коя титра
Сва начела света,
Нейма мѣста, него зрела,
Благородна мысао смѣла,
Красъ е твога цвета.

Нитъ подъ уздомъ строгаго стила,
Ни без свакогъ реда,
Већ онако, како вила
Бистримъ окомъ гледа,
Да забавля и весели,
И научи и усели
Сербскій духъ безъ вреда.

То є правый твой задатакъ,
То у сердце дира,
И свакога лепъ иметакъ
Любави и мира;
Тако нека сладка наша,
Красна као млада снаша,
Мелодія свира.

Ник. Бороєвићъ.

ЧЕТЫРИ КАРАМФИЛА.

(Н о в е л л а)

(изъ Польскогъ живота последный Ягеллонскій
времена.)

I.

„Еданъ дворянинъ, Ваше Величество!
кои є синофъ овамо у Вилну приспѣо, моли за
приступъ“ — рекне служитель Сигмунду, кои
се намргођенъ и печаланъ быти виђаше.

Изъ двора одъ краля, отца мога? — Казао
самъ ти, драгій Станиславе, да свакоме за да-
насъ кажешъ, да се у слабомъ наодимъ здра-
влю, — да ми не досађую, еръ за цело, ако ме
и видишъ на ногама, душа ми є у великой бо-
лѣтици! — Како се зове? познаешъ ли га?
Ніє л' младъ? упита Сигмундъ.

„Я га непознаемъ, нити му имена знамъ, но виѣао самъ га у двору отца Вашегъ, — мало се старіи одъ Вашегъ Величества быти види“ — одговори Станиславъ.

А ты га пусти, знамъ веѣъ шта ће, — но после свакомъ другомъ подай изговоръ, кои самъ ти я казао.

Станиславъ се поклони и изиѣе. Одма затимъ уѣе и страный.

Модржевски! повиче радостно Сигмундъ, хитеѣи му на сусреть, — одкудъ ты, — шта є тебе побудило овамо у Вилну доѣи?

„Воля милостивогъ краля, отца вашегъ. Иди ты Модржевски, рече ми, у Вилну, да тѣшишъ сына могъ, — онъ те є іоштъ одъ младости любіо, и съ тобомъ се найрадїе забавляо. — И я самъ, говораше отаць вашъ, тако несреѣанъ быо, да самъ брзо прву мою супругу изгубіо, но нисамъ ю толико, као сынъ мой нѣгову садъ, жаліо, — наскоро самъ се оженіо съ другомъ, коя ми є среѣу мою іоштъ умножила, и нѣга ми родила. Тако ће и онъ. Онъ се младъ съ нѣговомъ Елисаветомъ, прем-

да изъ прва едва, и одъ мене натеранъ, састао, но после ю е вѣрно любіо, — видишь, како ю садъ по смрти нѣной оплакуе, — неможемо га утѣшити, и зато се у Вилно иѣи изискао, само да ова места, гди е съ нѣомъ пребивао, негледн. Я самъ жельн нѣговой соотвѣтствовао, и у Вилно му иѣи дозволю, — али сви, кои одтудъ долазе, говоре, да е време одъ 6 месецій слабо узпѣло, да онъ на нѣгову супругу заборава, — единако е печаланъ, — найвише ѣути, — яко се у лицу изгубіо, — и веѣтъ самъ забринуть. — Съ дворянима, коѣ самъ тамо слао, да га тѣше, слабо се и разговарати хтео, — свакій е одъ нѣи брже овамо погодіо, него тамо. Зато иди ты садъ Модржевски, и молимъ те гледай, да га утѣшишь, — употреби сву твою умешность, а іоштъ више нѣгово къ теби повѣреніе и любовь, — потруди се склонити га, да у другій бракъ ступи, — я ѣу му опетъ дѣвойку одъ сѣйногъ и владѣтелскогъ дома наѣи, еръ ме слутня напала, — боимъ се да у нѣму славна лоза Ягеллонска, коя веѣтъ два скоро столѣтія тронъ Польске дичи, неувене. Овако

ми є о Вама говорію, овай ми є налогъ краль, оцацъ Вашъ, дао.— И занста, младый Кралъвиѣу, не-
 умалявамо штету Вашу, — дубоко су сви осе-
 тили смръть преминувше супруге Ваше, с' ко-
 іомъ сте єдва два пролеѣа заєдно провели, —
 многи оплакую ранну смръть нѣну, особито цар-
 ски іой родители, а найчувствителніє Вы; али
 помыслите, да младе године Ваше, да среѣа
 Польскоѣ народа нашегъ изискує, да у другій
 бракъ ступите, да престолъ нашъ и у будуѣе хра-
 бримъ Вашимъ потомцыма украшенъ буде, пре-
 столъ, кои пре прадеда Вашегъ Ягелла, при
 свакоѣ краля промени на подножію свомъ крвь
 гледаше, — и шта бы му предстояло, кадъ му
 Вы небы наслѣдника оставили! зато —

— Доста Модржевски, пресече му Сиг-
 мундъ речъ, доста, — ты о мени, о станю моме,
 о жалости моіой криво повятіє имашъ. — Не-
 жалимъ я толико умрлу супругу мою. Две дру-
 ге несреѣне душе оплакуемъ я, душе, коє су
 мучене и тако реѣи саранѣне были. Но ми-
 лость є Божія велика, коя трпеѣнимъ свагда
 помаже, она ѣе возкреснути и ублажити стра-

давшие! Модржевски! ты си мое млади, ты си мой свагдашній пріятель быо, — у твоимъ самъ пріятельскимъ обятіама свагда я дворскимъ шумомъ и плеткама матере мое изнеможденъ и огорченъ, починуо, на твоимъ самъ нѣдрима често, премда ни ты ниси знао зашто, плакао. — Добро є отаць мой учиніо, што те є к' мени послао, — ты ћешъ посланство твоє извршити, цѣль твою и кралѣву постићи — ты ћешъ мене утѣшити. Али ти садъ самномъ заедно дѣло смѣло и хероично предстои, ако ме любишь. Хоћешъ ли ми помоћи? — ако успѣмо, обонца ћемо срећви быти! Хоћешъ ли ты другъ и помагачъ мой у єдномъ момъ предузећу быти? — говори.

„А имал' онога честногъ поступка на свѣту, кои я на захтеванѣ Ваше, светлый Кралѣвићу, учиніо небы, а ако се спокойства и среће Ваше тиче, животъ ћу мой жертвовати“ — ватрено рекне младый Полякъ.

„Тиче се, драгій Модржевски, тиче! Данасть ми є внутреность врло узколебана, а и ты си од пута уморевъ, — данасть ти ништа го-

ворити немогу; иди у конакъ твой, а сутра пре зоре доћи ћешъ неявлѣнъ у мою собу, — онда ћу те водити, да се јошть пре сунца по краснимъ овимъ странама проодамо, — онда ћешъ станѣ мое, узрокъ жалости и одважно намѣренѣ мое чути. Садъ — давши му руку — с' Богомъ! и гледай да у јутру на тебе нечекамъ.

Модржевски збунѣнъ чуднимъ и тайнопунимъ рѣчима Сигмундовимъ изиђе и оде у одређену му собу. Тако, друго е ту штогодъ! говораше онъ себи, — целу ноћ преврћаше се по постелѣи мислећи на Сигмундову беседу, и едва зору дочека.

II.

Јошть се мракъ о влади са зрацыма преиараше, — но ови се скорой побѣди, кою ће имъ из руменихъ истока нѣдара царъ њинъ, млађано сунце, появилѣмъ само своимъ принети, надаше; птичице већ будне на гранчица шапугаюћи разговараше се између себе, како ће рождество сунца торжественномъ хармониомъ

поздравити, — друга сва животна іоштъ почиваху; рѣка лагано крозь зелене свое брегове течаше, да бы касніе сладость вода' своихъ у сланомъ изгубила мору. — На брегу нѣномъ у обаятелномъ верту єдномъ при чбуну ружице єдне усамлѣнъ ѣутеѣи стаяо є веѣъ Сигмундъ и Модржевски, и гледаше цветиѣе нѣне, како єданъ іоштъ у пуполякъ завієнъ, другій текъ развієнъ у найленшемъ руменилу живости гораше, треѣій веѣъ опадати готовъ, свакогъ опредѣленъ представляше. Было є около половине Мая. — Умилѣнъ Сигмундъ прекидаюѣи торжествену природу тихость вопіє: Ненаситна пожеланя людска! кои тисуѣ издаете, свое имѣніє разточавате тражеѣи увеселенія земна, па ій опетъ ненаодите, — не наодите, єръ недає Вам ій природа, што стєню презрели. Кральица мати моя усилѣна увеселенія држи, па є опетъ свагда незадовольна; кадъ бы ова раніє постелю свою оставляла, и природу обновляваюѣу се гледала, заишта бы болѣгъ увеселенія нашла. Но ко у природи одоховенія и радости тражи, мора срце

вбой подобно, чисто и непокварено, имати. — У томъ се и сунце роди и позлати врове дрва, Вилновскій домова и кула. Заблисташе се кровови Ражявилова замка, кон на еданъ добаръ пушкетъ одъ Вилне уз рѣку у чарномъ положенію стояше. Ахъ, любезный Модржевски! рекне Сигмундъ, шта я у овомъ магновенію. у прирѣнію овогъ ютренѣгъ торжества осеѣамъ! Пре четири године у исто ово доба меѣ о-нимъ цветнимъ анѣломъ! — Но садъ е време да ти све по реду кажемъ.

Познатъ ти е мой развратный и разкала-шный начинъ живота у двору. Свему е тому узрокъ мати моя была. Обично е, да младѣа страсти, мужеско упорство и лакомисленость мати своіомъ смиреносѣу, религіозитетомъ и женскомъ нѣжностію обузда и умекша. Кодъ мене е противно было. Мати моя, княгиня Медіоланска, іоштъ кадъ ю е отаць мой изъ Італіе довео, довукла е за собомъ ято дворкиня своій, кое су потомъ и мене у женскій кругъ свой увукле, и природномъ таліянскомъ своіомъ умешно-стію и чаранѣмъ плеле су замке младомъ срцу

моме. Доста пута мало е стаяло, да у вигове младе какве талиянске играчице, коя ме е художномъ лепотомъ своіомъ, ил' обаятельнымъ скаканѣмъ своимъ плѣнила, да у обятія нѣнапао нисамъ, — све е ово мати моя равнодушно гледала. И често бы я быо жертва нѣова, да ме мой учитель, и ты младый пріятелю, кои си іоштъ онда мужко разсужденѣ имао, чували и избавляли нисте. Ово е краљ, отацъ мой, с' негодованіемъ гледао, ал' знашъ, мати моя и надъ нѣимъ влада, онъ іой ништа говорити не смеде. Но да бы ме изъ круга нѣиногъ мало изтргао, оправи ме пре чѣтыр' године државнимъ посломъ овамо у Вилну. Кадъ самъ се потомъ у Кракову вратіо, сви сте се чудили, како самъ се поправіо, — судилисте, да е то тримесечно мое одсудствіе одъ двора проузроковало, — истина и то, али и друге су тому причине быле, — послушай!

Кадъ самъ, као што ти реко, пре чѣтыри године одъ оца у Вилну посланъ быо, скоро самъ на дворъ, на нѣгова увеселенія, на мое пріятельнице заборавіо. Оно, што се човеку на-

меће, нема дражености за нѣга; любовь, која съ разширенимъ обягіемъ примаамльиво намигуе на младића, губи за нѣга прелести свое; плану истина често страсти нѣгове, алъ се брзо угасе; полюбцы се тамо кишомъ проспу, безъ да се душе взаимно срећомъ напаяю; цветъ любве, овимъ водама заливанъ, брзо увене и пропадне. Текъ душе, коє близу стоећи една од друге далеко быти мысле, — потомъ привлачителномъ природномъ силомъ слюбе се, — задаю една другой крѣпость, новъ животъ, до века траюћу срећу подарую; ове душе божествено свето намѣренѣ извршити вредне су, ова є любовь вѣчна — она пакъ, као и свака олуя, проун! Можешъ мыслити, да су сви овде желяма моима удовлетворили, особито пакъ, Кастеланъ Вилновскій, старый Раживиль, за мой дочекъ и угодности велику є бригу носіо. Еданпутъ ми рече: „Светлый Кралъвићу! Вамъ є тешко, — сами сте, удостоите и подане Ваше єданцутъ поодити.“ Любезный Раживиле! одговоримъ му я, то є мое намѣреніе одъ како самъ дошао было, но іоштъ за єдну неделю дана

послове љу свршити, па љу Вамъ онда доћи и више пута, еръ љемо и онако дуже времена заедно бити. —

Међу моима пратиоцима, што су самномъ у Вилно дошли, нїе ни еданъ мой правый прїятель быо, све любимцы матере мое, кои су самномъ и овде забаве проводити мыслили, но досадни ми бивши, све самъ ий у Краковъ на трагъ послао, и као што обычно после веселы дана бива, меланхолин предао.

III.

Лѣкаръ мой и то препоручи ми, проодати се, и свакій данъ свѣшимъ воздухомъ окрѣплявати се. Я дакле, да бы се толикій већь досадны ми поклоненія ослободіо, преобучемъ се и пођемъ самъ, безъ сваке пратвѣ, предъ вече одати. Башъ е овако майско време было.

Изиђемъ тако грађански обученъ изъ града — продужи Сигмундъ беседу — и пођемъ се шетати покрай рѣке ове, стазицомъ изподъ сѣнке листнасты дрва. Сунце е већь ватрену

моѣ свою изгубило было, а зракъ нѣговъ, кои бы ми іошть несносанъ быти могао, густо на-дамномъ лишѣе одбіяше. Идући тако наедан-путь се наѣмъ у верту овомъ прекрасномъ, и видећи далѣ овай предъ нама стоѣій замокъ Раживиловъ, — заключимъ, да и нѣговъ вертъ ово быти мора. Гледећи и на лево и на десно вешто засаѣено цвеѣе и цветаюѣе воѣке, по-гледимъ преда се, опазимъ на стази прекрас-на скоро узбрана четири карамфила едномъ слам-чицомъ увіѣна и узмемъ ій, — потомъ неучи-нимъ ни десетиву коракляи, алъ тамо меѣъ о-нимъ цветнимъ леяма опазимъ женску едну, коя се около цвеѣа усамлѣна забавляше. Лю-бопитство, а іошть више тайно нѣко чувство побудише ме къ нѣой иѣи. Приспѣмъ веѣъ до нѣ лагано, а она ме іошть непримѣти. Дуго самъ я посленицу сматрао, кадъ алъ се она подигне и мене опази. Ютронсточна румень обаспе іой цело лице, — чарне іой очице показываше за-буну нѣну, — херувимско беззлюбіе и стидъ царствоваху на свимъ чертама лица нѣна, — а высокъ и танакъ стасъ нѣнъ и бѣла одеѣа с'

ружичнимъ первазима, даваше їой изгледъ вышегъ нѣкогъ суштества.

— Нисте ли Вы анѣео, райска ова места обитаваюћи? рекнемъ я и самъ забунѣнъ.

„Я самъ Ольга, Раживилова єдиница кѣи,“ шапутне устрашено девойче. Потомъ после два — тры тревутка охрабри се и крѣпчимъ гласомъ запита ме: „А с' кимъ я имамъ среѣу?“

— Я самъ изъ Кракова — одговоримъ я притворно — ово дана дошао у Вилну; и я самъ истина племиѣъ, али сырома, — дошао самъ с' пратньомъ младога Кралѣвиѣа, и пишемъ кодъ нѣговоѣ тайника. Изишавши да се проодамъ, нечаяно доѣемъ у Вашъ вертъ. Я признаемъ, да самъ кривацъ, што самъ се усудио безъ дозволеня доћи, а їоштъ више, што самъ ове карамфиле узео, премъ да нисамъ їй узбрао, но на земљи нашао.

„Тамо самъ я, одкуд' сте Вы дошли, цвеѣе брала, и на стази га испустила“ — рекне она смешеѣи се.

— Сmemъ ли їй задржати, драга господична? замолимъ я. — У томъ магновенїю цвеѣе,

кое е предметъ говора было, изпустимъ изъ дрктаюће руке мое.

Докъ самъ я тренуо, ал' итра девойка већъ га е дигла, и съ небеснимъ осмеомъ поднесе ми говорећи: „Смете ий задржати, каранфили су Ваши.“ — Погледамъ на ню, а потомъ на цветиће, кои су ми садъ нѣнъ даръ постали, и дубоко узданемъ. Чини ми се, да се и изъ нѣны невини прсію еданъ тайный уздисай подкраде. И есте, еръ кадъ ю я погледа, она се зарумени.

— Вы се овде радо забавляете? запитамъ ю.

„Пре сунца и предъ вече заливамъ цвеће мое. Ни една одъ мои служавкій неможе ми у томъ удовольити, шта више, ни една несме присутствовати, кадъ я послуемъ.“

— А бы л' Вамъ я кадшто смео, небесный анѣле, докъ се овде бавимъ, помоћи? — придодамъ я. — Она порумени и ућути, потомъ едва проговори: „отаць мой —“ у овай паръ смотри изъ замка едну служавку, коя е по ню пошла была, потомъ се итро окрене мени, и съ погледомъ еднимъ, кои ми е одъ све беседе

милии быо, рекне ми с' Богомъ, па похити предъ служавку, съ коіомъ после за неколико магновенія изъ мои очію у врата замка умакне.

Шта самъ я у томъ магновенію осећао, прећута ћу. Ёдва ме е ноћъ съ оногъ места, на комъ е она стояла, одтерала. Онда самъ текъ у себи осетио изкре праве любви, за кою пре тога знао нисамъ. „Пре истока и предъ заодъ сунца“ доста бјаше за мене знати, куда ми се и када проодати валя. Ёдна немирна ноћъ ёдва протече. Сутра съ зоромъ я поранимъ, и стазомъ, кою самъ добро упамтио, стигнемъ съ нестрпѣніемъ на исто мѣсто. Она се већъ ту забавляше. Пошто іој я стыдливо добро јутро назовемъ, она ми као пребацујући рекне: „Надала самъ се, да ће ми ово јутро поздравлѣно бити, премда самъ досадъ увекъ безъ тога овде време провела.“— Я бы ти, драгій Модржевски, редомъ све мое састанке преповѣдіо, али бы ти дуго было слушати. Свагда самъ, докъ е трајло, одъ нѣ на мое захтѣванѣ по четири карамфила добіаю, коя самъ по цѣо данъ држао, — прва четири самъ

за вѣчно благо мое сматрао, и као очи у глави чувао. Но еданъ ти састанакъ особито преповедити морамъ.

Две неделѣ, свако јутро и вече самъ яню на реченомъ мѣсту посѣштавао, — често само на неколико тренутака, ербо ю отацъ яко миловаше, па само, кадъ е своимъ пословима у градъ ишао, изпред очію е губіо, но овда е подъ надзыраніемъ майке и воспытателнице свое была. — Свагда самъ на нъой веће дражести све веће добродѣтели примѣчавао.

Едно јутро дођемъ пре нѣ на опредѣлено мѣсто, кое е већъ више предметъ састаяня нашій, него нѣногъ лакогъ послованя и игре постало. Она овда много касніе него обычно дође, — каже ми, да іой е отацъ рано у ловъ отишао, и да га е оправляла. Одтудъ заключимъ, да данасъ еданъ часъ дуже остати може. До овога дана самъ найвеће страопочтаніе спрама нѣ имао, еръ самъ ю тако рећи обожавао. Али самъ много и трпіо. Овай данъ пакъ наумимъ моіой туги конацъ учинити, и знати люби ли ме или не, еръ самъ я хтео, да она

мене, особу мою, не кралѣвскій породъ, но сы-
ротогъ писара любви. — Сладка господична,
рекнемъ іой, вы сте сама невинность, ваше е
срце анѣлско, — вы нисте могли любовь мою
примѣтити, — али я васъ любимъ, пламено
любимъ. И на вама самъ одъ времена нашегъ
познанства промену примѣтію, ваши васъ узди-
сан издаю, — учинимо дакле трпеню нашемъ
край! Я тршимъ, за тобомъ анѣлу мой, и ты
уздисешъ, — замномъ? говоримъ ли истину?

„Говоришь“, омаче се чисто съ нехоте-
нѣмъ съ пурпурны устница нѣны, — речь изгу-
би равновѣсіе, — и одъ стыда пасти хтеде.
Ова речь бы за мене доста, — примимъ ю у
обгрляй мой, и ню на прсима имаюћи за светъ
заборавимъ. Полюбацъ мой на нѣне устнице
быо е, кои ми е душу потресао, а нѣнъ быо
ми е цѣлованіе вышнѣгъ духа; онда самъ знао
уважити срећу човека на земљи. Найпосле
одтргне се изъ наручія могъ, и донесе ми по
обычаю четырьъ карамфила, коя я срцу притис-
немъ, и съ заклетвомъ іой рекнемъ: Юштъ
младость твоя неће склонити родителя твогъ

да те уда, али докъ четири пролећа мину, ты ћешъ ми као супруга у овомъ верту исте цвѣтиће давати. Часови прођоше, као минути. Служавка нѣна, која ю є обычно одводила, и која є састанке наше често гледала, безсумнѣ се надала оваковомъ позорію, и єдва прѣдъ подне свою госпођу опомене дома нѣи. Она є већъ повѣреница Олгина была.

IV.

Одъ овогъ дана, настави Сигмундъ, наши су састанцы искрени и любовни бивали. Премда то іоштъ нико примѣтіо нїє, опетъ да бы одъ презаня свободни были, одъ нѣногъ замка служавка, а одъ Вилне мой добрый лѣкаръ стражарити морадоше. Она немышляше на то, што є нѣнъ отаць богатый заповѣдникъ Вилне быо, — она у мени сыротогъ писара любляше.

Єданпутъ дође плачући, — я се уплашимъ, и потомъ є тѣшећи у наручя узмемъ, а она ми жалостно каже, да іой є отаць слабъ

быю, и да є мысль свою, іоштъ за кою годину не удавати ю, измѣнію, — и да ће ю до идуће єсени за Гастолжія, войводу Троцкогъ, кою є оно дана одъ нѣногъ отца просію, дати. Я ю умиримъ и у ватреномъ іой се жару закунемъ, да то быти неће, — обећамъ іой, да ћу ю сутра у дому нѣномъ поодити, и о предупреденію тога кодъ отца пословати. „Ахъ, заръ іоштъ незнашь гордость Польскогъ благородства, боимъ се мой те отаць ни слушати неће“, каже ми. Слуша ће, сладка Олго, одговоримъ іой, я ћу сутра при обѣду кодъ Васъ быти. — „Чуданъ є отаць мой, боимъ се, да те неувреди, пакъ ћешъ после и на ме жалити“, брижљиво рекне она.

Ово є изъ ютра было. Чимъ се вратимъ дома, дамъ звати градоначалника Раживила, и извинимъ му се, што га досадъ походію нисамъ, потомъ му кажемъ, да ћу сутра при обѣду гостъ нѣговъ быти. Старый овай польскій херой обрадує се, и съ узкликомъ одма моляше за одпустъ, да, као што веляше, высокогъ и редкогъ госта по достояню дочека.

Сутра данъ рано заповѣдимъ свити моіой, да се торжественно и светло обуку, — кажемъ имъ, да ћемо предъ подне Раживилу ићи, гди ћемо и обѣдовати. Самъ се у сва моя украше-нїя обучемъ, и енглескогъ ѱогата могъ усе-днемъ. Раживиль съ многимъ іоштъ благород-ствомъ дочека ме на градской капи, и тако за нѣколико магновенїя присиѣмо у нѣговъ замокъ.

Знао самъ, како ће се сырото девойче препасти, кадъ у мени, мѣсто нѣногъ сыро-маха писара, Кралѣвића Сигмунда види. Кадъ уђемъ у ходникъ, дочекаю ме сви дворяни Ра-живилови, жена нѣгова и нѣне сроднице, — Олге међъ нѣима небїяше! Она е — као што ми е потомъ казывала — съ прозора гледала, а после послове уређивати отишла. Кадъ смо већъ у соби были, и дворяни мои по верту шетати се оду, упитамъ Раживила, ели ми сву фамилю свою представіо? „Кћи ми, Ваше Величество, одговори онъ, по кући наређуе, и устручава се предъ Васъ изићи, — стыдльи-ва е, — младо іоштъ дѣвойче, — садъ текъ

15. годину навршила.“ — Ништа, придодамъ я, радъ самъ сву Вашу породицу познати. Одма онъ изиђе. — Благородство Поляка много држи на себе, — я самъ торжественно дошао, — и градоначалникъ Вилвискій нехтеде свою кѣерь онако, као што самъ ю я у башти найрадје гледао, лако обучену довести предъ мене, — и она се морала богато обући; то е причинило, те самъ се подуго съ Раживиломъ, кои се одма вратио, забавити морао. Нестрпѣнїе мое на найвећемъ е степену было; но времена самъ имао преправити се, да ю дочекамъ. Я самъ затимъ крозь прозоръ гледао, мати е међутимъ у собу доведе. Отацъ њѣнъ дође мени къ прозору говорећи: „Овде е, Ваше Величество, моя единица, Олга моя.“ Я се окренемъ одъ прозора и видимъ ю предамномъ богато обучену, — ни една краљица земна съ њомъ се узпоредити кадра не бы была; сви идеали красоте, доброте и невиности на њой се блисташе, сви у њой союжени баше.

Представи себи њѣну забуну, кадъ ме е видила и упознала. Она се скоро обнезнани,

и я се задржати нисамъ могао, — дочекамъ ю на прси мое, и обоє умукнемо. Отаць є нѣнъ нѣмый и єдиный зритель позорія овогъ быо. — Да те дуже незадржавамъ, Модржевскій, я отцу нѣномъ све изявимъ, — наше познанство и састанке невине изповедимъ. Дуго намрго-ѣенъ и нѣмъ стояше, напоследку осмене се, и повиче польско-юначкимъ гласомъ: „Боже буди воля твоя! Добро знамъ, да самъ оно вече, кадъ ми є се ово дѣте родило, о троновима саняо. Зато сте Вы дакле пытали, єсамъ ли Вамъ сву мою фамилію представіо, єрѣ є онай чланъ нѣзинъ фаліо, кои се Васъ найвише касао.“ — Олга є меѣутимъ на десниці моіой почивала, и премда є къ себи мало дошла, видеѣи отца свогъ покрай себе, одъ стыда є главицу у нѣдра моя чисто скривала. Отаць се умили, загрли ю, изъ обятія мои прими, и мало ю охрабри. — У тай часъ уѣе служитель у собу и яви Раживилу, да су служебна нѣка писма изъ Варшаве дошла. „Само да ій примимъ“, рекне ми старый, и изиѣе. — Садъ опетъ бысмо сами. Дуго обоє ѣутасмо,

пустію самъ ю быю, да се охрабри. После приступимъ іой ближе и рекнемъ: — Опрости мила моя, што самъ тако съ тобомъ немилостиво поступаю.

„Ахъ, Ваше Величество, я самъ писара єдногъ изъ Ваше свите любила“, уздане она.

— Ал' у Кралъвиѣа Сигмунда особи! Штатил' ти Кралъвиѣа любити неможешъ? Небой се, сладка Олго, све ѣу препоне я одбацити; ако Сигмундъ на престолъ седне, и ты ѣешъ съ ньиме —

„Нисамъ я за то роѣена, шапутне она, нежелимъ я среѣу кралъвскимъ кѣерима отимати.“

-- Ты ниси крива, голубице, ты срцу твоємъ слѣдуй! Не люби чинове, — нит' убогогъ писара, нит' кралъвогъ сына, — особу люби, мене милуй. Или ѣе моя предъ тобомъ промена и любовь твою промѣнути? — оканисе титуле, любишь ли ты мене? — све ѣе Богъ добро учинити!

„Юштъ питаешъ“, рекне она узхиѣена, охрабрена, — и кадъ ю у обятія узмемъ, ва-

тренимъ полюбцима оно, што бы іоштъ говори
рити ми имала, изкаже. — „Да си ми се овако
саяно одма показао, не бы те — не бы те
смела любити, ал' овако —“. Полюбаць мой
далый іой говоръ прекине.

У томъ се и отаць врати, — обѣдъ го-
товъ буде, и она е наспрамъ мене седла, ал'
отцу самъ, да о свему ѣути, наложіо. Предъ
саму ноћь одяшимо у Вилну.

V.

Два блажена потомъ месеца провео самъ
у Вилни Съ ньомъ самъ се и у верту састаяо
у одећи писара, и у двору отца нѣногъ, као
Кралѣвићъ. Говораше ми, да самъ іой свагда
милии као првый, али самъ я іой одговарао,
да ми е и она много дражестнія као лако обу-
чена верта посленица, него богата племкиня
и кћи Раживилова у сали очиној. Тако про-
ђоше та райска два месеца, као два дана.

Добыемъ одъ отца позывъ у Краковъ. Я
се замолимъ іоштъ за нѣко време да у Вилни

останемъ, изговараюћи се да ондашнѣ подне-
біє врло благо дѣйствує на здравлѣ мое, — но
добыємъ повторителный позывъ, ерѣ ме већъ
видити желе, а особыто и отаць, — стаяше
у писму — важна посла самномъ има. Шта ме
є двогубый опроштай съ Олгомъ моіомъ, най-
пре у верту съ ньомъ, а потомъ у Раживило-
вомъ двору съ свима, туге стао, лако можешъ
помыслити. При разстанку покажемъ іой прва
она четири карамфила, коя самъ у кристалъ
и злато оковати дао, и као амайлію на срцу
носио, — и кажемъ іой: Ова четирьъ цветића
си ты изгубила, помоћію иъиномъ тебе самъ-
нашао, я самъ ій досадъ на срцу моме греяо,
тежко ми се съ ньима разстати, ал' узми ій,
любезна Олго, — носи ій у твоимъ нѣдрима,
на данъ нашегъ вѣнчаня да ми ій повратишъ.
Зато ми она прстенъ съ нѣногъ прста да, кои
ми є сво и садъ на руцы. —

Дођемъ у резиденцію. Ахъ, овде самъ
текъ видіо, да многи люди о правой любви
ни понятія немаю, кои свакій потрясъ стра-
стіи любовью называю. У вече є было весе-

лѣ сбогъ долазка могъ, — мати моя никакову прилику непропушта веселити се. Знашъ, кодъ Омира, како є Улисъ на своимъ странствованіама, кадъ є поредъ Сирена', коє су до половине тѣла прекрасне дѣвице, а одъ половине чудовишта морска быле, пролазіо, — како су га на нѣгову погибель обаятелномъ пѣвкомъ, скривши грдобу свою у море, као купаюће се девойке мамиле; али є нѣга волшебница Цирца, на то осторожнимъ учинила, — онъ є дружини своіой ушій воскомъ залепіо а себе за катарку везати дао, да се преваріо не бы. Прекрасна є басна ова! Многи люди путуюћи к' цѣли своіой, страстима примамлѣни, с' пута сврну и пропадну; и само Одиссеи, само они, кои пожеланя своя умомъ везую, къ цели доспѣваю! Дворкинѣ матере, мое су таліянске Сирене, — све су своє чаре и овда употребиле, да ме плѣне; али є мене Олга, — Цирца моя — волшебно за катарку ума мога притегла, — нисамъ я више она рыба быо, кои самъ на примамку удица' нѣювихъ лакомо летіо. Добродѣтелне дѣвойке

непорочна любовь и разпуштеногъ младића поправля!

Сутра ме данъ отаць к' себи зовне, и овако ми почне беседити: „Сыне мой, ты си већь из дѣтинства изишао. Я самъ већь оста- рю, и желимъ те, пре негъ што у гробъ о- демъ, срећна видити. Я самъ намѣранъ тебе женити, и одавно самъ за тебе девојку гле- дао, коя ће теби пристойна бити, — кодъ многій самъ европейскій владоца мотрю, — и“

— Заръ нема Польске кѣри, коя бы кадра была Кралѣвскогъ сына усрећити? — пресечем' му и речь, па му трогателно мою любовь изповедимъ тако, да ме е са сожале- ніемъ слушао.

„Е мой сыне, настави отаць, радо бы я теби помогао, ал' су твои изгледи сасвимъ други. Кралѣви мораю сву свою себичность, и само срце свое благостоянію народа свои и државе свое жертвовати. У Польской е из- борна Кралѣвска власть. Само скопчанѣ на- ше са сјайнимъ и моћнимъ каковимъ дворомъ може теби тронъ обезбѣдити. Нећу да пы-

тамъ, любишь ли ты каковый кринъ Польске,
— пытамъ я, ели теби на срцу среѣа и бла-
гостояніе отачбине твое! Я самъ се са станови-
ма и прочимъ благородствомъ погодію, да ты
Імператора Нѣмачкогъ Фердинанда кѣерь Е-
лисавету за супругу узмешь, па онда ѣе ти,
сыне, престоль осыгуранъ быти, — они ѣе-
те іошть за живота мога одма крунисати.
Неможешъ се ты престола сбогъ едне женске
любви одреѣи, недопутша то слава Ягеллон-
ске лозе наше, коя е скоро два столѣтія
престоль Польске дичила, недопушта то бла-
гостояніе и спокойство народа и домовине
наше. Помысли умно сыне мой, шта бы, кадъ
бы то учинію, было, — небыл' при новомъ из-
бору опеть престоль, кои е веѣь доста сбогъ
тога крвлю орошенъ, истой судьби оставію. До-
ста е гордо и завыстльиво наше благород-
ство. Был' друга благородна племена мирно
гледала, да се една из Раживиловогъ племена
Кральнойцомъ быти удостои, и на тронъ попне?
Тамо ѣешъ, велишь, едну душу упропастити,
убити; али ѣешъ овамо среѣу народа', миліо-

непорочна любовь и разпуштеногъ младића поправля!

Сутра ме даиъ отаць к' себи зовне, и овако ми почне беседити: „Сыне мой, ты си већь из дѣтинства изишао. Я самъ већь оста- рю, и желимъ те, пре негъ што у гробъ о- демъ, срећна видити. Я самъ намѣранъ тебе женити, и одавно самъ за тебе девайку гле- дао, коя ће теби пристойна бити, — кодъ многій самъ европейскій владоца мотрю, — и“

— Заръ нема Польске кѣри, коя бы кадра была Кралѣвскогъ сына усрећити? — пресечем' му я речъ, па му трогателно мою любовь изповедимъ тако, да ме е са сожале- ніемъ слушао.

„Е мой сыне, настави отаць, радо бы я теби помогао, ал' су твои изгледи сасвимъ други. Кралѣви мораю сву свою себичность, и само срце свое благостоянію народа свои и државе свое жертвовати. У Польской е из- борна Кралѣвска власть. Само скопчанѣ на- ше са сѣйнимъ и моћнимъ каковимъ дворомъ може теби тронъ обезбѣдити. Нећу да пы-

тамъ, любишь ли ты каковый кринъ Польске,
— пыгамъ я, ели теби на срцу среѣа и бла-
гостояніе отачбине твое! Я самъ се са станови-
ма и прочимъ благородствомъ погодію, да ты
Імператора Нѣмачкогъ Фердинанда кѣерь Е-
лисавету за супругу узмешъ, па онда ѣе ти,
сыне, престолъ осыгуранъ быти, — они ѣе-
те іошть за живота мога одма крунисати.
Неможешъ се ты престола сбогъ едне женске
любви одреѣи, недопутша то слава Ягеллон-
ске лозе наше, коя е скоро два столѣтія
престолъ Польске дичила, недопушта то бла-
гостояніе и спокойство народа и домовине
наше. Помысли умно сыне мой, шта бы, кадъ
бы то учинію, было, — небылъ при новомъ из-
бору опеть престолъ, кои е веѣь доста сбогъ
тога крвлю орошенъ, истой судьби оставію. До-
ста е гордо и завыстльиво наше благород-
ство. Былъ друга благородна племена мирно
гледала, да се една из Раживиловогъ племена
Кральницомъ быти удостои, и на тронъ попне?
Тамо ѣешъ, велишь, едну душу упропастити,
убити; али ѣешъ овамо среѣу народа, миліо-

на' душа' опасности изложити и можда убити! Ова ће слѣдствія одказанѣ твоє на тронъ — она невѣрство к' Раживиловой кѣри имати, шта є прече? — суди! Шта ти є више на срцу или среѣа државе наше, или єдне женске, ил' више любишь земну угодность твою ил' спасеніє отачбине? Кома овде треба верни да будешъ, ил' єдной девойки, или целой отачбини?"

— Отачбини! одговоримъ я, — ово є најсветіє на свету, а нарочито за оне, одъ кои се соотечественицы помоћи највише надаю!

„Тако сыне рекне ми отаць, тако мысли свагда! Домолюбца некъ су земна услађеня само подложне ствари, — главна среѣа нѣму мора быти благополучіє отачбине свое. Иди и спремай се скоро ћешъ у бракъ съ царевомъ ћерию ступити.

Све бы за мене изгублѣно, — Ольга, Вилва за мене санови постадоше! Отачбини се жертвовати морадо, ерѣ є ту мой отаць умно поступао, — нѣму є заиста среѣа

моя и цѣле Польске на срцу лежала. — Знашъ, да самъ се с' Царскомъ Ђерію Елисаветомъ оженію — знашъ да самъ на скоро крунисанъ быо, на тай начинъ, да по смрти оца на владу ступимъ, — потомъ да самъ мѣстозаступникъ и повелитель Литваніе постао, и то ти є познато. Ову службу одправляюћи у Вилни самъ сѣдити морао, но отаць ме є яко любіо, и више самъ кодъ нѣга быти морао. Пре шесть месецы умре ми тамо супруга, — и я у Вилну дођемъ.

Олга є замномъ тужила, као што су ми являли. Чувши за мою женидбу у болестъ є пала. Кадъ се предигла, отаць іой огорченъ и забринуть за кћерь свою, употреби сву свою силу, и молбе матере нѣве склонити ю, да се уда. Дуго ій ніє послушати хтела. Напослѣдакъ склони се из любви къ родителямъ, и уда се за нѣногъ просіоца, реченогъ Войводу Гастолжія.

VI.

Овако говораше Сигмундъ, а Модржев-

ски тронуть и нѣмъ у нѣга гледаше. Сунце веѣь далеко одъ постелѣ свое одмакло бяше, и зрацы нѣгови досадни почеше бивати обоимъ пріятельима. — Айдемо у ладъ оне липе — гди самъ често с' нѣомъ седіо — рекне Сигмундъ; іоштъ последнѣ мое догаѣае, а особыто одважно намѣреніе чути морашъ. Кадъ су на мѣсту были продужи Сигмундъ беседу.

Веѣь є шестыи мѣсець, како самъ овде у Вилни, као удоваць. Бракъ мой с' Елисаветомъ и минуле тры године, кое самъ с' нѣомъ провео, као прошли санови предамиомъ плываше. Я самъ с' нѣомъ доста добро живіо. — Овде се текъ моме уображенію оно доба, кое самъ по овимъ мѣстама с' ангеломъ моимъ, съ Олгомъ, проводіо, у найживльимъ представи бояма. — Старый Раживиль чиніо се, да є на све заборавіо; — онъ се само о државнымъ пословима, и то ладно, самномъ разговарао. Пре некогъ времена запитамъ за Олгу, и онъ ми на велико мое удивленіе да одговоръ, да є она остала удова, и да є одма по смрти мужа свогъ писала, кадъ тамо са своіомъ

свекрвомъ ствари уреди — да ће се кући вратити, и ово ю дана, веляше ми, чекамо. — Садъ се уображенія моя скоро у фантазію претворе — я самъ ю видити желію. — Све самъ за ню разпитивао, и на последакъ чуемъ, да є дошла. Ништа ми више ніє требало. Чимъ ми Градоначалникъ послова ради дође, рекнемъ му: Раживилъ! Ваша є кћи дошла.

„Пре неделю дана, Ваше Величество,“
быо є одговоръ.

— Ах, драгій Раживилъ, я знамъ, да самъ Васъ увредію, но срећа нашегъ отечества тако є изискивала; и В шъ самъ подписъ међу онима видію, кои су за послѣдованіе мое на тронъ, као условіе женидбу мою с' Царскомъ кћерію изискивали. Знамъ, да се Вы радо онда нисте подписали, али су такова обстоятелства была. Садъ ми дозволите, да ю само еданпутъ у дому Вашемъ видимъ.

„Ту бы є єдинствево и видели, ербо ни у вертъ свой неће да изиђе. Но поштедите ю, — женска є слабо створенъ, а она є чувствителна, — прво є впечатлѣніе неизчезає-

мо, — єданъ взоръ на Васъ, цео бы нѣнъ миръ нарушио“ — одговори Раживиль.

— Не, придодамъ я, она несме знати, ко самъ я. Онда самъ я іоштъ дѣтинъй изгледъ имао, скоро и безъ наустница, — а тры године и печаль моя много су измене на мени учинили. Кажите іой, да єдногъ Руссискогъ скоротечу, кои у резиденцію путує, очекуєте

Єдва се старый на то склони. „Добро, рекне, жена моя и онако сутра рано к' сестри своіой одлази, на два—тры дана, Олга є и онако одъ пута уморена, она ю неѣ пратити, а веѣ су се, одкако є дошла, доста наразговарале. Съ женомъ моіомъ и веѣа часть служителя одлази, — а две моє вѣрне слуге и єдна служавка, кои остаю, и онако су веѣ одъ много година участницы сваке моє тайне были. Сутра дакле!“

На уречено време на єднимъ путничкимъ покривенимъ колима одемъ у замокъ Раживиловъ. Отаць ме нѣнъ подъ реченимъ именовъ нъой представи. Я самъ ѣутао, чивеѣ' се, да слабо Польски говоримъ. Она ме слабо и гледаше.

Ах, драгій Модржевски, кадъ самъ ю видію, єдва самъ се на ногу држао — удовица са свимъ дражестима 19-ог пролећа свогъ, — ружице на образу нѣномъ истина нису гореле, као одъ пређе, али као крынъ, по коме прве ютренѣ іоштъ слабе зраке сунце проспе, были су образчићи нѣни; — црне очи, премда іоштъ као звѣздице свѣтле, опетъ тихость и смиренность дугій трепавица скриваюћи свѣтило нѣино, сведочбу су давале туге нѣне, а црно одело нѣно представляше у нѣной неку светительку. Овда любовь моя іоштъ већма, него пре, плану. Но морао самъ се уздржати, да видимъ, небыл' каквое знаке опоминавія на мене, кодъ нѣ примѣтити могао. У томъ ми служавка помогне. Каже ми да обично по обѣду у салу иде, и да тамо узъ арфу пѣва, но све, вели, жалостиве неке пѣсме. Я ю замолимъ, да ми учини, да бы є како невиђенъ слушати могао. Она ме на време одведе у єдну собицу, коя є са тремомъ (саломъ) єднимъ стакленимъ вратима у союзу была. Изъ трема є завѣса на врати была, али я самъ ю о-

петъ сматрати могао. То є све служавка вешто
навѣстила. Чимъ дође Олга у тремъ, тужеѣнимъ
почне пѣвати гласомъ. Ово, кое ми се чинило
да се на мене односило, само самъ утубіо:

„Када ноѣни мрацы стигну
Скріе лыкъ свой ладолежъ, —
Ал' кадъ сунца с' зрацы дигну
Развієнь є тадъ и свѣжъ:

И любви прве тако
Страсти руше споменикъ, —
Но оне се гасе лако —
А нѣнь тадъ є живлыій лыкъ;

Тако често любве праве
Очемери судба сласть, —
Алъ узмутне воде здраве
Време бистрит' има власть!“ —

У трему су была изображенія своію Поль-
ске Кралѣва, и мое є тамо Раживиль у редъ
ставіо. Свршивши пѣсму предъ нѣга оде, и

с' плачнимъ очима извади из нѣдара амайлію ону с' чѣтыри карамфила, кою самъ іой при разстанку негда дао и са сузнимъ очима, часъ у ню, часъ у лыкъ мой уздишуѣи погледаше. Веѣь самъ доста знао. Као безсомученъ улетимъ к' ньой у тремъ, — паднемъ предъ ню и покажемъ іой на руцы прстенъ, кои ми є она при разстанку дала, с' єцаюѣимъ гласомъ: Познаєшь ли га? Ахъ вид'о самъ, да за мене заборавила ниси.

Неѣу те дуго, пріятелю, любовнимъ маленкостима задржавати. Она є сырота много лютій удара судбине поднела, — она є из дѣтинства изишла. Тронута є и у жалость погружена была. После дужегъ разговора рекне ми: „Мы смо се любили, али обстојтелства нису допустила, да любовь наша супружескимъ вѣнцемъ увѣнчана буде, — мы морамо и сада єдно друго избегавати, и молимъ Ваше Величество, да ме поштеди у напредакъ, — мы се гледати несмемо, — Васъ друга веѣь принцеца чека.

Садъ се у мени роди исполинско намѣреніє.

Задржите, рекнемъ іой, высокимъ гласомъ, донде све страопочитаніе, коє сте прама крунисаномъ Кралѣвићу дужни, — не дайте му ваше срце донде, докъ Васъ као супругу свою незагрли. Она ме на то погледи и уздане. — У томъ уђе и нѣнъ отаць. „Ваше Величество, — рекне ми смешећи се — мы се чувамо, да Васъ неиздамо, а Вы сте се чини ми се сами одали.“ — Я му потомъ изложимъ, како самъ много за ньомъ тужио и трпію, а особыто, одкако самъ као удоваць у Вилни. Потомъ — слушай пріятелю! — кажемъ му намѣреніе мое, да самъ заключію с' ньоме тайно се вѣнчати. — Кадъ отаць мой и Становичую, рекнемъ, истина изъ прва ѣду се противити, али ѣду на последку мою женидбу одобрити. На ово ни нѣга, ни ню склонити немого.

После тога самъ — по старомъ начину — нѣколико пута съ ньоме састао се у башти нѣной; моє молбе и почитаніе спрама нѣ побудиле су ню, она ніе противна; но отаць іой іоштъ при старомъ стон, неће да то бракосоче-

таніє одобри. Бон се , кадъ се одкріє , кралѣв-
ске и другогъ благородства освете.

Ово є садашнѣ станѣ мое , — зато самъ
я жалостанъ , дубока печаль є у мени , ніє ово
жалость за умрломъ супругомъ моіомъ , као што
мой отаць , као што сте сви мыслили. — Мно-
ге ми є дворяне краль шилаю , да ме тѣше , я
нисамъ утѣшенія , но помоћи потребовао. Мо-
држевски ! ты єдиный пріятель , кои си ме ср-
дечно , неласкательно свагда любіо , садъ ми
помози ! Кажемъ ти , я самъ се свимъ на све-
ту заклео , другу више неузимати. Єданпутъ
самъ срце мое жертвовао ! Садъ одъ намѣреня
мога одустати неѣу , ма шта слѣдовало. Я самъ
задоста свима учиніо и крунисанъ самъ. Човекъ
се и изъ чувства состои ; єданпутъ самъ уму
се повиновао , али садъ немогу срцу одолѣти.

Овако доконча беседу свою кралѣвскій
сынъ. Модржевски зачуѣенъ , и подуго и дубоко
ѣутеѣи , мысляше , — потомъ ублажи и умири
преповеданѣмъ судьбе свое узколебаногъ Сиг-
мунда , — обеѣа се побудити Раживила , да са-
четаніє то допусти , и на последакъ и кодъ

краля и Станова за тога одобреніє дѣйствова-
ти, ерѣ є онѣ, премда младѣ, велико втеченіє
у државнимѣ дѣлима имао.

У томѣ подне бѣше, и оба пріятеля врате
се у градѣ.

VII.

На єданѣ четвертѣ сата одѣ Вилнѣ было є
манастырѣ єданѣ, сѣнимѣ дрвама и зеленимѣ
єднымѣ холмиѣемѣ одѣ града скривенѣ. У нѣму
бѣше мало число калуѣера, — недельнимѣ и
празничнимѣ данима было є у црквицы нѣговой
како изѣ Вилнѣ тако и изѣ обличній села до-
ста богомоляца. — Овде бѣше обычный данѣ.
Сунце є веѣ съ зрѣника изчезло было и сум-
ракѣ настао, — дубока тишина свуда царство-
ваше, тихый вечерній ветриѣ само кадшто
лишѣ дрва узнемираваше, и животѣ природе
являше, — братія у своимѣ ѣлицама почива-
ше, — само прозори црквице слабо осветлѣни
бѣше, — у нѣой су два — тры кандила горела.
Нигди ни живе душе небыаше. — Садѣ изѣ

манастирскій врата изиђу две у красномъ одѣлу женске съ покривенимъ лицемъ, а за њима двое мушки. Еданъ одъ овы скриваше огртаѣомъ хальиномъ украсе дольного одѣла, — проседа њѣгова брада и велики бркови, као и мужественый њѣговъ ходъ ясно показываше старотъ польскогъ племиѣа; — другогъ такоѣе њѣгово дугачко црно одѣло и величественый изгледъ за игумана манастирскогъ издаваше. Све четворо стану предъ манастыромъ лагацко разговараюѣи се. — Една одъ госпоѣ, коя се млада быти видила, оде мало далѣ и на путь изгледаше. Старый кадшто немирно корачаше.

— Гди е веѣтъ толико, рекне онъ ячимъ гласомъ, — поль сата преко уреченогъ времена проѣе, — ал' ако буде досадъ ѣудъ изменуо, онда —

„Ено иду два коняника“ — радостно пресече му она женска речъ, коя одъ њѣи неколико корачай удалѣна стаяше.

— То ѣе вальда быти, придода Игуманъ.

У то дођоше оба коняника. у црно гра-
ђанско одѣло обучени. Радостни скоче обоица;
и еданъ лежаше у обятіама млађе оне женске.
— Ови су загрлѣни Сигмундъ и Олга были.
Сигмундъ е праћенъ одъ свогъ пріятеля Мо-
држевскогъ овамо дошао. Друга она госпоя
была е мати Олгина, а онай старый, отаць
нѣнъ Раживиль.

Бутећи узме Сидмундъ Олгу подъ руку,
и одведе ю у слабо осветлѣну црквицу. Про-
чи су за њима слѣдовали. — Игуманъ се обу-
че у црквено одѣло, — Сигмундъ и Олга при-
ступе олтару, и онъ їй — вѣнча! Модржевски
е кумъ быо. — Кадъ изиђу изъ цркве, онда текъ
Сигмундъ у највећемъ блаженству загрли и у
присутствію свою супругу свою цѣлуе. — Оба
потомъ пріятеля уседну на свое конѣ и оду
у Вилно, — Раживиль пакъ съ своіомъ фамі-
ліомъ одвезе се у свой двораць.

Ово е Модржевскогъ дѣло было. Онъ е
кралѣвскомъ свомъ пріятелю помоћи свесрдо
потрудіо се. Онъ е Олгиногъ отца приволео,
и своимъ умнимъ доказателствама принудіо, да

тайный бракъ тай одобри „Нећете да сотимъ отечеству какову несре'у навучете, — а заръ ће мала несрећа бити, ако Кралѣвића то, што му кћерь Вашу недате, здравля или живота можда стане. Я љу потомъ кодъ краля издѣйствовати, а и међу Становима много пріятеля имамъ. Кадъ виде, да є већъ готово, нећеду кварити, — овако ћемо лакше Кралѣвићу помоћи“ — говорио є Модржевски Раживилу. Овимъ и подобнимъ онъ є старца на то склоніо. — И заиста, кадъ є успѣо, и тайно вѣнчао ѿ, кое є онъ съ Игуманомъ онимъ, знанцемъ своимъ, уредіо, — кодъ многогъ є благородства ходіо, нѣи своимъ краснорѣчіемъ на свою страну приводіо, и одъ многій є, премда є тайна іоштъ, одобренія имао. Потомъ є и у резиденцію краљу одпутовао, да у свое време и кодъ нѣга о томе послує, и одобреніє брака тога получи.

VIII.

Младимъ овимъ любећимъ се двома наравно небыше свободно подъ єднимъ кровомъ

живити. Али е Сигмундъ више кодъ младе супруге свое, него у двору свомъ, бывао. Што су препоне теже были, што ю е добыо, — то ю е веѣма любіо, — свакій путъ, кадъ е кодъ нѣ бывао, веѣе е дражести у нѣой находіо, — све му е милія была. У нашимъ само поляма узбрано цвеѣе кадро е достойно дичити вѣрне отачбине наше сынове — често онъ предъ нѣомъ говораше.

Модржевски е кодъ Краля быо, и іошть ништа веѣь одъ єдногъ месеца неявляше, ели штогодъ кушао. Сигмундъ веѣь забривуть баше. Найвише се матере свое бояо, ерѣ е она Краљѣву власть по своіой вољи употреблявала. Она е была кѣи Іована Галеаза Сфорція, княза Медіоланскогъ, — имена Бона (Добра), и правима и поступцыма своима имену свомъ толико соотвѣтствоваше, као и они судови, на коима надпись „Правда“ стои, безъ да се у нѣима наблюдава. — Отаць му одъ некогъ времена слабъ быаше, и она сотимъ веѣу владу надъ свима дворяниыма имадаше. Веѣь е быо извѣштенъ, да е она опетъ у намѣренію какову принцезу за нѣга просити — а онъ веѣь

оженѣнъ! Друго му писмо являше, да му е отаць іоштъ слабин, као такођеръ, да му е и мати о нѣговомъ поступку мало начути морала. Онъ е знао нѣно високоуміе, да она, докъ владу у рукама имала буде, допустити неће, да се какова Полькиня нѣой узпореди. Врло е забринутьъ быо, но све е бриге опетъ на грудима супруге заборавляо. —

Еданпутъ седіо е у соби самъ овако забринутьъ. Скоротеча, кои е овай часъ изъ резиденціе приспѣо, улети у собу, и донесе му жалостный гласъ, да е старый краль, отаць нѣговъ, напрасно умрео, и да ити тамо, еръ ће се с' погребомъ на нѣга чекати. С' места се справи, и дубокомъ жалостю погруженъ, безъ да е супруги с' Богомъ рекао, одпутуе у резиденцію. Оплаче и торжественно погребе оца свога. —

Мати нѣгова, коя е іоштъ владати хтела; прогласи нѣгову женидбу, кою онъ и самъ изкаже, и подстрекавала е и наговарала благородство, да младоме кралю, премда е онъ іоштъ за живота очина крунисанъ быо, докъ

се одъ ове жене не разстави и другу не узме, владу не вруче. И заиста е Сигмундъ многе противнике имао, кои су му и лишеніемъ круне претили. Онъ се на то ни подъ кои начинъ склонити ніе хтео, — и принуђенъ буде скоро као бѣгунацъ у Вилну отићи. Што му е іоштъ више печали и бриге узроковало, было е, што е у овомъ станю безъ пріятеля и совѣтника было. Модржевскогъ е таки после погребѣ не стало. Сигмундъ мысляше, да е онъ одъ страи претнѣ благородника, некуд' се уклоніо.

У Вилни ніе скоро нико ни знао, да е младый Краль дошао; шта више и супруги являти ніе хтео, да ю у већу тугу и печаль бацио не бы. — Чудно е овда станѣ нѣгово было!

IX.

Сунце већъ изишло бјаше, кое кровъ Раживиловогъ замка ружичномъ освели боіомъ, и румене зраке крозъ прозоре у Олгину собу бацише, али ово на ню, као досада, впечатлѣнія никакова неимаде; она е црне мысли по-

гружена седећи главу на прси оборила, и едва іой дисанѣ примѣтно бѣше. Она е прве дане с' Кралѣвскимъ своимъ супругомъ у райскимъ проводила радостима, — но после взоръ у будућность мало по мало радость ову замуѣивати поче; смрть старогъ краля, — ладокрвный, као што се нѣой чинило, одлазакъ супруганѣногъ и предстоеѣа іой судба раздираше меку и нѣжну грудь нѣну. Шта више одъ служавке чула бѣше, да е младый краль веѣ пре тры дана у Вилну дошао, па ништа іой ни поручіо нѣе. „Ахъ, уздисаше она, онъ е онда у страстномъ жару быо, онъ е мене несрећномъ учиніо, садъ е се вальда разкаяо, — да нѣгова любовь нѣе оладнила, онъ не бы тры дана пропустио, да еданъ баръ скокъ до замка нашегъ неучини.“ Овакове и цриѣ мысли параше внутреньость нѣну. Она е чула претнѣ благородства и найужасніи слѣдства се бояше. Отацъ, кои е на погребъ краля отишао, іошть се невраѣаше. Богъ зна, мыслила е она, шта се и с' нѣимъ догодило, ако се мое с' кралѣмъ сочетаніе чуло. — Свисла бы сырота у овако-

вой туги, да ю брыжльнва мати нѣна тѣшила
нїе

Овако є она печална седила. На єдан-
путь мати, коя при прозору стояше, устраше-
на повиче: Ево из Вилне цела войска бесно
ящеїй благородника — ахъ ово су безъ су-
мнѣ противницы, кои бракъ твой с' кралѣмъ
недопуштаю, — сырота ћерко, шта ће одъ
насъ быти! ахъ, садъ ћемо жертве ярости
нѣине постати.

Олга пребледи, — но наскоро подигне-
се у нѣой пламень польскогъ юначства, —
она одважно устане с' стола, и смрты самой
преправна, ступи смѣломъ ногомъ из себе, и
пойти на сусреть благородницыма. Топотанѣ
коня и вика коняника све се већма чула.

Башъ кадъ Олга у прсима готовость къ
свакой судби носећи — изъ замке изиђе, стиг-
ну и коняницы, кои угледавши ю с' радостномъ
викомъ: „Да живи краљица Олга! да живи
мати наша!“ поздраве, и на рукама ю Кралю
Сигмунду, кои међь нѣима бѣше, у наручїя од-
несу. Потомъ ю и радости сузе ронећи отаць

загрли, кои е такођеръ с' овомъ кићеномъ го-
миломъ дошао. — Нагла промена жалости пре-
велике и напрасне радости може и саму смртъ
проузроковати. Лако е дакле представити, ка-
ко е Олги у овомъ часу было.

Модржевски, — онъ е одма по погребу
старогъ Краля многимъ благородницама ишао,
и нѣи на признаніе краљице своимъ словима
склоніо, представляюћи имъ, да е Краљ мла-
дый у свомъ поступку постоянъ, да се онъ
нигда на срамоту свою и целогъ Краљѣвства
одъ нѣ разстати неће, да бы то нѣово неодо-
добреніе найжалостнѣя слѣдства имало, ерѣ и
Краљ е прѣтеля имао, — совѣтовао имъ е,
да отечество свое нецепаю ит.д. — У кратко
онъ е нѣи склоніо, скупіо, и Краљу у Вилну
с' нѣима отишао, да му одобренѣ свое кажу, —
а оданде е, узевши краля с' собомъ, радостно
краљицы у замокъ спѣшио. — Онъ е быо по-
томъ за владѣвія Сигмунда нѣговъ тайникъ и
напрснѣй прѣтель. —

„У Краковъ! повикаше ватрени Поля-
цы, да крунишемо Краљицу нашу, да достой-

на и еднака любовнику нѣномъ и нашемъ кра-
лю буде.“ —

Олга буде торжественно у Кракову као Сиг-
мундова супруга за краљицу Польске круни-
сана. И сама мати Сигмундова преволела се
и загрлила є снау.

Кадъ Олгу Сигмундъ, као краљицу загрли,
— извади она изъ нѣдара амайлю ону с' четыри
карамфала, кою є одъ нѣга при првогъ познанства
разстанку добыла, да му ю, кадъ ю као супругу
загрли, врати, — и преда му ю „Садъ самъ
твоя текъ права и достойна супруга“ любко
говорећи.

Премили цветићи! рекне Сигмундъ, на
ново загрливши ю — они су узрокъ были, да
самъ те нашао и познао, они су причина сре-
ће наше, они ће нама свагда найдрагоцѣниє
благо быти.!

Иав. Поповићъ Шабчанинъ.

ПОЗДРАВЪ
Благородной Госпоѣи
АНАСТАСІИ отъ НАКО.

Ты іой Музо китти златне власи,
А мы главу вѣнцемъ окрунимо,
Ньоме, кои с' Серби поносимо,
Тако желя свію Серба гласи.

С' таквомъ честию 'Настасіо Нако,
Ка' богиню и духа разума,
За књижество коя с' заузима,
Србство ћерку почитуе тако.

Зачатница Драголюба с' была,
И Сербкинѣ побудила сестре.
Гласъ ори се до мора Адріе,
Когъ разноси Велебитска вила.

Гдигодъ рода чує с' Серб-Славенска,
Да му сладко име ти прогласи,
Нек' с' разноси ко мора таласи,
Ты, да си намъ дична мила Србка.

Кудгодъ твоє провидљиво око
Жарке свое просипує зраке,
Тамъ намъ свѣтлостъ осіява мраке,
Зато т' слави мало и велико.

Ты некратишъ одъ помоћи руку,
Да остале Србкинѣ ти слѣде,
Нек' на тебе србске кѣри гледе,
Сербскомъ роду ты си намъ на дику!

И немойте, сестре, за єдинца
Овогъ само сложно да радите,
Већъ и кѣрма вашима предайте
Драголюба, нашега любимца.

Обшта помоћъ нека се умножи,
И књижеству буде плодносна,
Кое само подиже насъ одъ сна,
Свак' на олтаръ жертву нек' положи.

Родолюбцы неће заостати,
 Пашти'ѣесе помоћи вамъ къ мети,
 Жертву умну на олтаръ принети,
 И књижеству сва на помоћъ дати.

Да се име и србско прослави,
 И одъ рода да прелази на родъ,
 Срећно србскій да намъ плови бродъ,
 То аманетъ свакъ Србъ да остави.

У Огулину.

Јосифъ Калинићъ,
 капетанъ.

ПРЕПОХВАЛНОМЪ СПОМЕНУ.*)

Челомъ ведрымъ, духомъ гордымъ,
Србскій геній ступа садъ:
У премилый Нимфамъ бодрымъ
Засаженный Србскій Садъ!

Ал' на светость наши грудій:
Крестъ бы у нѣмъ, поклонъ дай —
Къ томъ наложивъ, и садъ буди:
Преминувша Сока, знай!

---

*) Види у „Драголюб у“ одъ 1845. године
на страни 1-вой.

Ньой є поносъ, ка' свем' роду:
 Кадъ целивашъ іоштъ нѣн' даръ;
 И на цвѣтиѣ даномъ плоду,
 Ньомъ убраннымъ, чуешъ жаръ!

Примѣръ красный — слѣдъ бы благогъ —
 Кодъ Србкинѣ, — ахъ и радъ!
 Све на дику рода драгогъ
 Она сказавъ, добаръ надъ!

У Црной Гори.

Г. Срднѣ.

78

ПОЗДРАВЪ
изкреногъ Срба
правой и истинной
СРЪКИНИИ.

Стан' зефиру, стани мю,
Бѣдномъ кажи, неодлази,
Гди си быо, куд' ходю,
Бдал' драгу гди опазн!

Моя драга, моя мила,
Мое сунце и светъ цѣлый!
Лѣпа ти е као вила,
Коя чаромъ све устрѣли!

Лица красна, крина бѣла,
На коим' се румень сїя,
А виткогъ в лѣпогъ тѣла,
Као ела кадъ с' превїя.

Ока црногъ погледъ пара,
 Очараня пунъ е власти,
 Устне с' нѣне пуне жара,
 Пуне ватре, пуне сласти.

На нъойзи су свиле стручне,
 Изплетене црне власи,
 А пѣсме іой любкозвучне,
 На све стране сладки гласи.

Пѣсму туђу пѣват' неће,
 Веће србску! кою жели,
 Спрамъ месеца, кадъ е вече,
 Пакъ и зоромъ у нъой вели:

„Мое срдце, душа моя!
 За Србина едногъ живи,
 Ког' люби'ћу я безъ края,
 Да се свакій чуди, диви!“

Садъ одлази, мой зефиру,
 Србинъ ево одъ те проси,
 Твоя крила свуд' допиру,
 Поздравъ овай драгой носи:

„За те мила — любви Боже —
 Мое сердце, душа дыше.
 Мени быти ништ' неможе,
 Нит' шта слађе, нит' шта выше.

Ты си сунце, ты си луна,
 Красна звезда преодница,
 Сви царева земны круна,
 Поредъ твогъ су ништа лица!!“

Д. Михайловићъ.

МЛАДА СРБКИНЯ.

Я самъ ружа пролећа,
 Мой є животъ Май;
 У томъ ми є сва срећа,
 Кадъ я стварамъ рай;
 Нит' на небу чека насъ,
 Одъ те среће больій часъ,
 Вели млада Србкня,
 Славна Србкня.

Сяйно лице мѣсеца,
 Ноћи гони мракъ,
 Нѣжна земљи Даница,
 Любкій спушта зракъ,
 Сунце више што сія,
 Ружа све руменія,
 Вели млада Србкня,
 Славна Србкня.

На што сунцу небесномъ ,
Живый топлый жаръ ?
Танко чувство сердцу момъ ,
Милый неба даръ ?
Да вамъ сродно дыше грудь ,
Па милине бы'ће свудъ ,
Вели млада Србкиня ,
Славна Србкиня.

Лептиръ цвѣту пролећа ,
Люби нѣжный ликъ ,
Любитъ сласть е іоштъ већа ,
Анѣлскій обликъ ;
Нека лептиръ любви цвѣтъ ,
Я љу сродный младый свѣтъ ,
Вели млада Србкиня ,
Славна Србкиня.

П. Н.

МЛАДЫЙ СРБИНЪ.

Я самъ чедо пролеѣа,
Име ми се цвѣтъ,
Сласть ми сердце осеѣа,
Кадъ ме воле свѣтъ;
Рай за другій не зна грудь,
Него мила быти свудъ,
Вели славногъ рода сынъ.
Славный србскій сынъ.

Чиста роса зорице,
Цвѣта крѣпи ликъ,
Мени погледъ Милице
Дав новъ обликъ;
Нека роса крѣпи цвѣтъ,
Мени прія Милкинъ свѣтъ,
Вели славногъ рода сынъ,
Славный србскій сынъ.

На часть сунцу Даница,
 И нѣнъ свѣтлый стасъ,
 Мени све є Милица,
 И срца іой гласъ;
 Данка нема чувства жаръ,
 Красне Милке милый даръ,
 Вели славногъ рода сынъ,
 Славный србскій сынъ.

Водемъ Србске Милице,
 Вѣрный быти другъ,
 Нег' у туђе кральце,
 Свѣтлый доћи кругъ;
 Любкій Милке погледъ самъ
 Светый рая ствара храмъ,
 Вели славногъ рода сынъ,
 Славный србскій сынъ.

П. Н.

Ч Е З Н Е Н Ъ.

Ахъ! никада прѣстат' небу,
Оплакиват' онай данъ,
Кадъ ми судба даде свебу,
И на овомъ свѣту станъ.

На комъ нигди нема оногъ,
За кимъ тежи савъ мой стасъ,
Нема, нема, што бы ядногъ
Ублажило быѣа часъ.

Ахъ кадъ бы іой мое око
Угледало светый ликъ,
У срдцу бы я дубоко,
Сараніо нѣнъ обликъ!

Усредь двора желъ свете,
 Сазыд'о бы нъойзи храмъ,
 Когъ ни судьбе не бы клете
 Мог'о срушит' ударъ самъ.

Ал' овако срдце мора
 Туге свое пуштат' гласъ;
 Са небесногъ докле двора
 Не куцне му больй часъ!

одъ Фрушке Горе.

ДЪВОЯЧКА МАРАМА.

Бубань туче, стража стон,
Окованогъ война чува,
Живота му часе брои,
На гомиле народъ грува,
Пытаюћи: што ће бити,
Заръ ће кога погубити?

Прекій судъ у тесномъ кругу
Суди, да ће безъ одмака,
На зеленомъ овде лугу,
Быт' убиєнъ изъ пушака,
Туђу што і' у залогъ дао
Мараму, и исту крао.

Господине Капетане!
Рече войникъ поглавару,
Све погрешке и све мане
У любви стеко жару;
Мене законъ осуждава,
Но совѣсть ме извинява.

Нитко него моя драга
Мени даде на разстанку,
Као аманетъ вѣжногъ блага,
Марамцу ону танку
Да намъ буде залогъ вѣре,
Кой завѣсу брака стере.

Мало за тимъ отаць пише,
Сынко милый и единый,
Немогу ти живит' више,
У болести и у кивънъ,
Шальи ако Бога знадешъ.
Ако игди што имадешъ,

У таковой сердца борби,
Прама отцу, прама любви,
Незнаюћи чиіой молби,
Да се атаръ пре изгуби,
Кадъ ми оба сердце тиште,
А родитель помошь иште.

—

Преодоли самъ се собомъ,
И приближи марамицы,
Любећи ю реко : с' Богомъ,
Па однесо газдарицы
И заложил за две шкуде,
Да олакшамъ отцу труде.

—

Истомъ новцы кадъ послати
Утолише ову бригу,
Люба ми се с' пута врати,
И написа ситну кнѣигу,
Сѣхашъ ли се на аманеть ? !
То ми опеть смутн паметъ.

—

Како њу садъ дочекати,
 Безъ мараме оне драгу,
 С' коіомъ желимъ доказати,
 Сву любви вѣрне снагу;
 Иста честь ми то захтева,
 А одсудный часъ доспева.

У тѣскобы совѣсть дрема, —
 Я поблѣди савъ у лицу
 Што закона нужда нема,
 И — украдо марамицу;
 Но с' намѣромъ да њу быти
 Кадаръ залогъ изплатити.

На одлети, кудъ ме стега
 Залюблѣногъ сердца вуче,
 Кадъ загерми : вежите га!
 Одъ тавнице дайте ключе,
 Да одъ войничкога суда,
 Прими мазду свога блуда.

Случайне ми околности,
Осквернише мысао праву,
Али — тко ће да опрости,
Кадъ ми правда иште главу,
Хвала Богу; само едно,
Моли мое срдце бѣдно.

Даруйте ми садъ две шкуде,
Да одкупимъ ту мараму,
Да ме онда стыдъ не буде,
Кадъ у гроба лежемъ таму,
Што на такавъ заборави,
Залогъ вѣре и любви.

Вежите ми очи с' ньоме,
А кадъ тѣло земљи падне
Привите ю сердцу моме,
Да ми лечи смртне ранне,
Некъ се люба осведочи,
Да и кервь ми любовь точи.

Онъ то рече — ура куца,
 А Капетанъ командира
 Войницыма, дасе пуца,
 Премъ да свакогъ срдце дира,
 Пушке мичу, сабля блисну,
 А драга му жо ! врисну.

Я ахъ ! я ъу погинути
 Мѣсто нѣга, я самъ крива,
 Я га на то све напути,
 Пуштайте га дакле жива !
 Докъ то она ядикуе,
 Пардонъ ! пардонъ ! свудъ се чуе.

И тако му та марама,
 Мѣсто гробногъ пласта знака,
 Буде у средъ Божѣгъ храма,
 Залогъ вѣре честногъ брака,
 И право е, среѣни были,
 Ёрѣ су среѣнѣ заслужили.

Ник. Бороєвићъ.

ДВА ОВЧАРА.

Текъ е руйна зора заплавила,
Лъпый свету давакъ обявила,
Славуй малый, летный пѣваць байный,
Са топлогъ се свогъ гнѣздащца крене,
По зеленимъ гранама скакуѣ,
Росу стреса, вита крила пружа,
Али му се іоштъ кликтати неда.
На яблану, високомъ дрвету,
Несташно се листѣе колебало,
Онимъ любкимъ у зору вѣтарцемъ,
Кои свѣжомъ природу напая,
И съ лица іой гнѣнлу дремежь тера.
Милина е оку погледати,
Преко дуге зелене равнице,
Кою танка магла претиснула,
И капляма роса нападала.

У њима се и месецъ и звезде,
И сва неба огледа дивота,
Те на свакиј коракъ изъ капљице,
Неброене севаю искрице.
По мало се на десно назире,
Као подъ танкимъ привезомъ невеста,
Не далеко лежеће сеоце,
Кое блага нема ни богатства;
Ал' е пуно здравля и довольства.
Подъ горомъ се модромъ утиснуло,
Као подъ стреіомъ гнъиздо ластавице.
Јоштъ у њму будне душе нема;
Алъ га петли певанѣмъ разносе.
А на лево преко равна поля,
Виюгавый поточиѣъ ромони;
Ухъ њѣга се унка подигнула,
На обалу здраво налегнула,
Као таласе да жели брояти.
Ню ми цела красна околина,
Ласкаюѣимъ лицемъ предусрета,
Чимъ се она горди и поноси,
И све веѣма расти и подиже.
По њой беле полегале овце,

А на врѣу мала ватра тиня,
 Изъ нѣ кадкадъ текъ пламенакъ лизне,
 А узъ ню су два овчара млада,
 Два момчета іоште голобрада,
 Аль ій коса покрила дугачка,
 И пробиле танке наустнице.
 Єданъ другогъ братски разговара,
 Да ихъ ютра санакъ непревари:
 Видишъ, тіо проговори єданъ,
 А озбильно другога погледа,
 Видишъ ове на прекой обали,
 Изъ старине остале зидине,
 Дебела ій кріє маовина,
 Непамѣногъ одъ доба сваѣена,
 А ову ми попонаць пужавый,
 Дугулястимъ листомъ загрліо,
 Озго трава у велико буя,
 А саме се одъ силны година,
 Башъ у синый камень претвориле,
 И у землю тонути почеле,
 Оне сѣде, вели, развалине,
 Гди с' пегаве легу совуляге.
 Люта су ти преживле времена,

А іоштъ црня ядне дочекале! —
 Другій очи на нѣга упрео,
 Шта ће бити немож' да дочека.
 Наши, вели, причаю дедови,
 На той равной пространой ледини,
 Коя ти се одавде починѣ,
 И до оне допире планине,
 Изъ кое си вечерасъ видіо,
 Да є тихый мѣсець излазіо,
 Да су многе безъ сынова майке,
 Многе сестре безъ брата остале,
 Да є сила крви изливено.
 И юначкій тѣла изсечено. —
 Садъ имъ нема ни трага ни гласа,
 И кости су изанђале *) давно!
 Али мысао у народу живи,
 И садъ често іоштъ говоре люди,
 Да лежеій ту мртваца сѣнке,
 О благима вишепути данма,
 Кадъ се таманъ данъ одъ ноћи дѣли,
 Изъ гробова мртвіє измиле,

*) Конечно изтрунуле.

И да дуго по равницы овой,
 Безъ престанка коекуда муте,
 Аль видити текъ се ономъ даю,
 Койно е ока видовита.

А кадъ бы се сите наодиле,
 И цео чарный предѣль обиграле,
 Са онога чакъ края поврве,
 У небройна ята одасуте,
 Коя садъ се стеку, садъ разтеку,
 Окуплѣне као ветромъ мушице,
 Иль ястребомъ дивѣ голубице,
 Чимъ се овай на потокъ наднесу,
 Као у несвестъ у нѣга падаю,
 Съ тога овде и рыба у води,
 Гди се найпре гнѣвомъ *) налазила,
 Већъ се више, кажу, и неплоди;
 Ёръ и ньой е немиръ додіао
 И одавде са свимъ протерао.
 Кадъ се редомъ воде понашю,
 Ил' се у ньой заръ излепршю,
 Легло одма свака свое тражи;

---

*) Множиномъ.

Те тако се тай метежъ чудесный
 Текъ одникле сложи и утиша. —
 Другій ѱутеѱ' удрвенѱнъ гледи,
 Одъ дивленя немож' да одане
 А то, да є све истина, вели
 И да место ово чисто нїє,
 Я самъ и самъ веѱъ видїо гдѱшто
 Ако с' оку што вероват', може.
 Я ѱу т' казатъ шта є и како є,
 А безъ сваке шале и домета.
 Година се ево навршила,
 Како самъ ти на овоме месту
 И на овой конаков'о унки,
 А у очи башъ Бурѱева дана,
 Кадъ се поля травомъ заодела
 И пастиру за овцама мили,
 Када предъ нѱимъ скакуѱу яганцы,
 Као о жетви предъ српомъ скакавцы,
 Предамномъ се оганъ разжегао
 А стадо ми башъ кан'да га гледи,
 На ребра се унки узпужало,
 Па у манѱ сведено гомиле
 Тамо амо травомъ полегалo.

Самацъ самъ се овде наодио,
Ал нузъ мене седамъ паса стое,
Послушат ме сви редомъ готови.
Сяйна беше опетъ месечина;
А кола се небу повысоко
Међу другимъ звездама десила —
Мало самъ се быо наслонио,
На правицу чело мое главе,
Како ветрићъ задиркива, слушамъ,
Како тихи потока таласи
О камечке любко удараю,
У шаптаню сличанъ жуборъ дижу,
Као оно цврктанъ рано,
Коимъ ласте, птице говорљиве,
Са низкога куће наше крова
Уздизанъ сунца поздравляю.
Текъ е санакъ уморно ми око
Да се склопи нудкати почео,
Алъ се дивно на поянъ пренемъ,
Кое с' долной на стѣни орило
И срце ми слутњомъ заражало.
Кожа ми се ежити почела
И на глави уздизати власи

Я се мало узъ огњиште дигнемъ
И дуго самъ пѣсеме прислушкиваю,
Пѣсеме све ми тавнімъ бываше,
Докъ найпосле са свимъ неумукну.
Садъ се десно и лево обазремъ,
Све мыслію, едно намыслію.
Ой тако ми, Бога единого,
Тако ове свечане тишине,
Коіомъ цела дише околина,
И сутрашня Турђевога данка
Я ноћашню откритъ морамъ тайну,
Ма знао, да љу узетимъ остати,
Та овчару пустокоосу правомъ,
Кой подъ кровомъ ни спавати незна,
Већъ подъ ведримъ небомъ на поляни,
То су мале, свакидашнѣ ствари.
Тешко ми се наканути бјаше
Сву ноћъ драгу преседити буданъ,
Алъ іоштъ теже нарушити клетву.
Пакъ што реко, више не пореко.
Садъ са унке лагано се сиђемъ
И пузећи до места домилямъ,
Алъ се нешто по потоку бело,

Као лабуди по езеру креће,
 А кадъ виђо, што никада нисамъ,
 А — вай теби, помислимъ, обало!
 Како изъ те и былъ изниче,
 Кадъ по теби те авети ходе,
 Кое с' клоне дана и видила!
 А тако ми, брате! одъ малена
 Започетогъ нашегъ другованя,
 Ако праву не рекнемъ истину,
 Да осамъ ти я угледамъ вила,
 Гди се тиомъ по потоку мичу
 Али љуте кан' да се зарекле.
 И кадъ зрацы сјайнога месеца
 На дивна имъ просушесе лица,
 И на ньино наго до пояса
 И одъ снега много белъ тело,
 Та суште самъ гледао анђеле,
 Ђдра, витка и поносна струка
 Као танка у горици ела,
 Дуга плови по рамени коса,
 До два су ти места узпоредна
 На прсима байнимъ набубрила.
 Као пупољакъ у очи развитка,

Или првогъ сванућа ружица.
Кадъ самъ брате све дражести нѣине
Я лакомимъ окомъ измеріо,
На грленѣ таквы лепотица
Помыслити хтедо, но несмедо,
Єрѣ су оне нарави небесне,
И за земне те сласти немаре.
Садъ изъ воде све су поврвиле,
На обалу травомъ покривену,
Танана є по нѣима кошуля,
За мокро имъ тѣло пріонула,
Свака одъ нѣи сплетенѣ вѣнацѣ држи,
Выше главе когъ є подигнула,
И крозъ нѣга месецъ погледала,
До две до тры прошапнула речи,
Аль не могъ ништа разумети,
И камъ срећа овогъ появляя,
Да свршетакъ дочекати мого.
Но божіой одолѣти вољи,
Коя ствари и такове храни,
Ко ће живыи и покушат' смети?
На єданпутъ, кан' да су ме дуси,
Некомъ вышомъ моѣу заданули,

Клонуше ми и руке и ноге,
Одъ гледаня очи малаксале,
Силанъ ме є санакъ обрвао,
Отежчале пуге трепавице,
Па се склопе, а я се успавамъ. —
Текъ касніє када се пробудимъ,
Свалуло є у велико было,
И сунце є огрануло давно,
А моє се разишле овчице,
Кудъ ій дебля паша одмамила.
Я ти затимъ изъ међе изиђемъ,
Аль останке никакве ненађемъ,
Само росной по поляни голе,
Управлѣне сеоцу трагове.
Башъ ти хвала, проговори Марко,
То говори другу се осмева,
Баремъ си ме речма раздремао,
Ал' си ми се люто преварио,
Зашто слушашъ коєкакве гатке,
О коима радо зборе старцы,
А младежь ій укочена гледи;
Та што онде напразно заспаде!
А штогодъ си страшно ты видіо,

Ніє оно веруй по потоку,
Већъ по твоєм мозку се вртило,
Мене никадъ грозніи духови,
Него ови, желимъ, несретали,
Па не бы се са обале оне,
Ма нечисте никада макао!
Ты си с' ноћу онимъ уплашио,
Чимъ бы с' даню єдва разставио.
Нису оно бродарице виле,
Нити страве коєкакве были,
Веће наши осамъ лепотица,
Осамъ байны млађаны Србкиня,
Изъ нашега села маленога,
Кудъ су росни водили трагови.
Оне старе любе обычає,
Зато ноћу о Бурђеву дану,
Пѣваюћи овамо долазе,
Да у струи бистрога потока,
Ради доброгъ преко года здравля,
Свое бѣло окупаю тѣло,
А вѣнацъ є быо одъ ђурђице,
Одъ првога у пролећу цветка,
Кой се тамо обылно налази,

На нѣга су оне уздануле,
Кадъ га младомъ момку наменуле,
И силу му любовну просиле,
Кадъ су тихый мѣсець погледале,
Да, у ютру кадъ на воду пођу,
Ил' по подне кадъ у коло дођу,
Те га момку, да мириши, даду,
И любовь га съ мирисомъ задане.

СРБСКА МОМА.

У розвитку руйне зоре,
У сѣннику пуномъ лаада,
Гди се пѣсме србске оре,
Гди се купе срдца млада.

Сѣдила е млада Мома,
Руменія него зора,
Плетућ' вѣнчићъ брацы дома,
Одъ нѣн' пѣсме звечи гора.

Рѣчи су іой милогласне,
Пуне чаара и любкости,
Као майско ютро весне,
Безъ притворне охолости.

Подобанъ іой створъ Милини,
 Невиность є нъой другарка,
 Свакомъ с' Вила она чини,
 Чародѣйна а загорка.

Све Британке и Французске,
 Черкезкинѣ и Харемке,
 Превозходе наше сръбске,
 Вѣрне Вила' посестримке.

Грли дакле Србе Србку,
 Найлѣпша є нѣна груд',
 Люби срдца твог' убавку,
 То нек' ти є сладакъ трудъ.

Онисимъ Николићъ.

КАКО СЕСТРА БРАТА ЛЮБИ.

Сестра брата на вечеру звала :
Айде брате да мы вечерамо.
Братаць сестри тихо одговара :
Не могу ти вечерати сеіо ,
Доцне самъ ти быо у міяни ,
У міяни с' Турцы вино піо ,
И я с' Турцы заметуо кавгу,
Я погуби єдинца у майке ;
Царь ! не нште ни сребро ни злато ,
Већъ онъ нште главу а за главу ! —
А я немамъ да заменемъ главе —
Већъ я морамъ изгубити главу. —

Сестра брату на то говорила :
Айде брате , да мы вечерамо ,
Я имадемъ моя четьрь сына ,

Єднога ѣу цару поклонити,
 Замену'ѣу мога брата главу.

Кадъ е сутра данакъ освануо,
 Данъ освану и сунце ограну,
 Алъ устае госпођа Єлица,
 Она кука кано кукавица,
 И привія кано ластавица;
 Пакъ беседи госпођа Єлица:
 Ой! Єлице жалостна ти майка!
 Та кога ћешъ прегорети сына?
 Аколи ћешъ сына Милована?
 Милованъ е прво милованъ; —
 Аколи ћешъ сына Радована?
 Радованъ е друго радованъ; —
 Аколи ѣу я Јована сына?
 Та Јова е кнѣигу изучіо, —
 Како ће га прежалити майка;
 Аколи ѣу Симеона сына?
 Симеонъ е чедо поносито,
 Симеонъ е мезимаць у майке,
 Како ће га прегорети майка? —
 Сву е брыгу на єдно бацыла —

Она буди сына Симеона!
 Устай Симо! чедо знаменито,
 Тебе зове у деверство Уйко!
 Да му будешъ деверъ кодъ девойке. —
 Аль є дѣте фришко и разумно,
 И лако се трже иза санка,
 Пакъ беседи своіой милой майки:
 Мани ме се моя мила майко,
 Чуданъ самъ ти ноѣасъ санакъ сніо:
 „Видіо самъ крвавую кошулю,
 „А на моме роѣеноме уйку!
 „И кржаве до лаката руке, —
 „И на уйку отсечена глава! —
 — Богъ ће дати, да ће добро быти!

Ніє дуго потрајало време,
 Оде Сима у зелену башчу,
 И облачи свилу и кадифу,
 И по свили коласту аздію,
 И узедє коня Ластавицу,
 И крену се у деверство уйку. —

Кадъ є быо средъ горице чарне,
 Сретоше га тры турета млада,
 Тры турета до тры Янъичара

Єдно туре тихо беседило :

Боже милый ! да красна юнака ,

Красно ти се юнакъ заодео.

Друго туре тихо проговара :

Боже милый ! да дивна юнака ,

Како ће га прегорети майка ?

Треће ћути — ништа неромони —

Ману сабљомъ — отсече му главу !

Паде глава на зелену траву ,

Оста тѣло на коню седећи. —

Мртва глава али проговара :

— Ой ! бога вамъ тры турета млада —

Тры турета до тры Яньичара ;

„Вы ! узмите мою ядну главу ,

„Носите ю моіой милой майки ,

„Некъ ме жали тры године дана !

„Єрѣ є мене у неверство дала !!

Степанацъ.

ЛЕТНЯ ЗОРА.

Гле! већъ свића

Бѣла зора,

Мирисъ цвѣћа

Шилѣ гора.

Дома пет'о

Кукуриче,

Дѣвка на то

Пѣсму кличе.

Пастырѣ у рогѣ

Свуда дува,

Да гесе свогѣ

Марву чува.

Траву роса
Кваси сваку,
Дойче сиса
Свою майку.

Край потока
Ваби ловце,
Одъ востока
Вири сунце.

Славуй пева
У шумицы,
С' нѣме шева
На нѣвицы.

Землѣдѣлаць
Конѣ зоби,
Буди стараць
Све у соби.

Дѣва цвеће
Садъ залива,
Да іой веће
Оно бѣва.

У Вршцу.

Аристидъ Николићъ.

ГАТАЛИЦЕ

(одъ Тоше Живковића, жителя Карловачкогъ.)

1.

Седило двое на клупи предъ дворомъ; прође мимо нѣи еданъ човекъ, и запыта ій: Иль сте братъ и сестра? иль мужъ и жена, кадъ се тако лепо разговарате? одговори женско: Ни мужъ ни жена, ни братъ ни сестра, већъ моя майка нѣгову майку родила?! т. е. Мати и Сынъ.

2.

Упытаю турцы християне: кои ти е, раіо! быо наиболый Паша? одговори рая: Онай, кои намъ е пошао, па ніе дошао!

3.

Прободе раинъ бикъ Кадійногъ бика, отиде рая предъ Кадію, да му кажу штету овако: Аго твой бикъ пробо нашегъ бика! А Кадія имъ одговори: Е па и Вашъ е имао рогове, быо се бранити! Кадъ ово чуе рая, одговори Кадіи; Бре нашъ е бикъ твогъ бика пробо! Кадія видеѣи се свезана, почемъ е судъ веѣъ изреченъ, лютито раи рекне: иди ми изъ предъ очію, недолази ми сотимъ више. —

4.

Путуюѣи Царъ Іосифъ II. наиѣе на нъиви на едногъ човека, гди кромпиръ сее, и упыта га: колико имашъ землѣ? овай одговори: имамъ полъ ланца. Па можемъ ли съ тимъ живити? запыта. Да како! Іоштъ и кодъ куѣе съ тогъ дугъ одужуемъ, и капиталъ другій подъ интересъ давмъ. Неможе се томе досетити добрый Царъ, него га замоли, да му каже шта е то? Човекъ одведе Цара куѣи своіой и покаже

кодъ пећи стара оца: о в о м е в е л и о д у ж у-
емъ, што ме е одранію, а децу показуюћи:
то ми е капиталъ подъ интересъ, кои ће ме,
ако доживимъ оца могъ године, приватити.

5.

Прође Ц. Јосифъ II. покрай монастыра
Єзуитскогъ и запыта старѣшину: како живе?
Одговори овај: врло добро, поданицы насъ
снабдѣваю еломъ и пићемъ, а Царъ съ бла-
гомъ, па никадъ болѣ, ни бриге ни старости!
— Царъ се покаже тко е и шта е; па му
рекне: „ако ми на моя пытаня неодговоришь
до тры дана, све ћу васъ у войну отерати.“ А
пытаня су была ова: 1. колико е хвати небо
одъ насъ високо? 2. Гди е среда землѣ? 3.
Шта Царъ мысли? и 4. шта Царъ вреди? —
Да се у велику бригу старѣшина, како ће онъ
на та сва одговоръ дати. Наиће на то воде-
ничаръ, монастырскій, те га упыта: а шта си
ты светый отче тако забрынутъ, кадъ свега до-
ста имадешъ? Старѣшина рекне воденичару:

Есть истина, да я свега доста имадемъ, али
 ево неволя ме снађе юче. Воденичаръ му рек-
 не каква, е да чуемъ. Преповеди старѣшина
 све по реду. Овай утиша старѣшину, небой
 се вели: я идемъ да одговарамъ. Обуци ме у
 твоє альине. Обуче га старешина лепо на у-
 речено време, у томъ и Царъ дође, и даде
 пыганя: Ц. koliko е високо небо? Вод.
 попи се горе, па спусти одозго едно велико
 клупче конца, па ћешъ знати. Ц. Гди е среда
 землѣ? Вод. Гди годъ станешъ. Царъ: шта
 мысли Царъ? Вод. Царъ мысли; да му на пы-
 таня одговара монастирскій старѣшина, ма
 онъ ніє, него Монастирскій воденичаръ. Ц. А
 шта вреди Царъ? Вод. То ми е понайтеже,
 али каза' љу ти. Знашъ свѣтла круно, да я на
 свѣту прво Бога на небу, па за Богомъ таки
 тебе Цара на земљи поштуемъ; знамо пакъ,
 да е сынъ Божій за 30 сребрника проданъ
 љю: тако даклемъ, я бы слободно за тебе
 смео обећати 29. Видеѣи овога простоту Царъ
 Іосифъ, насмеє се и остави старѣшину на миру.

6.

У оно време чивути су воспыт вали женску децу, па у пролеће изведу ий у башту, да свака себи бира по вољи еданъ цветъ, и узабере. Све изиђу на предъ, а Марія оставши на послѣдку види крынъ, и пође нѣму да га узбере. Она к' крину ближе, а крынъ далѣ одъ нѣ, другій, па и трећій путъ. У томъ покаже се Анђелъ Гаврило, дода іой цветъ и рекне: Радуйсе Маріе благодатна, Гдѣ съатобомъ — ты ћешъ Богу Спаса родити. После коме ће да обруче дѣвойку. Дођу 7 стараца узму 7 штапова, одъ кои Штапъ Іосифоъ бѣлимъ криномъ процвѣта и нѣму буде обручена Марія, и роди Богу сына Ісуса Христа!

7.

МАРКО КРАЉВИЋ ИЗЗА СМРТИ У ЯМИ

Далматинска гатка.

(одъ А. Кузманића.)

Ловили су ловцы Столачки ловъ: у то упадне имъ керче (псето ловачко) у едну дубоку яму. Садъ господаръ спусти се доле на уже,

да га извади, и понесе са собомъ гвоздену батину. Кадъ онъ доле, алъ етоти дворъ, не може лепшій быти, а у нѣму шарацъ везанъ, а онамо се обѣдъ спрема као за господичића. А нашъ Марко седи, остарио е! Онда Марко почне говорити, како е тамо момче, на вашемъ свету, имали добры юнака, и имали садъ великій ратова? — А онъ рече: одкадъ нѣ Краљвића Марка, одъ то доба ни ратова нема. — Были вели, больій садъ было одъ нѣга юнака. — Има ий добры, алъ се боимъ, да неће быти добри, као онъ. — А чуе ли се, хоће ли ратови —, и како буду, изаћи ћу я горе, пакъ ћу свою окрвавити ђорду. Па му опетъ Марко рекне: Примагни ми главу овамо, да видимъ, какви су садъ юнацы. — Али онъ, кадъ га е онакогъ страшногъ угледао, нѣ смео примакнути главомъ, већъ му подметне гвоздену батину. А Марко е рукомъ уватио; пакъ како ю е уватио, све е прсте у ню задео. Јоштъ му вели: болели те глава? А момче му одговори: вала и не болела! Садъ момакъ задрма уже, те га на полъ извуку.

8.

Некій Г. Комбъ наводи у описанію свогъ по Нубіи путешествія слѣдуюћу на праматерь човеческогъ рода относећу се повѣсть: „Кажу, да е наша свеобшта мати Ева у Гедди погребена Нѣнъ гробъ налазисе у средъ турскогъ гробля, кое при улазку овогъ града лежи и зыдомъ е ограђено. Главомъ е къ югу а ногама къ сѣверу окренута. Дужина нѣногъ тѣла, говоре, да износи 40 лаката (по старой римской мери). Савъ е споменикъ Арабскимъ надписима пунъ. Жене се свакогъ петка око нѣногъ гроба гомилаю, те іой ела, зейтина, воска и самы новаца жертвую. Повѣсть ова арабска незадоволява се само покоиште наше праматере казати, но далъ іоштъ иде, па и поедина приключенія живота, да и саме смрти нѣне причину дознае. Учени Гедданцы кажу, да е Ева пре смрти велике жалости допала. Кадъ се одъ свогъ мужа и деце презрена видила, великомъ больомъ заражена оставила е свою неблагодарну породицу, и жи-

вила є блудѣи сама по пустой земљи. После
 дугогъ времена Адамъ се покає за свою по-
 грешку и жену потражи, кою случайно око
 Мекке нађе. Но Еву сильный радости узхиѣай,
 што є мужа свогъ и нѣгово разкаянїе дожи-
 вила, прекине и у обятїю мѹ умре, те онъ ю
 на томъ истомъ месту погребѣ, гди се она и
 данъ данашнїй наоди. Нѣна смрть доведе Ада-
 ма до очаянїя у толикоꙗвише, што га є со-
 вѣсть као крива страшно укоровала. Онъ за-
 тумара преко Арабске, доватисе обале Пер-
 сїйскогъ мора, и превезесе преко нѣга на о-
 стовъ Цейлонт, на кой, кадъ є избродити хтео,
 умре. Онъ буде на томъ острову погребенъ,
 али се дознати неможе чрезъ кога.

9.

НАЧИНЪ,

коимъ Иридворный Лекаръ постельи болногъ
 Цара Хинезскогъ приступа.

Кадъ се догоди, да вайвыше земно ство-
 ренъ у мало веѣу немоѣь падне, (єръ да Царъ

Хинезскій заиства болестанъ быти, и башъ умрети може, подъ смртномъ каштигомъ несме се то отъ поданика нѣговы изустити) тай часъ мора се Придворный Лекаръ у палати наѣи; кои како постельи Владѣтеля приступа, одма на землю стропоштатисе и у четыри-часной Молитви Небу благодарити мора, што е нѣму недостойномъ среѣа уделѣна, Цара на нѣговой постельи гледати смети. Кадъ молитву оконча, може онъ за свеусреѣаваюѣе дозволенѣ просити, жилу руке Цареве (пульсъ) са врѣомъ прста свогъ додирнути смети. Како му се то допусти, мора лекаръ на ново са лицемъ земли приклонѣнымъ врло дуго молити се, и небу благодарити, што му е несравнѣна ова среѣа у талъ пала. За тимъ са найвеѣимъ страомъ моли онъ найвеѣе Величество света, за допущтенѣ языкъ осмотрити смети. У то магновеніе, кадъ Царъ то соизволи, веѣъ Лѣкаръ притяжатель постае два тры Хинезска Села, и кадъ Царъ языкъ заиства пружити умилостивисе, постае Лѣкаръ Куо-і-ті, Ка-во-і-ті, или Ка-вен-ті-ті, што е кодъ

насъ Грофъ, , Князь, или Херцогъ. Садъ текъ
 Лекаръ може Цару медицину дати. Шакъ ако е
 Цару одма на ту болъ, добые Лекаръ пунъ
 цепъ бисера. Утишавал' се болестъ полагаю,
 то се дае Лекару на знанъ, да ъе онъ скоро
 неброены ѣушкй добыти; бывалъ кадкадъ Ца-
 ру горе, или паднелъ онъ у буну и фантазира-
 ти почне, то Лекару као Поглавицы нечисты
 духова на тай ма глава се одсече. Умрелъ Царъ,
 онда цела несреѣногъ Лекара Породица, и са-
 ми найудалѣни сродници буду потаманѣни. А
 напротивъ торжествуелъ Царъ свое оздра-
 влѣнъ, то онда Лекаръ може читаве Провин-
 ціе за награду искати. Али нигда несме еданъ
 истый лекаръ двануть свомъ свемогуѣемъ Зе-
 млѣдржцу у болести у помоѣ притеѣи, еръ
 се држи, да се нѣгово знанъ, и нѣгово иску-
 етво, юштъ кодъ првогъ леченя изцрпило, и
 зато садъ другй Лекаръ доѣи мора, кои пре-
 возходство мудрости притяжава.

Арк. Петровиъ, п. п.

10.

Быяше една жена, па штогодъ е у кући редујући радила, ништъ ніе, као што бы требало, свесрдо учинила, него све коекако и са чантраѣмъ. Међутимъ уђе у ню (жену) сотона нечастивый (буди Богъ съ нама овде!), те тако се даде на велике муке и болю. Лѣкари долазили су ю лечити, али ни еданъ неможе ю излечити. Найпосле сазову тры попа, да іоѣ свештаю масло. Кадъ попови зачну молитву, и почеше гонити сотону на полѣ, сотона имъ одговори: „Бадава се вы трудите, вы мене изтерати нећете, ербо ми е мѣсто врло повольно. Знате вы да ова жена, докъ е здрава была, ако стае, собе спрема и чисти коекако текъ уради, и више неспремлѣно и непочисѣно остане, него спремно и почисѣно. Ако ела приставля, она неопере ни ела ни суда, него онако текъ къ ватри пристави, недокува кадъ, кадъ прекува; кадъ пресоли, кадъ и недосоли говорећи (вели): „Е ѣаво га одно пресолъ на леђи, досолъ на асталу.“ Сбогъ ела е най-

већа међу њомъ и мужа іој разпра и кавга, потуку се, єдно друго къ мени шилу: „до ђавола!“ Ако лебаць меси, неумеси га добро; кадъ брашно удо и чемерно просее, кадъ и непросее, кадъ воду прегрїе, те квасаць опари и неускисне тесто, кадъ и налади, кадъ пећъ прежари, кадъ недожари. Ако преде, лужи пређу, суче, снуе, навїя, уводи, тка, бели, и кошулѣ шїе или пере, ту су громови, виле, стрѣле, и опетъ ђаволи га однели и съ посломъ такимъ и т. д., а то є све мени наймилиє и найугодниє. Па зато нећу изићи изъ вѣ, макаръ вы шта радили.“ Тако и буде. Цопови молитву сврше, сотова у жени остане, и по краткомъ времену свисне и нестане є.

(Ево моралъ ако треба и ако є добаръ)

Тако и данданашный свесрдо нерадећи нестает свака прїятность уживлѣня, а тимъ и самога имъ живота, па најпосле и самы таквы невалялаца.

Б. Кояновъ Стефановићъ.

КРАТКІЙ РЕЧНИКЪ.

Огледало є душе могуѣность пресуде, коіомъ се страсти изкореняваю, и кое правый ликъ показує, ако се себычнимъ пристрастіємъ огледамо. Надежде огледало намъ и на дну очаянія зраке тѣшителне зорице показує; кои ако се и у пра сатру, опетъ іѣ коловратна среѣа очаятельной веѣъ души цела на угледъ стави. Огледало є срца оно разноизгледно показателство, кое нигда и ништа у правомъ наличію непоказує. Съ прва є любовь чистомъ огледалу подобна была, а одкадъ се огледала одъ серебра и злата праве и любовь се на нѣима огледа. На природномъ се любви огледалу іоштъ по гдикое созданіє творца и сын-оца рѣдо огледи. Беснило се гнуша огледала водногъ, као и безсовестный судія правде.

Вѣра. — Човекъ безъ крепке вѣре подобанъ е безкореномъ у води цвету.

Идолъ. — Докъ мужъ и жена єдно у другомъ срцу идолъ налазе, дотле ће имъ и небо брачногъ живота ведро быти.

Поклонъ е подобанъ у любви птицеловномъ пруту, кои се као средство желеамогъ лова сматра.

Маленкостъ много пута зла слѣдствія са собомъ носи.

Противословіе текъ онде места има, гди се о узаймности и любви немари.

Милостива госпођа. Одавна е ово име текъ отмѣнымъ лицама давано; а садъ нећемо се замерити, ако сваку, за којомъ шегртъ корпу носи, милостивомъ и премиловомъ назовемо.

Болешљивостъ — се одъ болести кодъ женскій толико разликуе, као смртъ одъ живота.

Ветреняста любовь подобна е гвозденомъ на крову дома точку, кои се дотле окреће, докъ не зарђа.

Детинство є колевка младости, у ко-
іой се много пута и мужество полюля.

Уво: два су ува двоя врата на душев-
номъ граду.

Часть у сребролюбію никадъ до цело-
сти недопире.

ЗАКЛЕТВА.

Мой советъ силомъ другомъ ненаметати. Ако ко на предложеніе мое противна и достовѣрна доказательства подигне, небу ий никадъ у ветаръ бранити. Заклинѣмъ се еданъ случай често не преповедити; не быти скупъ ни потрошльивъ. Съ развратнимъ дружствомъ немешати се. О лепоти, богатству, снаги, среѣни и учености моіой другомъ, а особыто женскомъ полу, неговорити. Не быти неразборно свободанъ ил' одвеѣтъ боязльивъ. Ношњи, живленю и станю ближнѣга незавыдити. У женске послове, да не бы слабость мужества показао, немешати се. Пресуде о младости да небуду строге. Веселомъ дружству развратность одма неприписивати. Себи суѣтнимъ воображеніемъ неласкати. Другомъ неспособность одма не прилеплявати. И све пріятелъ, кои се по образцу владаю, за паметне држати.

Родъ србскій и Србкинѣ до последнѣгъ часа любити.

Д. Арновлѣвићъ.

Н А Д П И С И.

Гордой лепотицы.

Ружны да нема, лепота ценити не бы се могла,
Ружной се ругат' немой, с' нѣма си лепа и ты.

Суѣти.

Шта си мыслила, докъ су те греяли дани до-
вольства,

„Благо си среѣной мени! довека тако ће быт'?“

Одсе дани среѣни, зашт' ниси іѣ счепала за
скутъ?

Спомена оста текъ трагъ; варљива среѣна ел'?

Завыстникъ.

Своіой о несреѣи жести се завыстникъ икако
тако,

Туђу кадъ среѣу види, онда се раздире текъ.

Благодѣтель.

Тако живи, као да ће му требати и умрети;

Умире као да ће вечито живити там'.

Д. Арнов.

СЕРЪКІНЬИ.

Волео бы да душманска сила
Сатаре ме у крвавомъ бою,
Да изгубимъ све и душу мою,
Него да ме ты не любишь мила.

Као река страовитогъ Нила,
Кадъ поліе околину свою
Тако плива страсть за любовь твою,
Да бы ты во вѣки моя была.

Діянманте свегъ царства Голгонде,
И гомиле Крезусова блага,
Не бы хтео само погледати;

Кадъ бы све то я имао онде,
Гди ты са мною небы была драга,
Да све с' тобомъ могу уживати.

Ник. Боровићъ.

едно оми и от оне ид гдѣи
 лѣта вѣдѣ мѣи лѣони су мѣ ндѣ
 нѣанику чѣи лѣодот с оне едѣ

ПЕЧЕНА КОКОШЬ.

Кадъ настаде ноѣна сѣна,
 За трапезу пуну сѣде,
 Човекъ и нѣгова жена,
 Да печену кокошь еде.

Дође просякъ и замоли,
 Дай тако ти вишнѣгъ неба,
 Ахъ! люту ми гладъ утоли,
 И удѣли малко леба.

Торнайсе са мога прага,
 Виче човекъ поносито,
 И одлази ми безтрага,
 Гладно псето и несито.

Онъ сырома стисну съ плећи
И са сузнимъ окомъ оде,
Безъ да смѣде ништо рећи,
Одъ неволѣ и слободе.

Но одъ тога нама доба,
Као да човекъ проклетъ оста,
Нападе га свака злоба,
И несреће разне доста.

Безъ помоћи и безъ наде
Одскитасе лишенъ блага,
Кадъ се женомъ већъ разстаде,
Одъ немила до недрага.

Да са штапомъ садъ у руцы
Милосердѣ туђе проси,
И у свакој горкой муки,
Сыромаштва бreme носи.

И тако га већъ и неста,
 Тумараюћ' свудъ одъ глади,
 А жена му сама оста,
 Незнаюћи што да ради.

Но да већъ нетерпи тога,
 По совѣту вредны лица,
 Уздесе за другога,
 Да nebude удовица.

Кадъ настаде ноћна сѣна,
 За трапезу пуну сѣде,
 Са човекомъ опетъ жена,
 Да печену кокошь еде;

Дође просякъ и замоли,
 Дай тако ти вышнѣгъ неба,
 Ахъ! люту ми гладъ утоли,
 И удѣли малко леба.

Милосердно овај рече,
У Божѣму жени страху,
Некѣ се друга кокошь пече,
Ову подај сыромаху.

Докѣ просяку жена пружа,
Да му даде кокошь ома,
Позна свога первогѣ мужа,
Да е онѣ садѣ тай сырома.

Одѣ жалости веѣтъ и може,
Да очима нѣга гледа,
Негѣ возопи: твоя Боже!
Правда се пореѣи неда.

Дерктаюѣи сва одѣ страха
Онда мужу приповѣди,
Како онај сыромаха,
Зло одправи и увреди.

Истомъ кадъ су кокошь секли,
 Као и сада, нѣко лѣто,
 И одъ онда све разтекли,
 Као да є све проклето.

Онъ се на то сѣти одма,
 И примѣти своіой жени,
 Я самъ было тай сырома,
 А сада смо у замѣни,

Садъ одъ мене онай проси,
 Кой є мене одтерао,
 Богъ кой свакомъ мылостъ носи,
 Да бы му се смыловао.

Ник. Боросвићъ.

ИВАНЬСКА НОЋЬ.

(Одъ Дра Іоанна Субботића.)

Разцвѣтао се жутый ясенъ
Усредъ Шаре, горе чарне,
Над њимъ пунъ се месецъ сія,
Подъ њимъ добаръ юнакъ спава.
Лахоръ вѣтаръ подуюе,
Те съ ясена цвѣће круни;
Цвѣће пада на юнака,
Изъ сладкогъ га сана буди . . .
Лѣпъ се њѣму санакъ сніо:
Млада мома бѣлолика,
Бѣлолика, танкострука,
Съ нѣдра бѣла скида цвеће,
На нѣга се њиме меће.
Онъ се тргне, и прогледи,
Наспрамъ нѣга мома седи,
Млада мома, бѣло лика,

Бѣлолика, танкострука.
 Она сѣди край потока,
 Чешля свою врану косу,
 Што іой пала узъ рамена
 И до землѣ домашила.
 Косу чешля, да е мекша,
 Грло пере, да е бѣлѣ.
 Опрати се грло неда,
 Докъ се нѣдро неразпетля, —
 Сребромъ прави бѣло раме
 Кадъ узъ нѣга коса падне.
 Ню гледао месецъ сѣйный,
 И край нѣга Преодница;
 Преодници месецъ шапѣ:
 Я самъ видіо снѣгъ Іованскій
 У той Шари гори чарной
 На пеѣнини, на найвышой,
 Гди га нетре нога людска,
 Ни копита кошутина:
 Ал' е бѣлѣ одъ свег' снѣга,
 Што се види одъ нѣдара
 Те дѣвойке поноѣнице!
 А месецу Преодница

Юште тише одговара :

„Погледай іой румень образъ,

Можешъ ли га с' нагледати?

Я самъ видла бѣлу зору

О ѱурѣевском' ведром' ютру,

Кадъ се шеће међу цвѣћемъ,

И по роси одъ бисера :

Румена в бѣла зора,

Сяю іой се ясне очи,

Да се одъ нѣ стиде руже,

И савъ бисеръ по лизади,

Ал' се мора поклонити

Предъ дѣвойкомъ поноћницомъ!

Лѣпше цапти нѣно лице,

Сяйніе су нѣне очи,

Нег' ѱурѣевске бѣле зоре.“

Звѣзди месецъ поговара :

„Гледай звѣздо, гледай мила,

Има л' ова чарна гора

Поноситог' у себ' бора,

Коимъ бы се похвалила,

Да е лѣпше узрастао

Одъ дѣвойке поноћнице!“

Преодница одговара :

„А погледай, милый друже,
Све ягоде, све румене,
По той гори, по зеленой;
Све се стиде, све завиде
Устницама дѣвоячкимъ.“

Месець звѣзди проговара :

„Любко трепти на тополи
Листъ сребрный, лакокретный;
Пріятно се таласъ малый
Спрамъ мог' блѣдог' люлька зрака:
Ал' свилне одъ кошулѣ
Дрѣне нѣдро у дѣвойке
Веѣа оку сласть и любкость
Него листакъ одъ тополе,
И таласиѣ одъ потока!“

А звѣзда му приговара :

„Сладакъ мирисъ цвѣтъ одъ липе
И майкина дає душа:
Ал' нѣдарце што мириси
Те дѣвойке поноѣнице,
Тог' мириса наѣи нѣ
Одъ истока до заода!“

Юштъ бы звѣзде говорила,
 Ал' дѣвойка око диже,
 И погледа сѣине звѣзде,
 Те одъ чуда онѣмише,
 Кадъ видише погледъ дивный
 Одъ лѣпоте и милине.

Дѣвойка се очешляла,
 И опрала бѣло грло,
 Танку сукню опасала,
 Па скрстила бѣле руке,
 И у сѣиный мѣсець гледи.
 А юнаку подъ ясномъ
 Нити сѣиный мѣсець свѣтли,
 Нити златне звѣзде сяю,
 Веѣъ му сѣя ярко сунце,
 Ярко сунце, бѣло лице,
 Те дѣвойке чудновате
 Край бистрога поточиѣа
 Скочио бы да е ухвати,
 Ал' макнут' се съ мѣста несмиѣ,
 Еръ се бои, санъ да ниѣ,
 Па ѣе санакъ поплашити;
 Узъ то г' опетъ мысао мучи,

Да ње яву изгубити,
 Чуваюћи, санакъ милый!

Садъ устане дѣвойчица,
 Па се пусти узъ поточиѣъ
 И набере росна цвѣѣа,
 Пуно крило и рукаве;
 Па долази до ясена,
 Подъ њимъ сѣда на травицу
 Чело главе одъ юнака.

Подъ ясеномъ сѣди мома,
 Вѣнацъ плете, пѣсму пѣва;
 „Спавай, спавай драгій мой!
 Сладакъ нек' є санакъ твой!
 Чело главе драга седи,
 Како драгій спава, гледи;
 У вѣнацъ му цвѣѣе ниже,
 Слуша, како драгій дише;
 Моли вѣтриѣъ, да га лади,
 Да іой слаѣе спава драгій;
 Моли месецъ, да га буди,
 Да онъ свою драгу люби!“

Како пѣва дѣвойчица,
 Месецъ сыйный слушат' стао,

А звѣзде се заиграле,
Лахорићи на тополи
Свою игру оставили,
Поточићъ е заћутио,
А цвѣтићи недисали,
Изъ сна свог' се славуј тргао,
Па се чуди медном' гласу,
И том' грлу одъ анђела.

А младъ юнакъ подъ јасеномъ
Цѣо гледи, цѣо слуша,
Нит' се може да нагледи,
Нит' се може да наслуша.

Дѣвойчица вѣнацъ спледа,
На главу га момку мет'ла,
Па се нагла, те гледала,
Како м' вѣнацъ доликуе.
Гледи нѣга, па се смѣши:
А како га любко гледи,
Како ли се сладко смѣши,
Срце бы іой своє дао,
Срце живо изъ нѣдара,
И узъ срце саму душу.

Садъ разведе мома устне,
 И запыта гласомъ любкимъ,
 Каквымъ зора младе буди
 Те пастыре на ливади:

„Любишь ли ме, душо моя?“

А онъ нъойзи одговара:

Рѣчи сладко превалюе,
 Као поточиѣ таласиѣ
 Преко шљонка нееднака:

„Као пчела росно цвѣѣ!“

Она нѣму приговара:

„Кадъ ме любишь, шго м' негрлишь!“ —

Сяйный месяц небомъ плови,
 А звѣзде га прате златне,
 Подъ ясномъ юнакъ спава,
 На руцы му дѣвойчица.

На ясену Вила сѣди,

Златнымъ криломъ вѣтаръ прѣви,

Те съ ясена цвѣтакъ стреса.

Цвѣтакъ пада на дѣвойку,

Те є изъ сна сладкогъ буди.

„Хоѣе веѣемъ да забѣли

На истоку плава зора, —

Пуштай ме, душо, да идемъ!

„„Юштъ влашиѣа нема бѣлы,
Юштъ сва ѣути чарна гора, —
Поспавай, срце, кодъ мене!““

„Шева изъ ведра неба пева,
Бѣла, ено, зора свиѣе, —
Пуштай ме, снаго, да идемъ!“

„„То непева мала шева,
Веѣъ то славуи учи птиѣе, —
Поспавай, ягнѣ, кодъ мене!““

„Месець блѣди, звѣзде с' гасе,
Ето жарко сунце иде, —
Пуштай ме, рано, да идемъ!“

„„Месець блѣди звѣзде с' гасе,
Што се твога лица стиде, —
Поспавай, дико, кодъ мене!““

„Съ Богомъ, драгій, съ Богомъ оспай!
Незаборав' на часъ овай! —
Кадъ у Шари, гори чарной
Разцвѣта се ясенъ жутый,
И на небу удари се
Сяйный месець съ преодницомъ,
Онда ѣу ти амо доѣи,

У по тихе, тамне ноћи!“
То говори дѣвойчица,
Па га любви међу очи,
Наводи му санъ на очи,
Па разшири златна крила,
Шодиже се къ плавомъ небу,
И сакри се у облаке,
У облаке позлаћене.

Родило се јарко сунце,
И пресуло златомъ гору.
Добри ловцы уранили,
Те за јутра ловакъ лове.
Стои праска кршне горе.
Вашке штекѣу, коњи хржу,
Люди вичу, рози треште,
А швигари люто пиште,
Трава шушти, шипрагъ пршти,
Одломлѣно гранѣ кршка:
Дигла с' грдна халабука,
Одзивомъ се хилядила.
Прлой земљи пало зверѣ,
Претанле с' пѣвке птице,
Свимъ умрло живымъ срце.

Ти невичу, што да лове,
 Веће вичу, да се чуо,
 Изгубили господара,
 Наћи нѣга све се стара.

Вика њина пробудила
 И юнака спавајућегъ
 Подъ ясномъ разцвѣтанымъ.
 Онъ на лаке скочи ноге,
 Очи таре, чело глади,
 Па овако проговара:

„А! да лѣпа сна, и мила,
 Да б' истина у сну была!“
 То говори, обзире се,
 Види потокъ, види ясенъ,
 А на главѣ вѣнацъ стои.
 Са главе га къ срцу скида,
 У свилна га нѣдра скрива;
 Неможе чуду да с' начуди,
 Гди с' истина съ саномъ спрегла!

Садъ наслони рогъ на устне,
 Тресакъ пусти у планину:
 Заори се рогъ по гори,
 Као громъ истый по облаци.

Ловци вику утишаше,
 Ёрь су чули гласъ одъ рога.

Опетъ юнакъ златнымъ рогомъ
 Крозъ горицу громъ пошалъ.

Ловци вику подигоше,
 Ёрь су нашли господара.

Напредъ трчи вижля кучка,
 Репъ спустила, вратъ пружила,

Витке ноге разтурила,

И полегла по травици,

Па нетрчи, него лети;

За вижльомъ се ловци стисли,

Све крозъ гране и шипраге,

Преко хунка и яруга,

Преко дрвля и каменя.

Садъ и треій путь затрешти

Рогъ по гори, по зеленой:

Изъ растика предъ юнакомъ

Сто рогова одзову се;

Изъ шипрага вижля излети,

Одъ радости цичи, лае,

По росной се трави валя,

Па у вретень скаче, врти с',

Пропинѣ се узъ юнака,
 Бѣле нѣму лиже руке,
 Одъ любви на све лаѣ,
 Никомъ не да приступити. — —

Жутий ясенъ прецвѣтао,
 Одъ месеца српъ остао,
 Добаръ юнакъ ноѣцу сваку,
 Ноѣцу мрачну, ноѣцу сѣйну,
 Подъ ясномъ преспавлюѣ,
 Небы л' му се санъ вратио,
 Санъ чудесный, санъ любезный.
 Али санакъ недолази;
 Сни на желю негледаю,
 Заповѣсти неслушаю,
 А лютини ругаю се.
 Као дѣца размажена
 Само свою знаду волю.

Узрела е сладка трешня,
 Обрала се тамяника,
 На столу е жута слама
 Подъ колачомъ, подъ божиѣнымъ,
 Што с' на нѣиви зеленило,
 Кадъ е у гори ясенъ цвѣтао.

Свако цвѣће прецвѣтало,
 Свака трава увенула :
 Али вѣнаць сномъ донешенъ
 Сачувао свое цвѣће,
 Па с' зелени и мириши
 Као край бистрог' поточића,
 До ког' жутый ясенъ цвѣта.

Иванъ-дане ! да лѣпъ ти си
 И у полю, и у гори,
 Али нигди лѣпшій ниси,
 Нег' у Шари, гори чарной,
 Подъ ясеномъ разцвѣтанымъ,
 Гди 'но добаръ юнакъ сѣди
 И у дану и у ноћи.
 Даню ока свогъ нескида
 Са ясена зеленога,
 Хоће л' скоро процвѣтати;
 Ноћу жельно къ небу гледи,
 Хоће ли се месецъ сѣйный
 Съ Преодницомъ ударити.
 Што чекао, дочекао :
 Ударіо с' месецъ съ звѣздомъ,
 Разцвѣтао се жутый ясенъ.

Подъ нѣмъ спава добаръ юнакъ.
Лахоръ вѣтаръ подуюе,
Па ъ ясена цвѣће круви,
Те юнака изъ сна буди.
Лѣпъ се нѣму санакъ снѣо:
У райской е башти быо,
Гди по цвѣћу бисеръ стои,
На гранама алемъ роди,
По потоци вино тече,
А у тихом' у езеру
Бѣло млѣко таласа се;
Край езера лугъ облази,
Одъ сребра су дебла дрва,
А листићи одъ камена,
Међу нѣма жуто цвѣће
Одъ самога сувог' злата,
Па с' музика чуе сладка,
Кадъ подуне вѣтрићъ тихій,
И залюля витке гране.
Ясно небо боє мѣня,
Чась е плаво као око
У дѣвойке плавооке,
Часкомъ опеть порумени,

Као образъ у невѣсте,
Затымъ сія сѣино жуто,
Као нѣва у данъ жетве,
Па најпосле позелени
Као росна ливадѣца,
Те се опда боє слію,
И начине небо дугомъ,
Дугомъ красномъ, дугомъ дивномъ,
Да є с' немо'шъ пагледати.
По земљи се цвѣће віє,
Сваке струке, сваке боє,
Све лѣпоте невиђене
И мириса небеснога.
Међу небомъ и подножѣмъ,
Што 'но кодъ насъ земљомъ зову,
Разсуо се ружинъ мирисъ,
Кои дає, кадъ нѣдарце
Сунцу првѣй путь отвори,
А по нѣму витлаю се
Дѣвойчице златокосе,
Као шарени лѣптирићи.
Край езера дворъ се диже
Одъ драгога савъ камена;

Сія му се кровъ црвеный,
 Стубови га носе бѣли,
 А степени пружаю се
 Око двора паоколо
 Као дуга савіена.
 Усредь двора престолъ стон,
 Облаци га златни крію,
 Ёрѣ бы око одъ човека
 Одъ саяности ослѣпило.

У той башти вѣкъ проводе,
 Вѣкъ младости, вѣкъ пролећа,
 Животъ любви и лѣпоте,
 Дивне Виле Облакиѣ.
 Дни су њини дни радости,
 Дни пѣсама чаролійски;
 Часу њиномъ крила даю
 Миле игре, пуне сласти
 Дѣвоячког' несташлука,
 Кадъ съ лѣпоте тайна спадне,
 И надметат' досѣтливо
 Съ дражешћу се дражестъ стане.

У той башти одъ Милина,
 Сѣдіо е добаръ юнакъ,

И до нѣга дѣвойчица,
Коя му є вѣнацъ сплела,
Подъ ясномъ разцвѣтанымъ.
Што є была лѣпа мома,
То є сада бѣла Вила.
Златна нѣойзи пала коса
По рамени снѣгобѣли,
Златне су іой обе руке,
На челу іой звѣзда трепти,
Изъ очію с' зора смѣе,
Са лица іой сунце сія,
Изъ нѣдара месечина.
По стасу іой, по виткоме,
Два с' спустила златна крила;
Одеѣа се на нѣой блиста
Одъ чистого бѣла сребра,
Нити ткана, нит' кована,
Веѣъ на прсте оплетена,
Одъ сребрне танке преѣе,
Те крозъ прстенъ дѣвоячкій
Провуѣи се цѣла дає,
По сребру су ситне звѣзде,
Све одъ злата уpletене,

У порубу с' бисеръ блиста,
Као на трави бистра роса;
На глави іой круна стои,
Изъ алама изсѣчена,
Те с' несія, него горе,
Неда с' живу гледат' оку.
Па кадъ макне златнымъ криломъ,
И о перо дирне перо,
Райска чуешъ звона ясна,
И анѣлске чисте гласе;
А кадъ лаку крене ногу,
Жубори іой скуть сребрній,
Као поточиѣ у горицы.
Кадъ се смее, бисеръ сеє,
Кадъ говори, рай отвори.
На крилу іой двое дѣце,
Мужко чедо и дѣвойче.
Дѣвойче є майци равно,
Златокосо, златоруко,
Съ златны крили на раменма;
Мужко чедо юнаку є
Изъ образа изсѣчено.

Вили юнакъ проговара :
 „Зашт' недође , драга моя ,
 Ненашла те бѣда коя ,
 Неубила т' любовь твоя ,
 Кадъ самъ тебе я чекао ,
 Као гора Бурђевъ данакъ ,
 Нег' за тобомъ копніо самъ ,
 Као ягнѣ за матеромъ ,
 У дни млади венуо самъ ,
 Као цвѣтакъ на ливади !“

Вила нѣму одговара :
 „Нисамъ теби , драгій , дошла ,
 Срѣ ти нисамъ доћи могла . —
 Свакой Вили суђено е
 Любовь познат' , нъой послужит' ,
 И на прси мужа пасти ;
 Али строга судба рече ,
 (А што рече , непорече ,)
 Да еданпутъ само свака ,
 Кадъ постати жели мати ,
 Даръ любви може дати .
 Кога другій путъ загрли ,
 Изъ костію срчѣ му вади ,

Изъ прсію срце вида,
А изъ нѣдра душу чупа:
Загрли-ће драгогъ живогъ,
Мртвога ће оставити.
Зато нисамъ къ теби дошла.
У нѣдрама бѣле Виле
Жешћимъ огнѣмъ любовъ гори,
Нег' у грудма одъ човека;
Желя нѣна спалила бы
Слабо срце човечіе.
Страсти нѣной мала е жертва
Димъ домова, смрть родова. —
Страшна е моя борба была!
Ты си спавао, я на витки
Надъ тобомъ самъ вила с' крили,
Садъ се дигла у облаке,
Садъ спустила къ земљи црной.
Кадъ самъ была у облаци,
На землю ме срце вукло,
Са землѣ ме срце слало
У облаке позлаћене:
Много пута на по пута
Међу земљомъ и облакомъ

Єднимъ криломъ спуштала се,
 Другимъ самъ се подизала,
 Немогла се маћи съ мѣста.
 Ударала с' съ чедомъ мати,
 Съ вреломъ жельомъ любовъ топла;
 Ал' се любовъ бори сама,
 Жельи желя помоћъ дала,
 Наравъ съ нѣне стране стала,
 Твое срце мое зове, —
 Што се несме, яче с' хоће;
 Хтѣде желя да надвлада.
 Смрть ти стане чело главе,
 Кодъ ногу ти с' гробъ отвори.
 Но є юнакъ любовъ права,
 Надвладала врелу желю,
 Надячала наравъ снажну.
 Я с' одкинемъ одъ твог' лица,
 И у мое прнемъ дворе.
 Кодъ главе ти животъ кликне,
 Ниже ногу ружа никне.“

Ньойзи юнакъ проговара:

„Ко ће хтѣти далѣ живит',
 Кадъ мрет' има съ райскомъ слашћу!

Коме да се животъ мили,
Кадъ, што люби, онъ негрли!
Но кадъ любовъ тамо доле
Нисмо могли проводити,
Шта намъ брани овде бити,
Овде бити и любити,
Докъ любит' се любовъ иште.
Я љу радо мою круну,
Мое благо, мое царство,
И све мое оставити,
Што м' е тамо мило и драго,
И остати ту кодъ тебе,
И гледати твоє очи,
И любити твоя уста,
И грлити твоє грло,
Докъ е свѣта, докъ е вѣка!“

Она нѣму одговара:

„Я бы дала полу царства,
Ком' подъ сунцемъ равна нема,
Кадъ бы съ тобомъ кралѣвати
Я у другой поли могла!
Ал' то строга Судба неда!
Што за косу смрти незна,

То се само на тренућа
 Са любимцемъ смѣ састати,
 Кои мора у гробъ пасти.
 Я бы цѣло мое царство,
 И сву славу, кою видишь,
 И сву силу, кою незнашь,
 И безсмртность мою саму
 Радо натрагъ Судби дала,
 Да на твоіой црной земљи
 Съ тобомъ могу вѣковати;
 Ал' те силе нигди нема,
 Коя може владу смрти
 Ил' разширит' ил' с'узити!“

Садъ предъ Вилу юнакъ стане.
 У лицу му воля сія,
 Каква свѣту господари,
 А у стасу снага цвѣта,
 Коя незна, шта с' неможе
 Жива елика малог' Бога,
 Милина га погледати.
 Десну свою пружа руку,
 Па овако проговара:
 „Ово е рука одъ юнака,

А у нѣдри срце бїе,
 Што недркѣе предъ войскама.
 Поплашит' се юнакъ недамъ,
 А умрети и немаримъ:
 Можете ми духъ изгонит'
 Неможете волю сломит'!“

Гледала га бѣла Вила,
 У нѣдри іой срце игра,
 А уста се осмѣую,
 Па му овако одговара:
 „То є рука одъ юнака,
 Рука мила, рука драга;
 Велика є нѣна свага,
 И съ тог' ми є тако драга:
 Найрадїє с' прилюблює
 Найячему найнѣжнїє.

Ал' шта може мысли сила,
 Или саву оштра сабля?
 Можешъ ли ты ово сребро,
 Ово суво тврдо злато,
 Овай бисеръ и каменъ, —
 Можешъ ли ты едномъ вольомъ
 Све у ништа претворити?

Може л' твоя рѣчь и сила,
 На средъ пута съ неба къ земљи
 На облацы позлаћены
 Рай овакій саградити?
 Я све могу, како хоћу!
 Вољи мојой вѣтаръ служи,
 Желя в моя огню законъ,
 Сунце ярко, месецъ сѣйный,
 Моє слуша заповѣсти,
 Природа ми мора дати,
 Што зажелимъ я имати, —
 Па, разрушит' врата могу,
 Ал' немогу учинити,
 Да с' предъ тобомъ незатворе,
 Кадъ одлазку часъ удари.
 Срѣ закони, основъ бы-ћа,
 Недаду се промѣнити,
 Вољи оног', кое одъ нби
 Животъ прима, силе има.“

Вили юнакъ приговара:

„Смрть разставля, смрть саставля
 Са безсмртнымъ, смртно што е.
 Велика е Вила сила;

Ал' човеку едно даше,
 Што Вилама одрекоше.
 Ты безсмртность омражену
 Одбацити ниси моѣна,
 Ал' у моіой стои власти,
 Смртности се опростити!
 Ево] ножа, ево грудій!
 Нека спада, што є смртно,
 Да с' кь безсмртномь вѣчно дигне!“

Вила златну пружи руку,
 И изъ руке макаксале
 Смртоносный ножъ испадне.
 Па юнаку проговара:
 „Видіо си многу душу,
 Пре времена на свѣтъ доѣи:
 Дає л' животъ роѣай раный?
 Баци семе пре времена
 У браздице узоране:
 Хоѣешъ видит' златну жетву? —
 Иди путемъ, плов' временомъ,
 Коимъ те є Онъ послао,
 Кои сунцу путь прописа,
 И месецу рокъ урече,

Доѣ, ѣе време, има мѣсто,
 Гди ѣемо се мы састати,
 Да заедно вѣкуемо:
 Ал' то мѣсто нїе земля,
 Ни вилинско царство тайно.
 Люди живе, као цвѣће
 Данъ цвѣтаю, другїй вену:
 Вилинскїй е животъ дужїй,
 Животъ раста, кон лѣта
 На хиляде своя брои.
 Ал' и оне нису вѣчне,
 Ако за смрть и незнаду;
 И нѣи лѣпшїй животъ чека,
 Него овай у облаци. —
 Разстати се мы морамо!
 Часъ ѣе скоро ударити,
 Кон смртно къ земљи зове.
 Съ Богомъ, драгїй! спомен' ме се!
 Спомень брише дане и лѣта,
 Успомену састаю се,
 Коє црнїй гробъ раздѣли,
 Или быѣе нееднако;
 У мыслима састаесе

Духъ ка духомъ, съ вольомъ воля,
 Ма тѣлеса разставляло
 Синѣ море, грдие горе,
 И вѣкови и свѣтови!
 Твой ѣе милый образъ живит'
 У момъ срцу, моіой души,
 Любовь твоя бы-ѣе душа
 Мога дана, мога сана,
 Мои мислїи и пѣсана. —
 Дѣвойче ѣе овдѣ остат',
 Мала Вила меѣъ Вилама,
 Вѣчно млада, вѣчно лѣпа,
 И царица надѣ облаци,
 Кадѣ одавде мене одзову:
 Мужко чедо земля иште,
 По отцу е иѣвно чедо;
 Сынѣ е правый отцу раванѣ,
 Матери е кѣни подобна.
 Материнскогѣ знакѣ порода
 Златна су му крилца дата,
 Кадѣ зажели матерѣ видит'
 И сестрицу загрлїти,
 Нек' се дигне у облаке

Къ материной домовини.“

То говори, дѣте люби,
На руке га отцу дае.

Юнакъ Вили проговара :

„А кадъ ће се опетъ мени
Твоя врата отворити ?

Ил' те вальда до дальнога,

Кои ће насъ саставити,

Часа никадъ видит' небу ?

О! да т' висамъ непознао,

Кадъ те морамъ изгубити!

На што смртномъ рай показат',

Кадъ у нѣму быт' неможе!

Тамница е земля мрачна,

Ком' е сѣйность рая знана;

Шта ће срце наѣ' кодъ жене,

Кадъ за Виломъ тужи, вене!“

А она му одговара :

„Нетужи се на судьбину,

Строгу майку, ал' праву майку!

Да се нисмо ни познали,

Небы никадъ едно были :

А шта е животъ найбѣднѣи

Спрамъ вѣчности одъ блаженства! —
 Ако теби ніе дано
 Овай свѣтлый станъ видити,
 Мени ніе забранѣно!
 Землю твою походити.
 Ево ти се садъ заричемъ
 Свако лѣто надгледат' те.
 На данъ овай, данъ любви,
 Како с' спусти мракъ на землю,
 И приближи глуво доба,
 Све уклони, што є странно,
 Онда ѣу ти я слетити,
 И кѣрь твою са мною свести,
 Па ты кѣрку грли, люби,
 Я ѣу сына миловати,
 Докъ се зора неприближи.
 Твою жену, твою дѣцу
 Да невиде мое очи,
 Ёрь што Вила гледи мрко,
 То ѣе зора наѣи мртво! —
 Часъ веѣъ куца! съ Богомъ драгій,
 Съ Богомъ милый мой човече!
 Веѣъ се купе мое сестре

— Съ престола се облакъ диже :
О! да с' разстат' мы морамо!
То говори, сузе рони,
Низъ образе бисерь пада.
Садъ на ноге скочи лаке —
Засвираше златна крила,
Зажубори skutъ сребрный,
Да с' у грудма срце стопи;
Златне свое шири руке,
Грли дѣте, грли отца,
Люби нѣга међу очи,
Наводи му санъ на очи.
Крозъ санъ чуе онъ музику
И одъ Вила пѣсму сладку,
Коя у нѣдри топи срце
И изъ тѣла мамн душу;
Крозъ санъ види дивно чудо,
Свѣтъ одъ огня и одъ боя,
И свѣтлости чаролійске.
Грми, пуца, свѣтли, блиста,
Неможъ му се надивити,
Нит' га ситъ се нагледати.
А у среди те дивоте,

У средъ славе и красоте,
 На престолу сунцозрачномъ
 Съди мати съ дѣвойчетомъ.
 Све лѣпотомъ надвишую,
 Што є красно, што є сѣйно,
 И дражестно и умилно.
 Докъ све оку неситоме
 Ружичнога лица млази
 Завистливо незастреше,
 И дальина гласе ослаби,
 Те у любко жуборенѣ
 Сви се слише поточиѣа.

Изъ тог' сѣйног', милог' сана
 Пробуди га цвѣтъ округѣнѣ.
 Онѣ на ноге скочи лаке,
 Обзире се на све стране.
 Гди є легао, ту се тргао,
 Подъ ясномъ разцѣтанымъ
 У той Шари, гори чарной.
 Предъ нѣимъ сѣди мало дѣте
 Любко с' смѣши, као анѣелче,
 Мале нѣму пружа руке
 А крилцима потресуе

Као голубче лепршаво.
Крале га носи бѣлымъ дворма,
Рани нѣга и негуе
Као чедо мила майка!
У свили га успавлюе,
У злато га опасуе
Брзо расте мало дѣте:
Кадъ є было одъ године,
Чинило се да петъ има;
Кадъ свршило десетину,
Стао узъ боръ и узъ елу,
Нитъ е боре тако высокъ,
Нити тако ела витка,
Лѣпшій быо негъ дѣвойка,
Надъ нѣмъ юнакъ ненашао се.
Реля су му име дали,
Крилатиѣмъ сви га звали.

151

ЖЕЛЯ ПРИ РАЗСТАНКУ.

Ахъ! веѣ оде моя мила,
У свой красный Новый градъ,
Херувима да су м' крила,
Летю бы за ньомъ садъ.

Преко пута нѣна двора
Сазыд'о бы себи станъ,
Одкуда бы нѣна створа
Дражестъ глед'о ноѣ и данъ.

Усредъ двора извео бы
Чистый изворъ к'о кристалъ;
Зраке сунца одвео бы,
На красоте идеалъ.

Кадъ крозь прозоръ она бацы,
 Као зора погледъ свой,
 Нек' изъ нѣга чисти зрацы,
 Однесу іой обликъ мой.

Извору бы дао име,
 Свима мило: младолекъ,
 Кое бы му красне Миме,
 Наденуо младый векъ.

Свако ютро, свако вече,
 Я бы пушт'о вес'о гласъ:
 Младолече! младолече!
 Услади ми овай гласъ!

Одъ Фрушке.

НА ПРОЛЕТЕ.

Већъ последний кивный преста,
Бурне зыме густый мракъ,
А пролеће ево наста,
С' нымъ долази сунца зракъ.

Сва природа са долазкомъ,
Златногъ, много пролећа,
Оживила, слави екомъ,
Обновленъ свогъ быћа.

Любко с' нѣму смеши сунце,
Тварь се свака весели,
Земля добы ново лице,
Новымъ с' рувомъ поноси.

Горе, поля зелене се,
Дрва, траве цвѣтаю,
И цвѣтићи шарене се,
К'о небесномъ у раю.

Бистри теку поточићи,
И умилно жуборе,
Отвараю с' источницы,
Кристал-вода извире.

Славуй нѣжнимъ у шумицы,
Гласомъ пѣсме износи,
Блеюћ' стадо по горицы,
Одзыве му приноси.

По лугови медоносне,
Скупля пчела сокове,
Показуюћ' нама свое
Прилѣжности плодове.

Где весела младежь, како
Садъ оставля гордый градъ,
Да ужива тежи свако
Байне весне любкій ладъ.

Свакогъ она побуѣе,
Творца вышнѣгъ славити,
Са красотомъ наслаѣе,
Нѣму учи пѣвати.

Никола Вукичевићъ.

157

ИЗПУНЕНЪ ЖЕЛЪ.

Звѣздо неба дальногъ,
Зраче сунца яркогъ,
Жельно, жельно, жельно,
Жельно самъ те я изгледао давно.

Сину садъ твой блескъ,
Разби громовъ трескъ,
Давно, давно, давно,
Срце иска што, сада ми е' явно.

Силно бие скокъ
Нѣговъ што му рокъ
Явно, явно, явно,
Садъ изнесе то, за чимъ чезну тайно,

Садъ ми разви с' Май,

Садъ ми свану рай,

Славно, славно, славно,

Кадъ зрачи за чимъ тугов'о самъ давно.

У радости садъ

Душа плива кадъ

Жельно, жельно, жельно,

Што изгледа, то садъ іой дође славно.

В. Субботиѣъ.

138

ДЕВОЙКЕ ЗАКЛЕТВА НА РУЖИ.

При прозору, стабломъ танка
Моемъ майска с' ружа віе
Одъ топлога коя данка,
Да м' не црни лице, кріе.
Ако старъ е узхте брати,
Да м' полюби оѣу с' дати, —
Ако женѣнъ узхте брати, —
Полюбаць ѣу нѣму дати, —
Ако Момче узхте брати,
Нѣму руку мою ѣ' дати!!

Д. Михайловићъ.

ТРИОЛЕТИ.

I.

Гди с' налази драги мой!
На коіой є гори, —
Рецыте Лаори, —
Гдис' налази драги мой!!
Едал' любу тражи,
Сунце мило кажи:
Гди с' налази драги мой!!! —

II.

Подъ твоіомъ рукомъ!
Кругъ ми є землѣ рай, —
Желѣ є мое край
Подъ твоіомъ мила рукомъ!!
Неплаши мене гробъ,
Престаємъ быти робъ
Подъ твоіомъ мила рукомъ!!!

III.

Люби л' мене моя драга! —
Пре нег' што іой руку дамъ,
Да с' увѣримъ желіо' самъ,
Люби л' мене моя драга!!
Ты Божества светый храмъ,
Учини ми да познамъ:
Люби л' мене моя драга!!!

101

КЛЕВЕТНИКУ.

Клеветай враже, пакоству сыти грудь!

Мушицки.

У Азиі, второй свѣта части —
Гдѣ є првый човекъ быо створенъ,
Гдѣ є и рай знамо негда быо,
Гдѣно с' роди и нашъ избавитель,
Избавитель, Ришѣанства спаситель; —
Єдовита една гуя бѣше,
До Гавгеса, горде Инда рѣке.
Шеѣала се до Калкуте града,
Одъ Калкуте и до Океана,
Океана башъ до Индїйскаго.
Безъ разлике сѣвала є страшно
Крозъ живот'нѣ понайвише манѣ,
Нег' што она бы халла отровна. —

Лишила е много свогъ живота,
 Невине ий еръ е уедала,
 Уедала сотымъ уморила;
 Кадъ едаредъ люто огранса 'на,
 Башъ собствену поглоти часть стражню,
 Мыслећ' да е сенка друге гуе:
 Пакъ одъ себе сама е скапала. —
 Клеветниче! многа зла човече,
 Огледай се, пакъ поседи с' миромъ,
 Копаюћи еръ другоме яму,
 Стрмоглавце ты самъ паш'ћешъ у ню! —

У Вршцу.

Аристидъ Николићъ.

ЛАКОМЫСЛЕННОСТЬ.

Фаліо се Шпартанаць Пиротасъ,
Своіой майцы чврстимъ мишицама,
Мишицама, умомъ превыспренимъ:
„Да знашъ мати юнакъ какавъ самъ ти!
„Не бы с' више бояла пропасти,
„Већъ бы с' слад'ла славомъ твога сына,
„Кои побѣди тму непріятеля,
„Премудрошћу та храброшћу хитромъ.
„Шпарта ме већъ у небеса кує.“ —
Но мудрія одъ нѣга є майка,
Овако му поче беседити:
„Кукавице, моя єдинице!
„Зашт' се фалишъ, не было ти просто,
„Зашт' се фалишъ, кадъ тымъ себе хулишъ,
„Ты до сутра можешъ изгибнути,

„Єрь Іовиша непознаєшь волю ;
 „Пакъ іоштъ мени ты озбильски зборишь :
 „Не бы с' више бояла пропасти. —
 „А заръ незнашь, шта є Троя {была ?
 „Шта ли дѣла Хектора, Ахилла ?
 „Заръ т' не звече іоштъ Траяномъ уши ?
 „Садъ изпеци, пакъ онда текъ реци :
 „Гдѣ су они, гдѣ є важна Троя ?
 „Єл' разпуди ный времена тама ?! —
 „Немой с' дакле у себе уздати,
 „Незнашь данасъ, сутра шта ће быти.
 „Та Шпарта є више ный познала,
 „И тройка одъ тебе юнака,
 „Пакъ садъ гдѣ су, шта ли творе мудро ?
 „Превозчика ты Харона пытай,
 „Ил' стоглавна Цербера Плутона.“ —
 Гле Старице, гле рѣчій мудрице !
 За тренутка шта изказа ока :
 Єрь познаде слабость мозга сына,
 Єрь познаде суету му наде. — —

Тако сръбска погдѣкою майка,
 Има сына пакъ лакомыслена ;

По лахору садъ градове зыда,
 Златна сада обећава брда.
 Кадъ га мати сбогъ суѣте хули,
 Онъ с' обреца, и ню ружи, грди. —
 Но чуй мене, таквый србскій сыне!
 Узду страсти ты у зубе мети,
 Тврдо с' уздай, ма неће отети! —

У Вршцу.

Аристидъ Николићъ.

ТОЧНА РАЗЛИКА.

Лекаръ едавъ бавећи се радо
С' предметима врлогъ Хипократа,
Хуфеланда и Галена умногъ:
У званію постао е славнымъ. —
Имао е теке едногъ сына,
Едногъ сына, али већъ возрастна,
Учећегъ се познат' Марса полъ,
Свакданъ царску е имао мазду;
Комъ е често овако зборіо,
Ант'патіомъ худо одушевљѣнъ,
Према женскогъ примамљивога пола:
„Сыне милый, сыне возлюблѣнный!
Да послушашь отца твоега савѣтъ,
Кой се теби изъ изкуства явля. —
Вазда с' клони кужногъ женскогъ пола,
Ерѣ су оне праве зміе лестне;

Пакъ ти могу другч'е додіяти,
 Нег' Ксантипа Сократу мудрецу.
 Глай Сираха, како на нѣи виче.“ —
 Сынъ увери сада отца свога,
 Да ће то све аманетъ му бити.
 Но не прође еданъ паръ седмица,
 Кадъ му отаць преметаюћ' стварій,
 Нађе писма любавна одъ драге.
 Отаць сада, да себе увери,
 Самъ похити да трагове сына
 Себи знане учини озбильски . . . .
 Ал' ето ти любопытльивости!
 Отаць спази кодъ комшіе сына,
 Ласкаюћегъ одной лепой дѣвки,
 Ал' невино и цѣломудрено. —
 Ништа зато, то видећи отаць,
 Разяри се грдећ' ласкателя,
 Кои нѣму овако бесѣди:
 „Опростите, молимъ, сладкій отаць!
 Та е была пола дѣвоячкогъ!“ —

У Вршцу.

Аристидъ Николићъ.

103

А М О Р Ъ.

У китнястой долини луга
Замке сплеше до два друга.
Текъ што сплеше, вузь пролети
Лепа птица Аморъ дивный.

„О да красный неба створъ!“

Плѣсну момче. „Глед’ Богдане
Златна крыльца, ко б’ іой мане
Нашо дивной, райско цвеће
Ніе лепше, ой да оће с’
Заметнутъ, у лова сплетъ.“

Неватай е мой Милане,
Гладко лице црне ранне
Одъ огреба птице клете
Болуе, лепоте нѣне,
Очаранъ е сѣйный видъ.

Осрећенъ е по сто пута,
Кои се клони овой съ пута
Црне бриге, ратъ у души
На чія се плећа сруши
Клете ове птице летъ.

У Оросламошу.

Дим. Арновлѣвићъ.

ПОЛЬСКІЙ ЖИВОТЬ.

Ihr lebt alle in Arcadien, wenn ihr wollt.

Zimmermann.

Польскій є животъ изразъ природе, и зато бы намъ полезно было, найпре знати, шта є природа по себи. Но будући, да наше знанѣ одъ сравньиваня и разликованя стварій завьси, а изванъ природе никакво створенѣ непознаемо, съ коимъ бы природу, као са своимъ сасуштествованѣмъ (коегзистенціомъ) сравнити и одъ нѣ разликовати могли, зато неможемо управо знати, шта є природа по себи. О ньой дакле само у толико судити можемо, у колико она на нас непосредствено дѣйствує, и какова появленія у нами производи. Ова су появленія нѣжна, крѣпка, сладка и мила,

єрѣ у природи духъ свободніє дише, прса се
вєѣма и миліє шире, чувства су мекша и нѣж-
нія, мишице су крѣпчіє, и умъ є одморніи, здра-
віи и полетніи. Великолѣпіє природе оставля
одпечатакъ свой у сердцу людій, кои у нѣой
живе, и зато духомъ градскій жителя неза-
ражений польодѣлаць у продерзльивимъ ма-
ленкостима, у брблявимъ надскочницама, и у-
вредителнимъ потркушицама, нити увеселенія,
нит' одобренія здравогъ разума налази, као
што многи грађани налазе. Природа има тай-
ну мѣру, коіомъ твари грдніє и ситніє, красніє
и ружніє, снажніє и слабіє и т. д. бываю, єрѣ
иначе небы могла такова разнообразность ства-
рій быти, као што постои. Люди подражаваюѣи
стваранѣ природе, усуѣуюсе често мѣру свогъ
тѣлесногъ состава повеѣавати, но незнаюѣи
нѣну тайну, постаю ситніи и слабіи, негъ
што бы были, да су при указаной мѣри при-
роде остали. Польодѣлцы у ово покушеніє ре-
ѣе падаю, єрѣ природа такова повольства за
човека у себи снискава, да све желѣ наше
почерпава, сбогъ чега се землѣдѣлцы одъ нѣ,

као одъ рођене майке свое, нигда хотимице не-отисгую. Не тако грађани, кои у природи својствено нестаную, него избегаваюћи многе стварій, коє се као безвидне, стропотне, лепоте и пріятности неимаюће ужасне и дивлѣ быти виде, но коє су само осѣненія (Schattirungen) неизмѣрной красоти и велелѣпію природе принадлежећа, лишаваю се оногъ благодѣтелногъ втеченія нѣногъ, когъ ништа друго зъменути неможе. У природи тече крозъ неизмѣрный просторъ обштыи огань живота; влада єднородна (хомогена) составъ тварій разно образујућа и обдержаваюћа сила; влада єдна међусобность тварій и єданъ законъ движенія, по комъ се разделѣне силе изъ поедины тварій непрестано извіяю, и у првобытну совокупность свою сливаю, одкудъ у целости како међусобно, тако и на човека невидимо дѣствую, и чувства му у животной дражести крѣпко подижу. Природа застиђує совершенствомъ своимъ найвеће менажеріє, найбогатіє музеє, и гради не ботаническе и найвештіє послове художника, єрѣ у ньима искра живота негреє. При-

рода намъ нравствено мѣрило дає, да се съ
нѣмѣ огледамо и видимо, како смо слаби и
мали; како многе ствари предузимамо, кое за
нас нису, него насъ само муче, и животъ намъ
прекидаю; како се у точномъ наблюдаваю вѣч-
ны закона нѣна великолѣпность и свобода не-
прикосновена обдержава, кое и мы треба да
наблюдавамо, ако среѣни и свободни быти же-
лимо. Природа свогъ, вліянію чистогъ возду-
ха свагда изложеногъ любимца тежака укрѣп-
лява и у способлява сваку непогоду времена
лако подносити, неприятельскимъ нападеніями
грабежны животны и лакомы людій, сважно се
одапрети, и себи, ако и нероде свуда помо-
рандже и ружице нецветаютъ, питателну пріятну
и здраву рану свуда лако прибавити. При-
родолюбаць тежакъ, све потребе свое, изъ
прве руке природе очекує и прима, и зато
выновника нѣногъ усердніє хвали и благодари.
Мати природа любимцу свомъ свагда еднако
на вересію (кредитъ) дає, и стогубо му труде
плаћа безъ лихонмства и преваре, кое му и по
себи ограничене потребе съ тимъ лакше под-

мируе и труде му јоштъ веѣма умалява, у чему се златный векъ состои. У природи е найвыс-превнїи идеалъ овоплоћенъ, а осимъ нѣ е свако воображеніе празанъ санъ. Природа тежаку свагда готову постелю држи, намештену а не на мештану, злачнимъ мирисима окаћену а не-каћену, чисту а нечистѣну. Нѣгова подъ теретнимъ бригама вестеняюћа ведре душа гледа изъ здравога тѣла, као калуђервца изъ свештене ћелие, у высине небесне, сѣйнимъ звездама изкићене, градъ Бога великога, докъ му трепавице сладкїй санъ незаклопи. Погледай како сладко спава она тежачка девојка, коя е бразду правила, да воду за босилякъ и каранфилъ напусти:

Гди браздила ту заспала,
 Вргла главу у босилякъ,
 Вргла руке у каранфилъ,
 Вргла ноге у водицу,
 Покрила се са тканицомъ
 Избила е ситна роса,
 Као летню препелицу,
 Као есеню лубеницу.

Грађанинъ ако клѣтъ свою самъ неокади
и свѣжимъ воздухомъ непромане, лежи у смраду
ако непочисти, лежи у ђурбету, зато е кодъ
грађана више згеба видити, него кодъ землѣ-
дѣлаца. Напротивъ тога погледаймо Грчиѣа
Маџойла, тежака, како е веселога здравля:

Игра нѣму видра на колѣну,
И стои му соко на рамену,
И цвати му ружа за калпакомъ.

Погледаймо на последку дику и любезный
поносъ Радише тежака, кой подъ вишньомъ съ-
тры девойке наше Амазонке, Србско коло во-
ди холо:

Ой вишньо, вишњице!

Дигни горе гране,
Изподъ тебе Виле
Дивно коло воде,
Предъ њима Радиша
Бичемъ росу тресе,
До две Виле води,
А треѳой беседи;
Поѳ' за мене Вило!

Праведно е дакле прорицалиште (оракулумъ) прогласило, да е убогий землѣдѣлацъ Аглай среѣннн одъ негда Лидискскъ краля Гигеса, еръ е польскій животъ пунъ нѣжности, поноса, дике и юначства, пунъ веселя, игре и песама, и пунъ задовольства, сладости и крѣпости, као природа сама. Землѣдѣлцы ране све люде на свету, и првый е землѣдѣлацъ быо Фараонъ (краль) Озиріе, порекло и заслуге съ конма се землѣдѣлцы праведно надъ свимъ другимъ станяма, безъ кои землѣдѣлацъ среѣно живити може, съ тимъ више узносити могу, што безъ ннн никакво ставъ обстати не може, ма све саме Шпаньолске сребрне галие притяжавали.

Д. Бешлићъ.

П Ч Е Л А.

Кажі , ахъ ! кажи ми пчелице мала , куда с' тако рано , рано поитила ? та іоштъ ни зрачка зорице нема , нема ни на вршку брда и єдногъ ;

А на ливадама ладна ноћи роса по трави и цвећу силна іоштъ трепти ; а ты с' твоїй малый крилцы ! ах чувай ій мала , чу-чувай неповреди .

Ни цвеће се ніє одъ сна іоштъ пробу-дило , свієно у пупольцы мирно іоштъ све спава , и у сладкій санцы оборене глав еиѣжно слюбило низъ стручке свое ;

А ты с' тако рано на крилца веѣь дигла , па тако нагло на путь твой поитила ; ахъ кажи ми кажи , кажи драго мое , куда тако нагло , куда ти хитишь ?

Ако сладке само меда сластїй тражишъ,
сложи твоя крилца, послушай ме малко, я ћу
ти место пуно сластїй казати, каза' ћу ти из-
воръ гди вриду сласти.

Незнашъ зал' Драгу! Драгу — мою лю-
бу, са румены устїй, са сунца оч'ма, ахъ тамо
иди, лети пчелице мала, уста сунѣна свїю сла-
стїй изворъ;

Па ведри румень анђелъ - образа, ахъ па
бела нѣдра сладке мое любе о пчелице мала,
тамо су све сласти, — тамо — тамо нбойзи,
нбойзи иди, лети! —

САДАШНЬОСТЬ.

Грдно море опасуе нашу землю, нашъ животъ; таласъ се валя за таласомъ, а надъ нѣма мркъ облакъ; мркій мракъ е доидуѣность, текъ — текъ садашнѣость извѣстна е, — устай — устай милый брате! устай живой е! —

Гле врѣ Каафе врѣ горе, дигла с' Анка* у облаке, и пра спао с' крила нѣны, — па кудъ лети? и гди е? текъ садашнѣость извѣстна е, — устай — устай милый брате! устай живой е! —

Твое лице бео данъ, твоя коса црна ноѣ, румень зоре устне ти; румень зоре ноѣ и данъ, и найлепши, пролазе! текъ садашнѣость извѣстна е — устай — сладкій брате! устай живой е! —

---

*) Анка — име птице едне, о коіой много чудноваты стварій преповедаю. —

ТАМАЯНДРА.

Ах — ко да ми дивнолюбку спише Та-
маяндру! Бrame бога найсилнїя райскїй милый
створь? Та мїліонъ дугїй вѣка учїо се Бра-
ма, све анѣлске найдражіе ствараюћи мили-
не, — па текъ онда изъ свы скуца, а найми-
ленин, — створи Тамаяндру. —

Кама — любви богъ, и Люба — боги-
ня лепоте, іоштъ дететомъ у повою кадъ ю
спазише, райскїй венцы мала нѣна венчаше
недарца, ту букнуше миле прси свы милина
скупъ; кругле к'о и кругла плодъ Вилвамъ воѣ-
ке райске, дражѣ дрктуѣ' негъ и гласъ най-
дражіе свирке. —

Петъ е смртны стрела имо богъ любви
силне, єдну у високо небо, другу црной зе-
мљи, треѣу пусти у подземнѣ страотн' оно
царство; а две стреле што осташе найсмрт-
нїе мени, у сунчане найдражіе прикри очи
твое — любо Тамаяндро! —

ПИСМА НАПОЛЕОНА

Іосефни, супруги своіой.

У Мормиролу, 17. Юлія 1796.

Башъ самъ садъ, обожавана моя пріятельнице! твое писмо добыю, оно ми є сердце радосѣу преизпунило. Я самъ ти обвезанъ, што си ми извѣстія о теби послала; твое здравль мора да се є поболшало, я знамъ зацело, да си ты оздравила. Я ти заповѣдамъ, да често яшишь, то ти мора помоћи.

Одкядъ самъ те оставію, быо самъ еднако жалостанъ. Кадъ самъ близу тебе, среѣанъ самъ. Безъ престанка мыслимъ о твоимъ полюбцыма, твоимъ сузама и твоє любведостой-

номъ ревнованю. Дражести несравнимо мое Юзефине запалюю непрестанно живый пламень у моей души и чувствама. Кадъ ъу еданпутъ, освобожденъ одъ овогъ немира и мойи званичны дужностей, све могъ живота часове око тебе провести, и само о среѣи твоіой мыслити, и да о теби мыслимъ, теби казывати и показати моѣи. Я ъу ти твогъ коня послати, но надамъ се скоримъ те кодъ мене видити. Пре неколико дана мыслио самъ, да те выше свега любимъ, али одкадъ самъ те опетъ видію, осеѣамъ, да те іоштъ хиляду пути веѣма любимъ. Одкадъ те познаемъ, свакій данъ те веѣма обожавамъ, то показуе, да е мнѣніе господ. Да Брыера, кои каже, да любовъ на еданъ ма доѣе, неосновано. Свашта у природи има свое степене растеня. Ахъ! молимъ те, покажи неколико твой мана; не буди тако лепа, тако умилята, тако нѣжна, тако блага; а особыто небуди никадъ люборевнива, и неплачи, твое ме сузе разума лишаваяю и кровь запалую. Веруй ми, да я немогу едну мысао, едно понятіе сватити, кое се не бы теби клонило.

Оздрави ми, и сасвимъ брзо опорави се.
Посѣти ме, да баръ, ако умремо, казати мо-
жемо, толико смо дана среѣно провели.

Миліонъ полюбаца одъ твога

Бонапарте.

Изъ Вероне, 17. Септ. 1796.

Я, сладка пріятельце! пишемъ ти весма
често, а ты мени весма редко. Ты си гадна и
только ружна, колико небрежљива. То е из-
дайство, бѣдногъ супруга и нѣжногъ любезни-
ка тако обманути. Заръ супругъ своя права
губи, ако е далеко, и своимъ званичнимъ ду-
жностима и пословима, и трудима обременѣнъ.
Шта любезнику остае на земљи безъ нѣгове
Юзефине, безъ извѣстности вѣне любви? —
Шта ће онъ овде да чини? Юче смо имали
крваво сраженіе, непріятель много е людій из-

губіо и конечно е побіенъ. Мы смо му Мантѣско предградіе отели. Съ Богомъ, обожанія достойна Іозефино, едне ће найскоріе ноѣи на еданпутъ се градске капіе са шумомъ отворити, као люборевнѣивацъ найвеѣій утрча-ћу и у твоѣмъ обятію лежати.

Хиляду полюбаца!

Бонапарте.

Изъ Модене, 17. Окт. 1796.

Преключе цео самъ данъ престаю на полю. Юче самъ се кревета држати морао, грозница и страшна главоболя задржала ме е, те моіой любезной Іозефини писао нисамъ. Аль я самъ нѣна писма добыю, я самъ ій срцу и устѣма прилюбіо, и удаленія боль и разстоявія одъ сто миля нестаде. У ономъ тренутку я те поредъ мене виђо, не суморну и злоразположену, но тиху и нѣжну съ чрезмѣрномъ добротоѣмъ, коя едну само Іозефину мою краси. То

е было санакъ. Погоди, ели ме одъ грознице из-
лечіо? Твоя су писма ладна као 50 година,
слична петдесетолѣтномъ супружеству. Види
се изъ ный пріятельство и осеѣанѣ зымногъ
доба живота. Ахъ, Іозефино! то е весма ру-
жно, весма зло, и управо неверство одъ Васъ.
Шта ми можете іоштъ више учинити, да ме
до сожаленія достойногъ станя доведете? Не
любити ме више? Ахъ, та веѣъ е тако! Мене
мрзити? Пакъ добро, нека е тако, све друго
понижава, само мрзость не; али равнодушіе съ
ладнокрвносѣу, съ укоченимъ погледомъ. Ахъ
то! — — —

Хиляду, хиляду полюбаца тако нѣжны као
мое срце!

Я се мало болѣ наодимъ, сутра се кре-
ѣемъ. Енглези оставляю средиземно море. Кор-
зика е наша. Добра вѣсть за Французску и
войску.

Бонапарте.

Верона, 23. Ноемв.

Я те више већъ немилуемъ, я те мрзимъ, ты ружна, ты несладка, ты любезнѣйша Юзефино, ты мени никадъ непишешъ, нити любишъ твогъ супруга. Ты знашъ, како се онъ твоимъ писмама радує, пакъ опетъ нешилѣшъ му ни б худій, нашкрабаны врстица! Шта, Вы госпо, радите целый данъ? какви Васъ важни послови занимаю, те неможете Вашемъ сердечномъ любезнику писати? Каква страсть уништава твою любовь, твою нѣжну и вѣчну любовь, кою си ми завѣштала? Какавъ є то Фениксъ, кой Ваше погледе гута, Васъ цео данъ мучи, и неда Вамъ съ Вашимъ супругомъ забавлявати се. Юзефино! узми на умъ єдну лепу ноћъ, разстави-ћеду се градске капіє, и я самъ ту. Я самъ, мнла пріятельцо! озбиљно узнемирень, што никаква извѣстія одъ тебе недобыямъ; пошљи ми скоро тры врстице, и оне сладке стварій у њима, кое мое срце съ че-

зньомъ и радосѣу напуњава. Надамъ се, да ѣу
те скоримъ у моимъ обятіама држати, и съ
миліонъ, као подъ екваторомъ ватрены полю-
баца посути.

Наполеонъ.

ЖЕНСКО СРДЦЕ.

(Изъ Зафировогъ већегъ стихотворенія
посрблъно.)

Вако ружа повѣствуе
 О првоме женскомъ срдцу,
 Како е оно сатворено
 И за тугу и радость:
 У првоме сладкомъ санку,
 На постельи одъ ружица,
 Лежала е прва жева,
 Юштъ безъ грѣха и невина:
 Окол' главе сномъ обвїйте
 Стая у кругъ хоръ анђела,
 Совѣтуюћъ како б' могли,
 Груди женской срдце дати,
 Пуно туге и блаженства,
 Да е увекъ све то исто,

А свакій данъ опетъ разно,
 Стѣнокрѣпко, лакокретно,
 И да плива у сузама,
 И разливас' у радостма,
 И да е оно лаке мысли
 А да е опетъ каментврдо,
 У истоме у томъ срдцу
 Данъ и среће, и ноћь туге
 На измену да царствуе,
 Па да любн,
 И да мрзи,
 Жертву дае,
 Жертву ниште,
 Да се доле къ земномъ клони,
 И да с' диже у высъ къ небу!
 Да се смѣе и да плаче,
 Лако свашта да веруе
 И да вере непокланя,
 Да е страшливо и да е благо! —
 Анђели се договоре,
 Те овако срце створе:
 Они узму росву каплю,
 Што изъ плавог неба паде;

Любичицу изъ долине
 Миловидну, мирисаву,
 И одъ зоре прве зраке,
 И споменикъ*) любкомалый.
 Узабранный спрамъ месеца,
 Па све ово скупа ставе
 Те у путиръ белогъ крына,
 И поставе с благомъ жельомъ
 На любви тихій огань,
 Лептириѣи бдит' мораше,
 Лакимъ крилма пламень пире,
 Као зачійну іоштъ метнуше
 Одъ майкине листъ душице,
 Па и зраке майскогъ сунца,
 Апрельъ малко и месеца,
 Садъ іоштъ успу уздисая,
 Сладке туге и чезненя,
 Едну желю, полъ надежде,
 Са две горке сладку сузу,
 Све покрише са заклопцемъ
 Одъ скромности и трпenea,

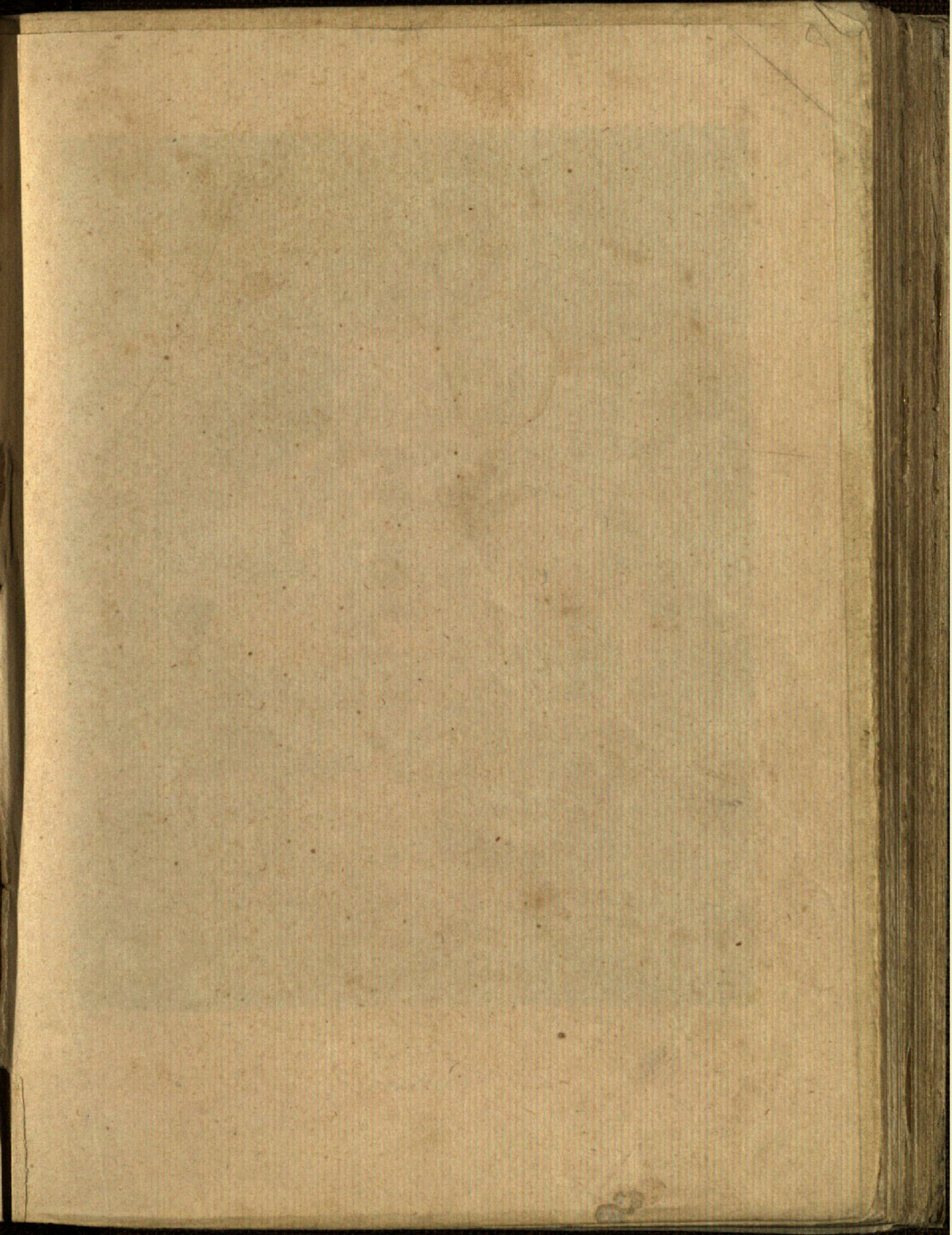
*) Vergissmeinnicht.

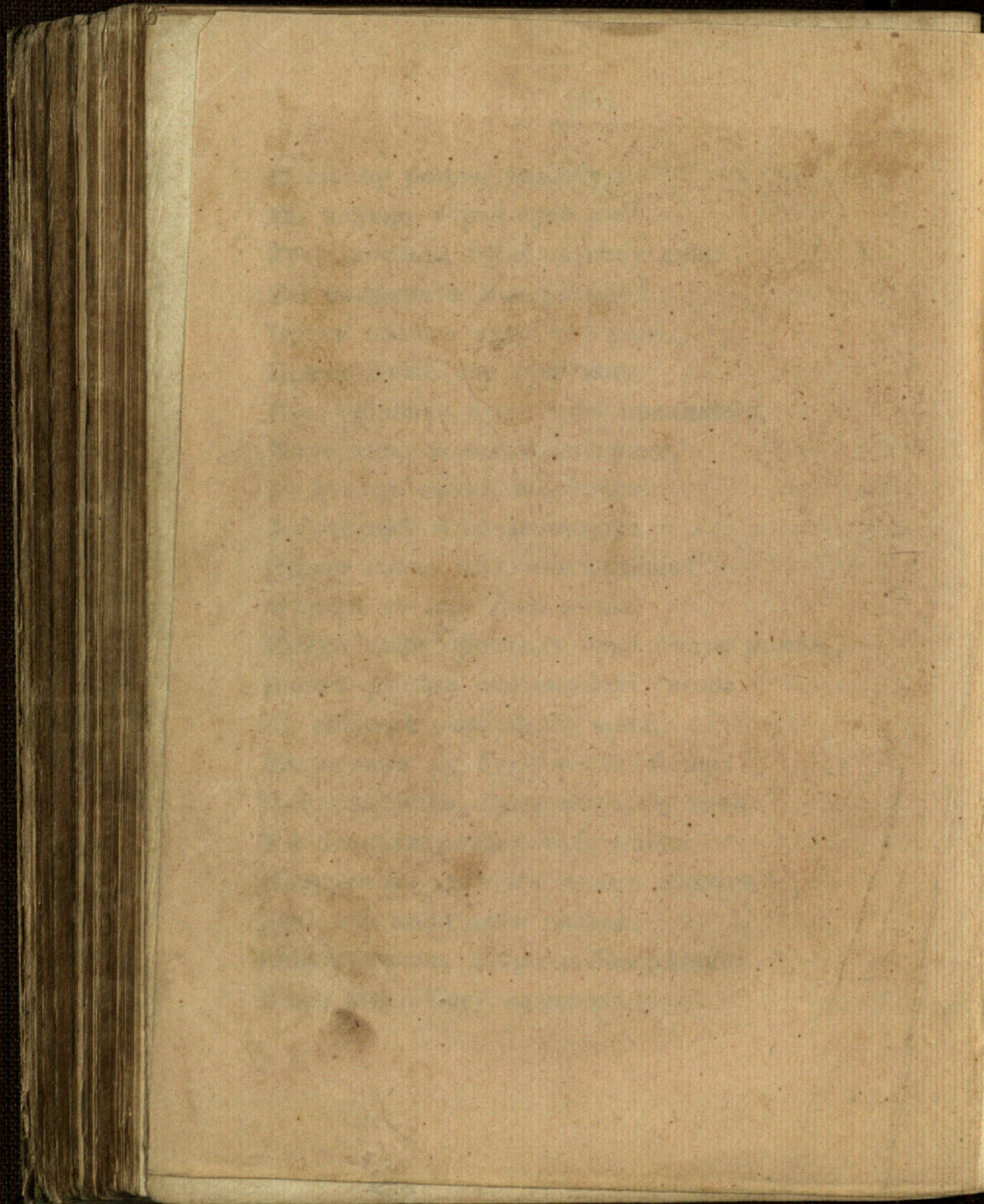
Те се створи женско срдце —
 Женско в срдце као море,
 К'о езеро женске груди:
 У дубльини радост и бооля,
 На дну востргъ к'о и туга
 Само пливачъ, кои на дно
 Сме спустити с' у дубльине,
 Тай единый мож' постићи
 Бисеръ на дну текъ да лежи. —
 Сладка е любовь и блажена,
 Узхићена, среће пуна,
 Кадъ у грудма женскимъ любовь
 Любовь враћа грудма нашимъ;
 Ал' и страшна е као море
 Любовь болна, уврећена,
 Кадъ на чисте любве зраке
 Мука, трпня навуче се,
 Люборевность кадъ отруе
 Женско срдце разцеплюе —
 Найдѣжніе кад осећа,
 Чувствомъ любве с' наслађуе,
 Јо! онда ако с' дигне
 Люборевность страсти бездна,

И узбуди волне грудій —
Ал' на златной любви воіки
Развіяю с' многе гране,
Среће людске што цветъ носе,
Што чараю животъ краткій,
У санове божествене:
Супружнице света любовь!
Осећаня свію круна
Што с' престола Богъ намъ посла!
Супружнице верна любовь!
Света свеза с' неба с'слата,
У нашъ животъ боготкана,
Да у чистой душахъ свези,
Што в сродно овде вѣнча. —
Па едина, любовь материна.
Само ова текъ в любовь права
Стѣнотврда, алемъ камень ясный!
Штогодъ срдце осећати уме,
Штогодъ человекъ чувствовати може,
Сваку тугу, свако узхищенѣ,
Све што нгда подъ небомъ на земли,
Недостиже тугомъ и блаженствомъ
Осећанѣ грудій материны.

Теже нема одъ бриге майкине,
Ни одъ сузе горчіє майкине,
Надъ колевкомъ кодъ детета плаче.
Грудъ матере, сузе материне
Дое чедо у првой радости;
Суза майке, брига материна
У наручю детенце одлюля;
Сузе майке, рука материна,
Води чедо, кадъ ногомъ поступа;
У сузама, у крилу матере
Ту є чедо растло, нарастило,
Сузе майке, майке уздисан
Сами сву ноћъ надъ дететомъ бдію;
Туга майке, материна бооля
Сама седи кодъ чеда болества;
На десницу тежко насловѣна
Безъ сна дугу тужну ноћъ преседи
Кодъ болнога чеда іой главице,
Сагиба се болногъ чеду лицу,
Зной му брише, духъ му прислушкуе
Образчићу образъ прилюблюе,
Да жаръ с' нѣга у себе увлачи,

И тіо му боолю разлађує,
На колени горке сузе ліє,
Руке склапля, горе къ небу диже :
Ты блажена о Богородице!
Прими изливъ туге материне,
Прими Боже ове сузе мое,
Изъ дубльине душе што проливамъ,
Милостиво молитве ми прими,
За дитинъ прими мое гласе,
За спасенъ мога детенцета,
Прими плачъ мой, мое риданіє!
Молити се оно само незна,
Предъ твой престолъ само стати неможъ,
Юштъ ручице оно склопитъ незна
За спасенъ само да те моли,
Милостивъ му буди великъ Боже!
Погледъ бацы, пунъ милости твое,
Ты поврати сладко чедо майки,
Поврати ми дете и с нѣимъ животъ!
Дете мое мало дете сладко,
Юштъ невино, добро и безгрѣшно;
Божя Мати Богу животдавцу

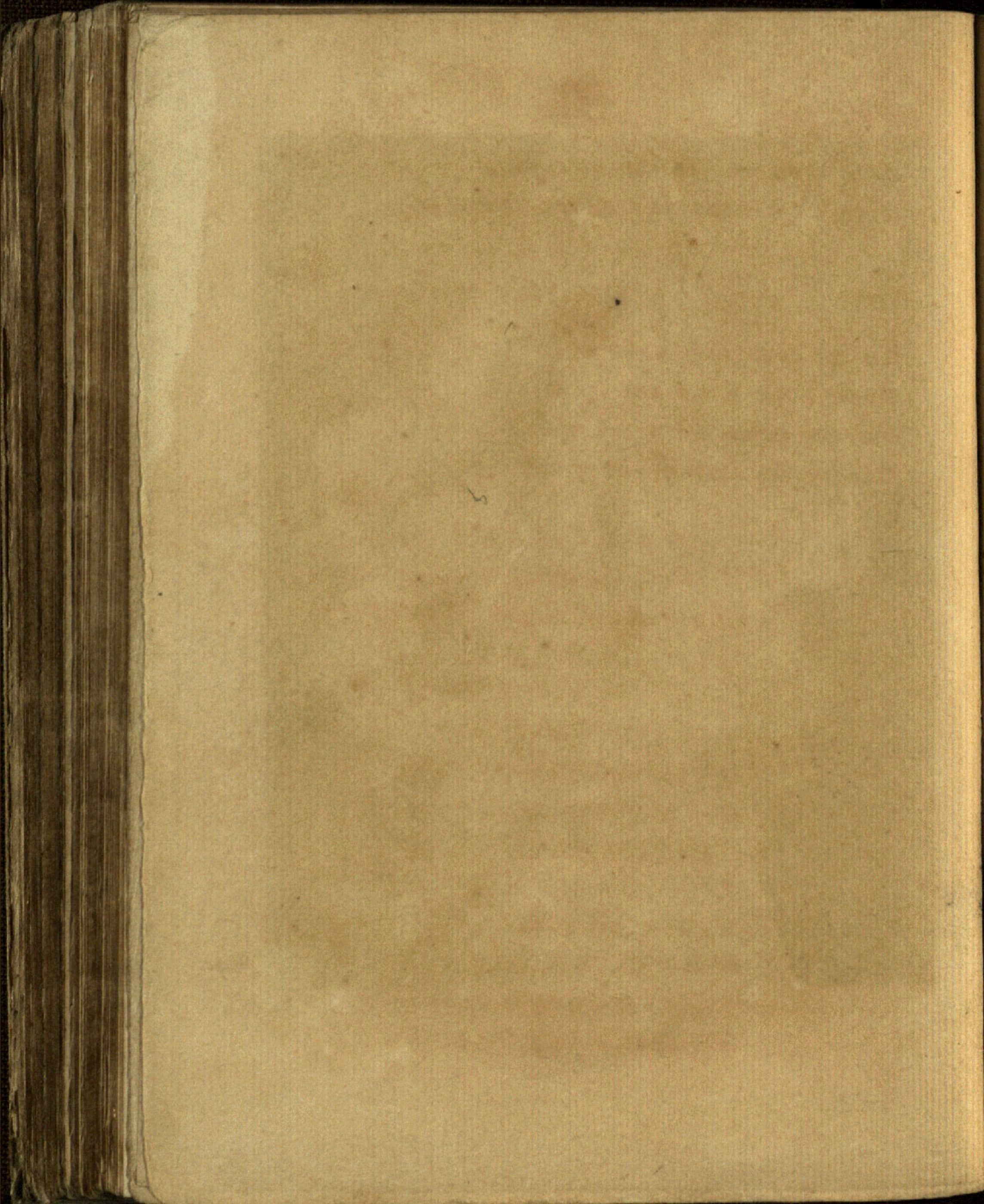

1775. 2. 1. 1. 1.

Stehle v. A. Bogner in Wien.

Mamma.

Ахъ моли се, Ты богородице,
Што с' и сама за сыномъ цвила.

* * *

Та ни само оно небо нема
Тамо горе међу анђелима,
Ништа веће, нити виспреніе
Одъ єдине любве материне. —

ВРЛИНЕ СРБИНА.

Далеко е чувенъ, виђенъ,
Сынъ Србина правый,
Никадъ ніе іоштъ застыђенъ,
У рода му слави.

Целогъ свѣта труби труба,
Духъ Србинства сталанъ:
Србкinya е вѣрна люба,
Србинъ юнакъ хваланъ.

На Цетинъ, у Србин,
Србъ слободомъ блиста,
У Австріи и Венгрии,
Честь е србска чиста.

Искреностъ му грее крвцу,
На селу, у граду;
Проста любовъ бди у срцу,
При плугу и стаду.

И последню кору леба,
Са дружиномъ дѣли,
Ни блаженство самогъ неба,
Усамлѣнъ нежелли.

Туђе неће, свое дае,
То му е дивота,
Увреду ће да покае,
Еръ е дугъ срамота.

Тежко ономъ, кой му дира,
У вѣру и име,
Безъ мейдана неће мира,
Ма погин'о съ њиме.

Задовольство отачбине,
Огњиште му дае,
Море, брда и долине
Њгове су стае.

Веранъ є свом' господару,
 Завету и любви,
 За ту свою врлость стару,
 И самъ животъ губи.

За наградомъ слабо тежи —
 К'о што сами знате, —
 Єрь му савестъ срце теши,
 Дойћи ће данъ плате!

Аманетъ и честь имена,
 Поносъ є Србна:
 Кои се стыди тій врлина,
 Не родіо сына!!!“

У Бечу. Борђе Кулянчићъ.

ТЕЖНЯ ЗА ОТАЧБИНОМЪ.

Ой Венгрію драга,
Круно земногъ блага,
Изванъ твога крила,
Судба ніє мила,
Жаръ живота студи,
Желя мре у груди.

Круно земногъ блага,
Ой Венгрію драга!

Отачбино моя,
Нѣдра су текъ твоя:
Где іоштъ струи радость,
И покоя сладость,
Сузу рони жалость,
И тежи участностъ —

Нѣдра су текъ твоя,
Отачбино моя.

Нейма постойбине,
 На броду светине:
 Зора мутно плави,
 Сунце данъ не крави,
 Месець тавно сяе,
 Пріятель се кае —
     На броду светине,
     Нейма постойбине.

Ніє задовольства
 Измеђъ туђеродства:
 Где іоштъ любовъ сія,
 Ту и срећа клія;
 Где м' є свако „слуга!“
 Неймашъ вѣрногъ друга. —
     Измеђ' туђеродства
     Ніє задовольства.

Нит' є земля туђа,
 Икадъ права кућа:
 Домъ текъ отчевине,
 И любовъ свойштине,

Радость жалость дѣли,
Што мысли, то жели. —
Нит' е права кућа
Икадъ земля тућа.

О да м' и гробъ своди,
Где ме майка роди:
Срце Бога моли,
Што за тобомъ боли —
Отачбино мила,
У сенки твогъ крыла,
Где ме майка роди,
Нек' ме и гробъ своди!!!

У Бечу.

Борђе Кулянчићъ.

С У З А.

Живота намъ свако празднованѣ ,
Задовольства кано и жалости ,
Прати жаркость сузне свечаности ,
Кою грее недара гибанѣ .

У сузи су драгости анђелске ,
Утѣхи и жельи земногъ стана ,
Ерѣ к'о блага роса майскогъ дана ,
Носи суза благости небеске .

При разстанку єдножельны лица ,
Суза блажи уздихъ тугованѣ ,
А у часу новогъ састаяня ,
Опетъ она явля радость срца .

Невиности сузомъ изражава
 Мома драгомъ стыдъ любовногъ жара,
 У сузи предъ светынѣомъ олтара,
 Вѣчну вѣрность и стомъ завештава.

Изъ тамности майчине утробе,
 Чедо сузомъ белый свѣтъ поздравля,
 У сузи се одъ нѣга разставля,
 Гласъ кадъ зовне смртоносне трубе.

Суза дакле и радости слади,
 Задовольства сунце кадъ намъ сяе,
 Суза опеть и жалости кае,
 Коє люю тужногъ срца яди. —

У Бечу. Борђе Кулянчићъ.

СПОМЕНЪ МЛАДОСТИ.

Руменило кадъ сунца заода,
Спусти зраке са небесногъ свода,
И разсветли землю наоколо,
Да разрачи момке и дѣвойке,
Милогласно гди свираю двойке,
Да пѣваю и играю коло.

Тадъ и мени буду груди тесне,
Кадъ се сѣтимъ могъ живота весне
И радости дѣтинске младости,
Како самъ се здраво и весело,
Окретао у колу крозъ село,
С' дѣвойкама природне благости.

А сада ми совршена зора,
Каже сунце на средъ синѣъ мора,
За коимъ већъ заоднице нема,
Него само оно пристаниште,
Гди се разлогъ одъ свакога иште,
Кой смерть или безсмертіе спрема.

Ник. Бороевићъ.

ДЕВЕТЪ ПОСОБАЦА.

(Народна песма.)

Роди майка деветъ пособаца,
Родила їй одранила їй,
Са преслице и са десне руке,
Све редомъ їй поженила майка,
Наймлађій іой сынакъ говорио :
„Ты старыце наша стара майко !
Илъ умири илъ у гору иди !
Не можемо госта дочекати,
Одъ старости твоє стара майко !“
То є майки врло жао было.
Узе штапићъ у десницу руку,
И отиде у горицу чарну.
Не бы ли ю гдигодъ нашли вуцы
Оли вуцы, ол' какви айдуцы :

Сусрета е отаць Николае,
 Па говори отаць Николае:
 „Ку’ћешъ амо сыромашка майко!“
 „Ни самъ ядна сыромашка майка,
 Већъ самъ майка одъ деветъ сынова:
 Родила самъ деветъ пособаца,
 Родила самъ и одранила самъ,
 Са преслице и са десне руке.
 Све самъ редомъ поженила младе,
 Наймлађий ми сынакъ говорио:
 „„Ой старице наша стара майко;““
 Ил’ умири ил’ у гору иди.
 Неможемо госта дочекати
 Одъ старости твоје стара майко.
 То е мени врло жао было,
 Узе штапићъ у десницу руку,
 Па я пођо у горицу чарну,
 Не бы ли ме гдигодъ нашли вуцы,
 Или вуцы ил’ какви айдуцы.
 Ал’ говори отаць Николае:
 „Вратъ се натрагъ остарила майко.
 Што с’ имала до деветъ сынова,
 Створило се деветъ каменова,

Што е было до деветъ снанца,
Створило се деветъ лютій гуя;
Што е было унукъ првогъ сына,
Створио се пребелимъ голубомъ,
Па онъ лети одъ еле до еле,
Па онъ тражи свою стару, майку
Да те рани и да те сарани.

КАПЕТАНОВИЦА ТЪШИ МИЛАШИ-
НОВИЦУ.

(Народна песма.)

Милашинъ се на войску опрема,
Трудну любу у двору оставля,
Па беседы своіой верной любви,
„Пази рѣчи моя верва любо!
Я љу поѣи на Цареву войску,
Я љу поѣи Богъ зна оѣул' доѣи.
Ако нама Богъ и среѣа даде,
Те ты родишъ мушко чедо главу,
Надени му име Милашине;
Нек' немние споменъ одъ юнака,
Одъ юнака Милашина Бана.“
Па овъ оде на Цареву войску.
Том' непроѣе ни година дана,
Ни година, ни пола године,
Али роди Милашиновица

Она роди мушко чедо главу,
 И наде му име Милашине.
 Она иде на горнѣ чардаке,
 Па погледа низъ Дунавъ низъ воду,
 Али плови танка шайка лађа,
 Шайку гледа Милашиновица
 Шайку гледа у себи говори:
 „Боже мый и Богородице!
 Чія шайка, ко ли у нъой плови?
 Да е знати, гди ће шайка стати?!“
 Шайка плови ка біелой кули,
 Бѣлой кули Милашина Бана,
 Подъ куломъ се застави шайка.
 Изиђоше изъ лађе шайкаши,
 Па дозивлю Милашиновицу:
 „Изиђ’ предъ дворъ Милашиновице!
 Ево теби твога Милашина,
 И брезъ главе, и брезъ десне руке.“
 Ал’ изађе Милашиновица,
 Одъ жалости на тврдъ каменъ паде,
 Она паде пакъ се обнезнани.,
 К’ нъой припаде Капетановица,
 Па е раз’бра, и тѣши е младу:

„Богъ ми съ тобомъ Милашиновице !

Ты не лудуй и негуби себе. —

Богъ е дао, а Богъ е узео.

За крстъ частный и за домовину

Найслађе е гинут' и погивут'.

Можешъ знати и паметовати

Кадъ су турцы Београдъ отели ;

Онда су ми тры донели главе :

Прва глава мога капетана,

Друга глава брата генерала,

Трећа глава сына обрштера,

Незнамъ тужна одъ жалости тежке,

Кою б' главу пре сузам' измила,

Сузамъ мила и оплакивала.

СУБЕНИЦА.

Новелла. По народной сказки написао Др.

І. Субботићъ.

І. Два пустиньика.

Было е предъ вече. Грозна олуя бѣснила е по Балкану, развальивала е стогодишнѣ растове, пребіяла витке гибке еле, цепала пре-гдно груменѣ камня, кое е о стѣнама, претећи главама пролазећи животиня, као прилепљѣно висгло, и бацала е ово у бездане рекао бы проваліе, да е удараюћи о каменѣ, кое му е на путу стояло, стострукій одзивъ, као кршећу се грмљавину узрочило. Киша е плюштила, рекао бы, цѣло се небо у рѣку претворило; а ветаръ е крозъ теснине кланаца и пукотине стѣна звиждао, да е еза човека

пролазила, кои га е чуо. Ние было другчје, него као да се починѣ страшный судъ.

Близу страховитогъ свакой, коя крозъ нѣга мора, войсци, просека Скворника, овы Бугарски Термопила, кои имѣ е Балканъ на потребу и обрану заедно, као граду врата, отворио, — на врху каменны зидина, које у небо дижући се просекъ овай са обадве стране ограђую, и управо рећи праве га, бѣснила е непогода горе, чини ми се, него игди на другомъ мѣсту узбунѣне горе. — Ту е у каменитой стѣни природа толику яму изшупљила, да су се два човека одъ падаюће кише заклонити могла, ма да имѣ е исту ветаръ башъ и у лице носіо. У овай е паръ бѣснећа олуя са свѣ страна кишу савіяла, и садъ одъ ове пештерце одбацала, садъ у ню убацала. По овоме дуваню ветра управляла су се два човека, кои су у то време пештерциу дѣлили: као грана дрвета, кадъ ветаръ на нѣи навали, а оне се повуку, а кадъ іѣ ветаръ остави, а оне се на прво мѣсто поврате; тако ова два човека, кадъ ветаръ съ кишомъ къ пештери окрене, а они

се повлачише у дубльину свога заклона, а кадъ ветаръ кишу одъ пештере одбіє, а они онай часъ обоица на врата исте стану.

Два ова човека были су, као што имъ е одъло показивало, два пустињика. Оба двоица имали су суру дугачку одъ вуне хальину, која њ њ е одъ врата до пете увіяла, и око пояса подебеломъ врпцомъ припасана была; на ногама видели су имъ се опанцы, кои су босе ноге слабо противъ трња и оштрогъ каменя бранили; у руци су имали обоица великъ, чворовитъ глоговъ штапъ, кои е доле заоштрень бую, да га могу у пукотине стѣна забости, и тако се у пеняню њ њ имъ помоћи, а горе имао е кваку, која имъ е по свој прилици ту всту службу чинила, гди е стога донела, да е више помоћи могло выше главе за што запети, него ниже ногу о што одапрети. У томъ су се едномъ разликовали, што е еданъ на глави велику црну шубару, до очію натучену, имао, а другій са широкимъ ободомъ одъ лике сашивеный пещиръ.

Єданъ є одъ нѣи быо вышій у стасу, другій ячи у тѣлу; кодъ онога су лакша гибаня показивала, да є млађій, кодъ овога немирно презанѣ, да є живостніи.

Кадъ су се у пештерицу дублѣ повући морали, или кадъ су на врата исте излазили, згодило се, да су се чешће мало пояче лактомъ у ребра поздравили; у томъ случаю млађій се пустиньикъ на страну повлачио, а старіи нѣшто као псовку крозъ зубе мумлао.

Садъ су башъ обоица на врати одъ пештере стояли. Ветаръ имъ є дуже времена мира дао, те су могли подуго єданъ на єданъ, а другій на другій зидъ наслонѣнѣ гледати, како непогода бѣсни. Мунѣ су сѣвале на све стране, и грмљавина нїє престаяла бруяти по сїаюћемъ се небу: нѣи двоица на ту хуку буку већъ научени, нису ни на умъ узимали, да у воздуху шеве непѣваю; грмило є, и пуцало є, а они су гледали мирно, као при седаюћемъ сунцу, кадъ се са најведригъ неба спушта. На єданпутъ сѣвне и пукне, да се гора затресе: громъ удари у єдну одъ нѣи на 20

корака одстоећу стѣну, која се на хиляду комадића разпрсне: млађий пустиньикъ тргне е и поскочи у нутра далѣ: а старіегъ, као да исполинска каква рука зграби, заошія, и на млађегъ му друга дублѣ у пештеру бацн, тако га є овај ударъ съ неба потресао, и баціо. Онъ се навали на млађегъ пустиньика, а овај по свой прилици ненаученъ, што нів нѣгово, кодъ себе држати, тури падаюћегъ на себе бѣде участника, да овај мал' што ніє носомъ на полѣ изъ пештере лупіо. Но заустави се; промумла нѣшто крозъ бркъ, па брже руку у широка нѣдра тури, великій еданъ ножъ из-тргне, и на друга замане. Овај се плашљиво натрагъ повуче: а онај у онај паръ, у кои ножъ у прси да му сюри, тргне руку натрагъ, клекне на колена, спусти сакрушено главу, и погрузи се у ђутанѣ. Подуго є тако на колѣни быо, пакъ онда се полагаано дигне, изиђе изъ пештере на полѣ, завити и бацы далеко у провалию єдну онај ножъ, коимъ часъ пре мал' да ніє пробоо млађегъ друга свога. На ово се повуче до стражиѣгъ зида пештере, чучне на

землю, увіє се тешнѣ у свою коснату одѣбу, набіє шубару веѣма на очи, и остане тако дуго, и немакнувши се, на мѣсту.

Млаѣій пустиньикъ такимъ особитымъ начиномъ у опасность смрти доведенъ, и изъ нсте избавлѣнъ, стане на врата пещтере на супротъ старієму, и ніє скидао ока съ нѣга, боѣи се, да га опетъ изненада ненападне. Мртва тишина владала в око нѣи, само што се чуло бієнѣ кише о стѣне, и кадъ и кадъ прозвиждао є вѣтаръ крозь камене теснаце. Садъ зазвони звоно црквице, коя є на нѣко-лико стотина корака одъ пещтере стояла. Како првый гласъ звона до ушію пустиньика у пещтери доѣе, стресе се онай старіи, и ско-чи на ноге, пакъ онда наѣданпутъ продере се, ако равѣный бикъ, нагне на врата пещтере, прохун поредъ млаѣегъ на врати стоѣегъ друга, и стане, као да га люти звѣрови гоне, бѣгати по киши и олуи крозь узбунѣну наравь.

Млаѣемъ пустиньику жао буде, еръ є ви-діо, да му старієга друга болестъ мучи, прем-да ніє знао, ели то рука нарави или зубъ савѣ-

сти. Боѣни се дакле, да му се шта нестане, остави и онъ заклаваюћу пештеру, и пусти се хитрымъ коракомъ за онымъ. Као брзонога срна бѣгао е старіи пустиньикъ, као вѣштъ ловацъ слѣдіо е млађій за нымъ изъ ока га непуштаюћи. На найвышемъ врху десне стѣне просека заустави се онай. Садъ сѣвне муня, коя своимъ сторащлястымъ вѣюганѣмъ за нѣколко секунда предѣлъ осія. Грозно е было погледати на старіегъ пустиньика. Онъ е стояо на врху стѣне, као борацъ, комъ се са сваке стране страшни неприятельи приближую; десну ногу савіо е было напредъ и на ню цѣлу тежину тѣла наслоніо, а леву е у натрагъ опружіо, готовъ свакій часъ нбомъ на ону страну корачити, куда првый ударацъ управити има. Левомъ рукомъ заклоніо е было лице до очію, као да има ударацъ глави претећій одбити, а десномъ е замануо было, па тако стояо, као да само мало ближе противника чека, па да га смлави. У той му е руцы была чворновита глоговача, коя му се при севаню мунѣ као змія усправлѣна у руцы учинила. Шубара

му е у трчаню съ главе спала была, и дугачка разбарушена коса скрожѣу мокра спуштала му се у млазови преко рамена и образа; а како съ нѣ тако и са хальвина лила се вода, као кадъ бы га ко ведромъ поливао. Тако е стаяо онъ, кадъ е муња сѣвнула, и нѣга осіяла. Млађий пустиньикъ тргне се натрагъ, кадъ га спази, так му се нѣшто при томъ виђеню згрозило.

Садъ е бую само петъ корака одъ друга, кадъ овај громогласно повиче: „Стани! не иди ми ближе, слико изъ пакла!“

Млађий пустиньикъ помисли, да се ове рѣчи нѣга тичу и стане; али се у мысли преварио, ерѣ онај се на нѣга ни освртао нив, него укоченымъ погледомъ унапредъ гледећи, настави: „Иди изпредъ мене! Шта ћешъ одъ мене! Иди краљу, нека ти онъ залечи ту грдну рану! Онъ е кривъ; до нѣга е стояло!“

Садъ окрене главу на десно, стресе се, зашкрипи зубма, па повиче: „Зарѣ си и ты ту Здравко? А гди ти е море глава? Гле држишъ е у руцы! — Иди одъ мене — иди одъ мене — иди одъ мене!“ На ове рѣчи заопуца ударати

глоговачомъ на ону страну, и то тако нагло и често, као кадъ се човекъ одъ каквогъ неприятеля брани, кои ће му, ако му се само секундъ єданъ времена даде, главе доћи. При томъ е савъ као пруть дрктао. Међутимъ докъ е тако млатао, дрекао е: „Проклета слико! Заръ ти ни ово доста нїе! Али садъ ћешъ се прућити, да неустапешъ! — Па ни садъ іоштъ непадашъ? — На, ово ће ти сигурно бити доста! — Ни то ти ништа неможе! —“ На ово му стану зуби ударати о зубе, онъ баци глоговачу одъ себе, повиче: „Кадъ я теби немогу ништа, чини ты одъ мене, што ти драго!“ и окрене главу на другу страну. Съ склопљенымъ очима чекао е, да га тай страховитый неприятель спопадне. — Тако е за нѣколико тренутака ћутіо, пакъ онда отвори очи, дрекне, поскочи натрагъ, и обе руке пружи предъ себе као бранећи се, и закланяюћи се одъ неудобногъ виђеня каквогъ. „И ты си ту кнеже са смрвљенымъ ногама и рукама? кои те е врагъ донео, кадъ се ни макнути неможешъ смѣста! Торнай се одатле, како си дошао: я нећу да

те видимъ; нећу, нећу, нећу!“ На ове рѣчи окрене главу на четврту страну, на којој е млађій пустиньикъ стаяо, и у тай паръ повиче: „А шта ћешъ ты одъ мене, Тихомилю?“ —

„Да те сачувамъ, да неучинишъ себи какву несрећу“ одговори млађій пустиньикъ. „Да ме сачувашъ, да неучинимъ себи какву несрећу!“ проговори онај другій, грозно смѣюћи се! „А ко те е зато молио?“ настави онъ далѣ, и у гласу му се најлюћа ярость могла примѣтити; ко те е зато молио, изроде проклетый? И ты ћешъ мене сачувати! Ты, ты, ты, са томъ одбіеномъ вилицомъ, и избієнымъ очима, и разбієномъ главомъ, и пробієнымъ прсима, и высећомъ на полѣ джигѣрицомъ, и вукућимъ се за тобомъ цревима — ты ћешъ мене да сачувашъ! Али, оди, да ти захвалимъ за ту любовь! „На ово ступи два корака напредъ, и као да што рукама одкине, пакъ повиче: „Ха, ево, садъ самъ ти изчупао срдце!“ опетъ стане, као да на што ногама ставе, па повиче: „Ха, ево самъ ти стао на утробу! — То нека ти буде

хвала, изроде паклений. Па чекай само, да извадимъ ножъ, да ти одсечемъ главу, да те исечемъ на хиляду и хиляду комада! Съ тебе е све, — чекай.“ — На ове рѣчи ставе по нѣдры рукомъ грабити, као да тражи што. Млађий се пустиньикъ заклони за едно на страни стоѣће дрво, и гледао е са ужасомъ ово грозе пуно позоріе. Онај пакъ ненашавши у нѣдри ножъ, повиче: „твоя срећа, немамъ кодъ себе ножа; али ћемо се јоштъ састати; нећу я теби остати дужанъ. Садъ иди, одкудъ си дошао. Нећешъ? Иди, я ти заповедамъ! Јоштъ се немичешъ? Вуци се одавде!“

За тымъ дигне руку и убрише зной съ чела, кон му е као грашакъ тамо стаяо. Кадъ се утре, дигне главу и као да е гледао гдн е, тако се на све стране окретао. Наеданпутъ се насмѣе, као што се онај смѣе, кон никакве надежде нема изъ страха и ужаса избавити се, пакъ повиче: „Или изъ землѣ растите, или васъ пакао блюе, или кишомъ падате, проклете слике! Ху! ко ће ин пре-

бронти, хиляде и хиляде! како ме гледе! како стое, ранѣни, кржави, осакаћени! ху! Идите авети испредъ мене; немучите ме паклени синови! — Све ѿ се више скупля, све се ближе къ мени привлаче? — како ѣу имъ се уклонити; куда могу избѣћи!“

На ово се стане на све стране, као да путъ испитуе, освртати. Кадъ на ону страну погледи, гди се просекъ отворао, застане, насмѣе се и повиче: „Ха, съ ове ѿ стране ѿштъ нема толико; овамо ѣу побѣћи! Еданъ добаръ скокъ, пакъ су ми сви за леђи!“, Ово говорећи приступи къ самомъ краю стѣне. Ужасно е было доле погледати. Дубљина ужаса пуна отворала се подъ ногама; у непогоди, која е бѣсна, нѣ ѿ се могло края видети; стѣна е была стрма тако, да се каменъ одвалѣвъ само на дну дубљине зауставити могао; изъ стѣне се овде онде издизало каменъ, кое е само на то служило, да падаюћий предметъ одбѣе, да съ то већомъ силомъ на ниже стовѣћий пупакъ груне, кои ѣе га на своя бодљив-

каста леђа дочекати, па са косо лежеће површности опетъ далѣ другомъ побратиму добацити, кои ће госту исту любовъ учинити. На краю те стрмени стао е старин пустиньикъ. Млађий другъ чуюћи, да овај о скоку говори, и боећи се да изванъ себе, као што е быо, у пропасть непадне, пође къ нѣму, да га у случаю, ако скочити узхтѣ, задржи. Но ніе ни два корака учиніо, кадъ онај повиче: „Тако, то ће добро быти! тако ћу се одъ овы паклены мучителя уклонити!“ Млађий пустиньикъ потрчи, да што брже къ нѣму дође; изъ стоеће на близу црквице зазун: „Уповање мое отецъ, прибѣжище мое сынъ, покровъ мой духъ святы“ — іоштъ е последній гласъ одъ ове последнѣ рѣчи зудо, само іоштъ е данъ коракъ да учини млађий пустиньикъ, па да старіегъ зѣ хальну ухвати: а овај се упре ногама у край стѣне, и полети у пропасть бездану. „Тронце святая, слава тебѣ,“ чуло се изъ црквице! — „Боже, буди му милостивъ;“ проговоріо е млађий пустиньикъ — „Ха, та и овамо ій е пуно!“ викао е падаю-

їій несреїникъ, докъ се ніє о првый испупченый камень ударіо, кои га далъ одбіє. У овай є паръ киша престала была падати, олуина се утишала, и само се одъ часа на часъ чуло, како падаюће тїло садъ о єданъ, садъ о другій камень прасне. Найпосле и то се ніє више чуло.

Млаїій пустиньикъ стояо є надъ пропащїу у мысли удублїнїъ, и тргне се, кадъ га сїдый свештеникъ, кои є съ вечерня ишао, по рамену удари. Онъ погледи на старца, пакъ му онда съ неизказаномъ больомъ у лицу їутеїи покаже рукою у провалїю.

Свештеникъ га ніє разумео, и запыта: „Шта є сынко, шта хоїешъ да ми кажешъ!“

„Єданъ є человекъ манї.“ одговори му пустиньикъ, „и ова га є провалїя прогутала!“

„Ко є то быо? какавъ є то несреїникъ? заръ му се ніє помоїи могло?“ запыта человекoлюбивый слуга цркве христове єдно за другимъ.

„Нїє!“ одговори пустиньикъ снужденъ; „я самъ истина похитїо, али самъ доцканъ до-

шао. Нѣгова несреѣа была е бржа, него моя нога!“

„А ко е? еси ли га познавао?“ запыта свештеникъ далѣ.

„Пустиньникъ онай, што е свакій данъ съ нама на молитви быо!“ одговори пустиньникъ.

„Онай!“ запыта свештеникъ удивлѣнъ.

„Онай истый!“ одговори му пустиньникъ.

„Тронце святая, слава тебѣ!“ рекне на то свештеникъ, приклони главу и дигне склоплѣне руке къ небу.

Пустиньникъ га е сматрао незнаюѣи, шта да мысли — свештеникъ е подуго тако сто-яо, пакъ онда приступи пустиньнику, узме га за руку и проговори му: „Заръ невидишъ сынко, да се наравъ наеданпутъ промѣнила? Еси ли чуо ону грмлявину, олюю и кишу — па гледай како се садъ наеданпутъ небо разведри, ено хоѣе сунце чисто за ону гору да се спусти; ево се на еданпутъ изъ ноѣи данъ створи. Седи на овай каменъ: хоѣу ти нѣ-

што преповѣдити, што ми се чини, да е са
овомъ промѣномъ нарави скопчано.

2. Несрећни Сватови.

„Пре две године дана — гле, чуда, башъ
е данасъ истый несрећный данъ, у кои се пре
две године то, што ћу да ти кажемъ, дого-
дило; пре две године дана догодила се у о-
вомъ просеку несрећа, надъ којомъ свакиъ по-
штенъ човекъ узданути мора.“ —

Млађий пустиньикъ погледи у просекъ
доле, уздане, и обори главу къ земљи.

Свештеникъ настави: „У нашегъ краля
Владислава — можда си и ты за ню чуо —
има дѣвойка, којой, као што кажу, — я је знашъ
видіо нисамъ, само самъ тако чуо — у лѣпоти
пра нигди нема. То му е была единица, —
мушке деце имао ніе, — и зато му е іоштъ
едаредъ тако мила была. Краљ Владиславъ
быо е са босанскимъ краљемъ Твртковићемъ
у завади и непријательству; и више су пута
еданъ другомъ о круни и глави радили. Али е-
данъ смиренный Игуманъ, кои се изъ Єрусали-

ма одъ светогъ гроба враћао, сврати се на-
 шемъ краљу, и стане му говорити, да даде
 кћерь свою за сына краля босанскогъ, да у-
 чине тако пріятелство, и да престану быти
 душмани, кадъ могу быти свои. Краль нашъ
 на то пристае; игуманъ Герасимъ, — тако
 се тай игуманъ звао, — оде у Босну къ
 свомъ краљу Твртковићу, — еръ е оиъ Бош-
 някъ родомъ быо, и стане опетъ нѣму гово-
 рити, да се са бугарскимъ кралѣмъ помири, и
 да учини съ нѣмѣ пріятельство, па да се не-
 тераю и негоне, кадъ се могу лѣпо помагати.
 И Босанскій краль послуша игумана, и пошлѣ
 таки свое люде, то испросе Ружицу, — тако
 се знашъ зове кћи нашега краля Владислава.
 Краль имъ дѣвойку обећа, они ню прстеную,
 уговоре сватове и врате се у Босну, одъ кудъ
 су и дошли.“

„У то време, кадъ су Бошняци кнегиню
 нашу прстеновали, ніе быо кодъ куће кнезъ
 Вукъ, кои се Стрмоглавацъ звао. Онъ е быо
 башъ у послу кралѣвомъ кодъ грчкога цара.
 Кадъ е дошао, па чуо, да су Босанци кнегиню

прстеновали, одговори краля, и подговори га, да Бошняцима кѣри ништо не да. Краль Владиславъ вѣга послуша, — морашъ знати, да краљ никогъ не тако слушао, као тога Вука, — и науми дѣвойку не дати. Говоре люди, да е Вукъ краля съ тимъ одговоріо, што му е рекао, да Бошняцы о злу раде; да ѣду съ великомъ силомъ у краљвину доћи, па съ дѣвойкомъ заедно и земљу узети. Да се увѣри краљ, пошлѣ човека у Босну, да пита пріятеља краля Босанскогъ, кадъ ће доћи, и са колико сватова, да имъ зна конаке наредити и преправити. Краль му Босанскій одговори, да ће онъ доћи са много хиљада избрани сватова, како се краљу, кои сватове шилѣ, и краљу, кои сватове прима, пристои. Кадъ то краљ Владиславъ чуе, а онъ се уплаши, и повѣруе, што му е Вукъ говоріо, да Бошняцы мисле занста на превару.“

„Али шта да се ради. Бошняци су се већъ были кренули, и до кои данъ ето ій у Бугарску. Онда краљ зажмури, и преда сву владу Вуку, да ради, шта хоће, и како за до-

бро нађе. Вукъ скупѣ брже болѣ войску, па е сакрїе на ове две стѣне просека Скворника; накупи сила божїя стрѣла и копаля; а особито великогъ каменя. Онде, гди е лакше было на нѣгове напасти, намести на выше каменѣ, а гди су нѣгови заклонѣни были, постави войнике са стрѣлама и копляма. Ако Бошняци у просекъ уђу, — неће ни еданѣ главе изнети.“

„У томѣ ето и Босански Сватова. — Боже милый! и садѣ ми срдце пуца, кадѣ помислимѣ, какви су то люди были, и како су прошли! — Они се у оной пространой долини предѣ овимѣ просекомѣ зауставе, и ту станѣ учине. Вукѣ е јоштѣ пре предѣ њи, како су на Бугарску землю ступили, путевође послао, међу којима самѣ и я быо. Кадѣ смо у ону долину дошли, дођу и други путевође одѣ Вука послани, кои су имали сватове крозѣ овај просекѣ провести. Бошняци, као да су несређу слутили, неповѣрую сасвимѣ Бугарскимѣ путевођама, него пошлю и нѣколико свои людїи, да теснацѣ прођу, и гласѣ

донесу, како е. Ови заиста оду и врате се съ веселимъ гласомъ, да е све у најболѣмъ реду. А тако и е било у онай паръ; ерѣ е Вукъ люде свое у онымъ шумама сакривене држао; па ий е текъ ноѣу на своя мѣста послао; а Бошняцы су имали сутра у ютру просекъ проћи. — Сутра данъ“ —

„Али пре него што кажемъ, како е да-лѣ было, морамъ ти мало рећи, какви су тѣ сватови были. Я самъ, знашъ, съ нѣма одъ Бугарске границе путовао, и имао самъ прилику све видѣти и познати. Само едногъ младоженю, кнеза Тихомиля нисамъ познао, зашто е онъ са нѣколико господе острагъ ишао, те се тако нисамъ съ нѣмъ састати могао.“

„Ту ти е било у тимъ сватовима много славне господе Босанске, а особито много млади дечака одъ првы куѣа у кралѣвини, кои су знашъ узъ овогъ кралѣвиѣа пошли, да му честь чине. Ниси се доста нагледати могао, каква е то сѣйна и богата кита била. Свакомъ е срдце у нѣдри заиграло, кадъ е на нѣн погледао. Сирота дѣца!“ — уздане старацъ мы-

слећи на то, што є слѣдовало — „а іоштѣ не-
срећни родители!“ Овдѣ поћути свештеникѣ,
пакѣ онда настави.

„Кадѣ сутра јутро свапе, дигну се свато-
ви и уђу у просекѣ. Бугари су сви на трбу
были попадали, пакѣ ій тако у высини ни єдно
око опазило ніє. Што су далѣ у просекѣ ула-
зили, то су веселин были, видећи, да се краю
приближую, и да се никаква несрећа непока-
зує. Али кадѣ већѣ сви у просеку буду, онда
наѣданпутѣ рогѣ зазун, и са свию страна по-
лете стрѣле, копля и каменѣ на бѣдне свато-
ве у просеку. Ни мы путевође нисмо ништа о
томѣ знали, те се тако и мы у несрећи нађе-
мо, и многи ту са Бошняцы заєдно погину.
Садѣ текѣ я видимѣ, да су они и мене, ста-
рогѣ слугу божіегѣ, само зато послали, да Бо-
шняке лакше преваре и обману. У ярости про-
кунемѣ онога, кои є узрокѣ те преваре и не-
среће, клекнемѣ и помолимѣ се Богу, да томѣ
недостойномѣ човеку мира ни покоя неда, ни у
дану, ни у ноћи, ни кодѣ куће, ни на полю,
ни на сну, ни на яви, и да другчіє несконча,

него самъ падаюћи узъ ове стѣне, узъ кое е смртоносно каменѣ на невинне люде бацати дао. Премда самъ и я Бугаринѣ быо, али самъ се самъ стидіо одъ тога дѣла мога народа, видіо самъ, да е то убійство, потайно, злорадо, безчовечно: можда ме е знашѣ іоштѣ и то већма разярило, што самъ видіо, да су и мени о глави ишли; еле я, као што ти реко, изъ дубльинне срца проклетиню изреко. И Богъ ме е послушао. — Но да ти кажемъ далѣ. У страху ономъ поћемъ управо опасности на сусретѣ. Одозго е летило каменѣ: горе самъ се я на стѣну пужао. И као што често бива, да човекъ оно нађе, што и нетражи, тако се и мени овде деси, те у стѣни на малу шупљиню наићемъ, и та ме одъ смрти избави. Преко мене летило е каменѣ, и разносило е, на сто комада разирштено, на толико глава смртъ: али е мене моя шупљина одъ свега закланяла, и тако ти се спасемъ. Добро самъ чуо виканѣ и јуканѣ, псовку и яростну претню размрвлѣны Бошняка; ова е све слабія и слабія бивала, и напоследку се сасвимъ претиша. Изъ тога,

и што е каменѣ выше мене престало летити, заключимъ, да е кланѣ свршено. Промолимъ главу, и кадъ е опетъ читаву натрагъ увучемъ, усудимъ се на полѣ измилити. То самъ могао слободно и безъ опасности учинити; ерѣ доле су лежали мртви Бошняци, а горе голе стѣне: Бугари су се после славне ове побѣде, као што таквимъ юнацыма и пристон, ћутећи и на вратъ на носъ у шуме повукли, да ий ко другий, кои имъ ниє помогао, невиди, те да се предъ нѣмъ постидити немораю. Сиђемъ се я доле: ха! — како да ти кажемъ, и шта да ти говоримъ! Убио Богъ онога, као што га е и убио, кои е том' узрокъ! — Размрвлѣни люди и конѣи, онай безъ главе, овай безъ руку и ногу, онай сасвимъ раздроблѣнъ — немогу ти изказати ту жалость, коя се у томъ жалостномъ просеку налазила. Благословимъ све, молећи за најсвети благословъ съ выше, и одемъ странпутицама у мое село, кое недалеко одавде лежи.“

„Можешъ мыслити жалость, коя се по свой земљи разпоstrла, кадъ се гласъ о овомъ

покору разнео. За чудо є, како се сви нису листомъ на нашу землю подигли, да се праведно освете за такву срамну и безчестну крвину. Но вальда ће то башъ узрокъ быти, што немаю поглавица, кои су овдѣ по већой части изгинули. И ко зна, шта ће іоштъ ова несрећна кралѣвина препатити морати, докъ данъ наплате осване.“

„Кадъ ово славно дѣло свршено буде, онда се кралю нашемъ очи отворе, и онъ види, шта є учиніо. Таки Вука лиши свію добара и све чести, и отера га одъ себе: али му то ништа непомогне. Онъ самъ себи нів могао сакрити, да є и онъ у толико кривъ, у колико Вукъ: та одъ нѣга є зависило, рећи, да nebude, пакъ заиста, ма да є и сто путій Вукъ хтѣо, было не бы. Зато га є савѣсть гризла, и онъ падне у креветъ у болестъ, коя га и данасъ мучи. Тугу кралѣву іоштъ є и то умножило, што га є добродѣтельна кѣн оставила, кадъ є чула, какво є беззаконно и безчовечно дѣло одъ нѣга учинѣно. Оплакуюћи прерану и прежалостну смртъ свога заручника,

отиде она у удалѣный одъ главне вароши свой дворъ, и у нѣму жалостне дане, као што говоре, проводи.“

„Вукъ пакъ Стрмоглавацъ, правый узрокъ ове несреће и срамоте, падне у проклетнию, кою самъ я у онай страшный часъ на главу виновника несреће одъ Бога молио. Одъ света проклетъ и презренъ, побѣгне у гору, и придружи се дивльимъ звѣровима; савѣсть га е гризла, као да га триста гуя за срце уеда, и онъ начне више бесномъ звѣру приличити, него човеку. Кадъ е човека видіо, стресао се свагда, као да е босомъ ногомъ на ледену отровну гую стао; по ноћи, по найгушћемъ мраку тумарао е безъ мира и одмора, преко брда и долина, преко дрвля и каменя, и узнемиривао е често миролюбиве пастире, кои по овимъ горама стада своя пасу, кадъ су ноћу по край ватре спавали. Кадкадъ су га видяли, гди у найвећой олуини и по найвећемъ плюску неспокойномъ ногомъ по краю провалія срля, и у хитромъ бѣганю нити га е падаюће са стѣна каменъ, нити удараюћій испредъ нѣга

громъ, нити хуктеій горскій потокъ задржати
могао: онъ е непреодољивомъ силомъ у на-
предъ гонѣнъ срляо у опасности, у коима бы
другій човекъ зацѣло погинуо; али нѣга е ра-
вно выша нѣка сила за друго што чувала, и
зато е увѣкъ истина издеранъ, изранѣнъ, из-
мученъ, и до смрти уморенъ кадкадъ равно без-
душномъ на землю падао, али се свагда къ
себи повраћао.“

„Краль Владиславъ, савѣшћу и болеза-
ньомъ мученъ, заповеди, да се овдѣ на мѣсту
грѣха црквица сагради, у којой ће се свакій
данъ за спасеніе душа убіены Бошняка, и од-
пуштенъ грѣха њины убійца Богу смирене
молитве шилати. На мене падне изборъ, да у
њой служимъ; можебыти знашъ съ тога, што
самъ се на близу овдѣ десіо; можебыти сбогъ
моє велике старости; а можда и сбогъ тога,
што самъ и я у оной погибельи быо, и што
ме е сила божія сахранила.“

„Текъ што самъ почео у црквицы оной
Богу служити и молити се, дође ми младъ е-
данъ пустиньикъ, и тай ме е вѣрно свакій данъ

и у свако доба у молитви помагао : а тай си ты. Пре два месеца пакъ дођемъ я едно вече изъ мое ћеліе , и седнемъ предъ цркву чекаюћи , да часъ молитве приспѣ. У мысли задублѣнъ нисамъ ни осетіо , да є єданъ човекъ къ мени приступіо. И дуго бы тако, ни на умъ не узимаюћи га, седіо, да онъ непроговори. Крупнымъ, неугоднымъ гласомъ назове ми : „Добаръ вечеръ, старче!“

Я га погледимъ, и поплашимъ се. Више дивлѣмъ звѣру него човеку подобно створенѣ людско стояло є предамномъ. Я поћутимъ мало, пакъ онда му благимъ, кроткимъ гласомъ одговоримъ : „Богъ те благословіо! Христіянинне!“

На ове мое рѣчи исправи се онъ, погледи ме попреко, пакъ ме запыта : „Познаєшъ ли ты мене, отче!“

Я му опетъ благимъ гласомъ одговоримъ : „Я те непознаемъ; али мыслимъ да си онай, кон у несрећи нигди равна нема. Ты си Стрмоглавацъ Вукъ!“

Онъ поскочи еданъ коракъ натрагъ, изпупчи прси, и као да се каквомъ нападаню нада, затегне се, па проговори: „Я самъ тай! Но шта стоишь? убій ме! краль Владиславъ да-ће ти толико злата, колико е моя глава тежка, само да му е однесешъ. Но! хоћешъ ли еданпуть; зови твоє люде, и прокушай срећу: али то ти кажемъ, да ћу ти пре, него што ме дирнете, ту твою седу главу смрскати.“

Я му опетъ тихо одговоримъ: „Несрећный човече! И іоштъ мыслишь на смрскаванъ глава людски! Окани се тій мыслий; обрати се твою Богу, и моли га, нека те незаборави; нека те накаже строго и праведно, али нека те незаборави. — А я нисамъ овде, да грешнике хватамъ и земскомъ суди даемъ, него е мой посао, за нья Богу молити се, да се смилуе на ньи, да имъ даде прилику и време покайти се, и своие Богу повратити се. И зато ти и опетъ кажемъ: „Миръ съ тобомъ, Стрмоглавче Вуче!“

Кадъ самъ говорити престао, приступи ми онъ ближе, и оштрымъ погледомъ у очи

ми гледи, запита ме: „И ты ме занста не-
проклинишь? Ты ми нежелишь, да ме рука
божія на дно пакла бацы?“

Мени се разжали на ово нѣгово питанѣ.
Суза ми удари у очи, я погледимъ на небо и
рекнемъ торжественымъ гласомъ: „Боже ми-
лостивый, погледай на овогъ грѣшника, суди
му по слабости людской, а помилуй по мило-
сти твоіой безграничной!“

Сила мога гласа тако га е дирнула, да е
нехотице найпре главу преклонію, после се
къ земли пригнуо, а найпосле на колѣна пао.
У говору моме дигао самъ быо руке горе; и
спуштаюћи ій метнуо самъ ій случайно на гла-
ву несреѣника. Узети ій натрагъ нисамъ хтѣо,
да га неозлобимъ и тако раѣаюће се каянѣ не-
угушимъ; оставимъ ій дакле нѣко време на
нѣговой глави, и я мыслимъ, да бы онъ до
сутра тако клечао и главу преклонѣну држао,
да му я нисамъ руке съ главе дигао, на кое
се онъ брзо дигне, мене за руке зграби, и сто-
тиву топлы полюбаца на нѣи проспе.

„Богъ нека ти плати“; говорио є међу-
 тымъ, докъ ми є руке любіо, „Богъ нека ти
 награди, што си ты мени садъ учиніо. О Бо-
 же, како ми є добро садъ; како ми є лако,
 кадъ помыслимъ, да си ты милостивъ, као ни
 єданъ човекъ, да си благъ, као ни єданъ сынъ
 человеческій. Па кадъ се овај човекъ на мене
 смиловао, кадъ ме онъ непроклинъ, него жа-
 ли: и ты, господи, нећешъ пустити, да твое
 створенъ навѣкъ пропадне; ты ћешъ казнити,
 али нећешъ упропастити!“

Садъ зазвони звоно на вечернѣ, и я по-
 ведемъ и нѣга унутра. Съ тежкомъ мукомъ при-
 нудимъ га, да у цркву уђе: тако се страшио
 на оно мѣсто стићи, кое є имену Бога выш-
 нѣга посвећено. Но и опетъ га уведемъ, и ту
 кодъ врата на колѣни престаю є онъ цѣло
 вечернѣ са сакрушенымъ срцемъ и дрктаюћимъ
 тѣломъ. — И ту си га и ты првый путъ видіо.

После вечерня покаже се несрећникъ, као
 да нїе онај, кои є пређе быо; мѣсто звѣра
 появи се човекъ, мѣсто однадника покаяникъ.

Одъ то доба долазіо є съ тобомъ заедно

свакій данъ овамо на молитву; и я самъ се здраво зачудіо, кадъ данасъ ни єдногъ одъ васъ у цркви нисамъ видіо.“

Пустиньикъ му изговори, како є пошао быо у цркву, и како га є непогода приморала, да се у пештери заклони; како є тамо после и другъ му дошао; шта є съ нѣмъ далѣ было, и како є страшно скончао!“

Свештеникъ се побожно прекрсти, и молитву за душу несрећника чита, пакъ онда проговори: „Была є тако воля божія! Са овогъ є мѣста гледао несрећникъ, како нѣгови люди каменѣ на Бошняке бацаю: са овогъ є мѣста и нѣга правосудна рука божія у пропасть бацила. Овдѣ є очевидно самъ Богъ судъ држао! Ено какво є было време, докъ се несрећникъ мучіо, — ево какво ведро, весело, тихо вече настаде, кадъ онъ сврши! Боже помилуй, Боже помилуй, Боже помилуй грѣшника!“

После овогъ разговора љутећи спусте се доле у просекъ, и нађу тѣло несрећногъ Вука у најжалостнѣмъ станю.

„Боже! теби хвала!“ повиче смиреный свештеникъ, кадъ то види. „Кадъ си овако грѣшно тѣло наказао, то ћешъ души милостивѣи быти!“

На ово набацаю на мртво тѣло каменя, читаю погребне молитве, и оду натрагъ горе на планину.

3. Н е п о з н а т а.

Одъ овогъ е дана старый свештеникъ понайвише само едногъ богомольца у својој црквицы имао. И други су люди изъ оближњи мѣста почешѣ къ нѣму на службу долазили; кадкадъ му се и по коя смирена душа изъ далека приявила; али быо ко другій нл' небыо, еданъ му нѣ гивуо, а тай е быо онай млађий пустиньикъ. Онъ е, рекао бы, после грозногъ оногъ догођаяіоштъ съ већомъ побожношћу у цркву долазіо, съ већомъ се сакрушеношћу предъ лице невиђенога Преблаготога и Престрашнога на колѣна спуштао, и у молитви, тако рећи, изумирао.

Старый га е свештеникъ тако облюбю , као да га е родю , походю га е чешће у нѣговой пештери , и проводю е съ нымъ време у разговору о судбини човека , о путовима промисла , о награди и каштиги за добра и зла дѣла.

Пустиньикъ е у одной пештери обитавао . Нико ніе знао , одкуда е дошао а іоштъ манѣ , ко е и шта е . На лицу¹ , у очима могло му се видити , да му никакво зло дѣло на души нележи , и опетъ е проводю животъ , као да има богзна какво беззаконіе одкаяти . Танко прострта маховина служила му е за постелю , а истомъ се покривао , кадъ га е зима принудила топліе покривало потражити . Подъ главомъ е имао каменъ опетъ маховиномъ мало застртъ ; а до тога камена стояо е другій , кои му е за сѣденѣ служю . Спрофу истока висю е на зиду дрвенъ чворновитъ крстъ , предъ коимъ е сваку поноћ на колѣни у молитви проводю , одъ чега су у земли две подубоке рупе издублѣне были . Другогъ ничега у томъ дому кажня было ніе . Ништа ніе

бо, осимъ воћа и кореня, а піо є само чисте
 воде, и то увѣкъ изъ руке, никакавъ судъ не-
 хотећи употребити. Преко дана најглавнии му
 є посао быо у црквици Богу се молити, и ко
 га є видіо, кадъ є онъ ту у молитви погру-
 женъ клечао, како є граорасте свое очи къ не-
 бу дигао, и къ земљи спуштао, како му се лице
 чисто преображавало, тай є признао, да є текъ
 онда сазнао, шта значи молитва! Кадъ су га
 люди изъ околине познали, доносили му сва-
 шта за єло, али онъ ништа приміо ніе, єръ му
 ништа требало ніе; исто тако нипошто га
 старый свештеникъ ніе приволети могао, да
 ма само єдну ноћъ кодъ нѣга подъ кровомъ
 проведе, или да съ нѣмъ мршавъ нѣговъ ру-
 чакъ подѣли. Ту є живіо онъ већъ преко две
 године, и свима є, као првый данъ, непознатъ
 остао, само што имъ страннъ ніе быо више,
 него є своіомъ тихошћу, благошћу, и смире-
 ніемъ своію срдца придобіо, и своію пріятелѣмъ
 постао.

После грозногъ оногъ случая, кои смо
 у почетку ове повѣсти описали, прошло є

лѣто, и прошла є зима, и настало є любко пролеће. Єдно вече оде пустиньнкъ у цркву, и нађе ту свога старогъ пріятеля, али не самогъ. Женско єдно лице, све у црно руво увієно, клечало є предъ олтаромъ, и молило се Богу. Густа црна копрена (покривало лица) спуштала се съ главе, за косу задевена, доле узъ плећа, и давала є острагу дугачакъ скуть, а са предъ се спуштала до преко груди и сакривала є ноћнымъ своимъ мракомъ лице. По стасу и округлини видова судећи, морала є у првомъ цвѣту младости быти. Пустиньнкъ баци єданъ погледъ на новога богомольца, више тога ради, што ніє быо наученъ кодъ старогъ свогъ свештеника іоштъ кога у такове дане наћи, него што га є само лице, да га погледи, привлачило. И зато са єднымъ само погледомъ цѣо посао сврши, пакъ онда на свое мѣсташце у углу цркве клекне, и упустисе у свое молитве. Смеђа коса спуштала му се у ситнымъ коврчицама до пола леђа, а да ніє тако коврчава, сигурно, да бы до пета достизала; и премда никадъ чешлѣмъ

ни додирнуо є нїє, опетъ по природи у кур-
ріучиће увївна, у найвећемъ се реду по плећи-
ма повїяла, и премда ни воде, а камо ли ма-
сти, видила нїє, природномъ машћу тако се
сіяла, као иста свила. Падаюћи узъ образе,
нїє ове покрила, него їй є само тако осћнила,
као цвѣће поточићъ, на коега брегу цвѣта. И
премда є само кореня єо, єръ зими тежко є
воћа сачувати могао, и премда се сваке нѣге
лишавао, то му є опетъ лице тако цвѣтало,
као да га млекоомъ пере, и ружомъ натире.
Чинило се, да є наравъ хтѣла на нѣму да по-
каже, да здравлѣ и лѣпоту при свакој рани
човекъ имати може, и да су кувари више о-
номъ нуждни, кои хоће желудацъ да поквари,
него ономъ, кои є радъ здравъ да буде. Кожа
на образу, нїє истина ону танкостъ и провид-
ностъ имала, кою салони даю, али є зато бы-
ла чврста, свѣжа, и пуна сока, а руменило є
надлазило свакій карминъ, єръ є долазило
одъ младе, чисте, здраве крви. Граорасте очи
покривале су дугачке трепавице, коєсу му
погледу ону прїятностъ давале, кою има лист-

ната шума, кадъ подне препече! а надъ њима
 узвіяле су се обрве, широке, лѣпо сведене,
 и у танке краеве излазеће. Са цѣлогъ лица
 сіяло се пріятно ютро пролећа, са гдѣко-
 іомъ тужећомъ лучомъ вечера. Црна груба о-
 дѣћа ніе ништа племенитости тога лица и ста-
 са одузимала, него му е што више цѣну поди-
 зала, ерѣ е показивала или висину у смире-
 нію или узвышеность у низкости, а ово обоє
 души онога, кои га примѣти, добро чини, ерѣ
 у првомъ случаю видн триумфъ добродѣтели,
 у другомъ пакъ непристрастность природе.

Дуго време клечали су ови смирени бо-
 гомольцы ту, тѣломъ на земљи, душомъ на не-
 бу. Старый свештеникъ свршио е быо свое
 тихе молитве, па е сѣдіо, и гледао то на сво-
 га старогъ вѣрногъ друга, то на нову ову
 свою пріятельницу. Ова се најпослѣ подигне,
 прекрстисе побожно, поклонисе ѣутећи са по-
 кривенымъ лицемъ старомъ свештенику и оп-
 ѣ на полѣ. У иденю падне іой погледъ на
 клечећегъ пустиньика, и ко бы у тай парѣ на
 ню добро мотріо, могао е примѣтити, да е о-

най часъ, кадъ га е смотрила, мало застала, али се таки далъ кренула, и главу мало наглие на другу страну окренула. Кадъ е на врати црквице была, и већь єдномъ ногомъ на полъ изъ нѣ корачила, стане мало, као да се мысли, пакъ онда полагаано главу натрагъ окрене, и на ону страну погледи, гди се пустиньикъ Богу молио. За тимъ хитро и другу ногу преко прага пренесе, и на полъ изиђе. Нїе нишла єдно сто двеста корачан, кадъ предъ ню єданъ човекъ са оседланимъ конѣмъ изиђе. Она се на коня попне, а онъ брже на другога, кои є мало далъ за дрво привезанъ стояо, скочи, и упутисе за ньомъ. Она є вѣшто яшила, и великій тркъ, у кои є коня пустила, показивао є, да се нимало небрине, што є путъ нераванъ, и што се на нѣму каменѣ и по коя клада прескочити има. Човекъ онай, кои іой є коня извео, яшіо є у понизной дальни за ньомъ, и изъ тогъ се заключити дало, да є служитель быо. Кадъ су дошли на ону точку, са кое се іоштъ єданпутъ црквица видити може, еръ се послѣ путъ на лѣво

окреће, и за нѣке клисуре заилази, ту стане она, и погледи на цркву; пакъ онда ободѣ коня, и изгубисе за клисуру. За мало се іоштѣ топотѣ одѣ коня чуо, пакъ онда пуна тишина наступи. Пустиньникъ сврши свою топлу молитву, разговорн се са свештеникомъ о станю, у кое душе невино страдавши людій послѣ смрти долазе, пакъ онда оде у свою пештеру.

Петакъ е быо овај данъ, о комъ смо садъ говорили. У другій петакъ опази пустиньникъ нашъ на истомъ мѣсту, на комъ и пре, женско, сасвимъ у црно завієно лице, гди клечи и Богу се моли. Садъ му се очи на ньой, као на познанику одѣ пређе, подуже задрже и садъ текъ види онъ управо, да то лице башъ ономъ полу принадлежи, изъ кога в онъ изключенъ. Подуже му погледъ остане на прекрасномъ, побожности пуномъ држаню главе, и учини му се, као да анђели, кадъ предъ своимъ Створителѣмъ клече, само тако главу нагнуту држати мораю. И онъ се спусти на свое мѣсто заборави на све, и упусти се у свой светый посао. Старый свештеникъ свр-

шіо є молитве своє, па є сѣо и гледао, како ово двоє изъ нѣгове мале црквице право небо, гди чисти дуси Творца неба и землѣ обожаваю, чине. Непозната устане, поклони се чести достойномъ слуги Божиємъ, и пође на полѣ. На ономъ мѣсту, на комъ и пре, клечао є смиренный пустиньикъ; она застане мало, подржи погледъ на нѣму, пакъ онда хитро изъ цркве на полѣ изиђе, сѣдне на коня, и одкаса своимъ путемъ. На горереченой точки пута застави коня, окренесе къ цркви, и упусти се као у нѣкій санъ; конь зарже, она се тргне, и — у пуномъ трку летіо є добаръ коньницъ на лѣво за тамне непровидне клисуре. Пустиньикъ ніе ни примѣтіо быо, да є когодъ поредъ нѣга прошао, и зато, кадъ сврши молитву, погледи на ону страну, гди є на стасу човечіємъ познао како анђели предъ свемогућимъ главе прекланяю: али тамо већь нікога ніе было, и у разговору са старымъ свештеникомъ о награди за право покаяніе забораваи онъ, да є когодъ на томъ мѣсту и имао быти, и пре што се сумрачакъ ухвати, врати се онъ у свою пештеру.

Сутра данъ, како е у цркву ушао, погле-
ди на познато мѣсто: али бадава, тамо нико-
га было ніе. Шестъ дана іоштъ бадава е на
исто мѣсто погледао: оно е увѣкъ празно бы-
ло. Осмый данъ, а тай е было Петакъ, дође
онъ раніе у цркву, пре него икадъ; падну му
очи на мѣсто, на кое су већъ научене были:
но и данасъ ніе видіо, што е видити мысліо.
Мѣсто е было празно. Онъ клекне, и стане се
Богу молити. Ніе дуго постояло, али нѣшто
покрай нѣга прошушти, онъ погледн, и види,
гди непозната богомолька покрай нѣга прође,
и на свое мѣсто оде. И то е видіо, да е она
у пролазеню лице къ нѣму окренула; да се у
онай паръ, кадъ е примѣтила, да онъ на ню
гледн, мало спотакла, то ніе на умъ узео; али
то е осѣтіо, како му се учинило, као да ви-
ше какво створеніе наѣданпутъ съ неба спаде,
па землю и недодираюћи воздушнымъ ходомъ
къ олтару приступи, и тамо предъ нѣмъ кле-
кне. Онъ види, како она десну руку къ челу
припесе, и као да што съ нѣга скида, преко
нѣга превуче, пакъ онда полако доле спусти:

съ чимъ то дизанѣ и спуштанѣ руке да узпоре-
реди, у онай часъ знао нїе, али е то тако
дражести, тако милине пуно было, да е образъ
заишта само у чему прекоземскомъ имати мора-
ло. Онъ и то примѣти, да іой глава наедан-
путь на ниже клоне, него што е другїй путь
стояла, и у тай паръ осети, како му у прси-
ма штреце, мы бы садъ рекли, као да га
електрска искра пецву, а онъ онда на ту рѣчь
доћи нїе могао, еръ нити е знао за електръ ни
за нѣгове искрице, и зато се чудїо, шта е
то, што заболе, а боль нїе, него се као бла-
га топлота по грудма разлн. Онъ спусти на
ово, као да бы се предъ кимъ застидїо, очи
къ земљи, подржи ій подуго тако спуштене,
пакъ онда чисто несмѣюћи ій подићи настави
тымъ непрїятнымъ долазкомъ нарушено свето
своє дѣло. Непозната данасъ брже сврши,
него другїй путь, и пође на полѣ. Бадава е
старый свештеникъ данасъ на дражестный по-
клонъ одъ преѣашњи дана чекао, тога добыо
нїе; сигурно да она на смиренога старца забо-
равила нїе, него га само нїе смотрити морала.

Ово бы истина мало чудно было, ерѣ кадѣ се окретала, да натрагѣ иде, морала га е опазити, будући да е башѣ предѣ нѣомѣ у столу сѣдіо, броянице своѣ преметао, и — на поклонѣ одѣ преѣшнѣи дана чекао. Но зарѣ е она башѣ морала на ону страну погледати? могла е очи спуштене имати, могла е — могла е — ко бы све узроке опетѣ и навести, ко ли бы правый погодити могао, особыто кодѣ едне женске, пакѣ іоштѣ кѣ томе копреномѣ покривене! Доста, да е добрый старина безѣ поклона остао. Ни нѣговомѣ младомѣ пріятелю ніе среѣа данасѣ наклонѣніа была. Непозната, излазећи изѣ цркве, видила е издалѣ, како се спуштено пре тога пустинѣика око подиже, и у свомѣ узвишаваню на небо, на нѣой остаде. Ху! какво е то око! Она ни за живу главу не бы смела у нѣга гледати, не, што е страшно, или ружно, него што ю, када у нѣга погледи, сву ѣза проѣе, и свака іой се жилица, као задаѣмѣ ружице, тако тихо, и тако любко, затресе. — Учини іой се, као да ю чудновата нѣка свѣтлость изѣ тій чудесны очіи преспе, мно-

го нѣжнія, нѣго свѣтлость пуногъ месеца, и много бистрія, него зракъ росе на листиѣу са дивнымъ нѣговымъ жаромъ и бояма. Морала є дакле очи спустити, и незнаюћи одъ чуда ни гди є, ни куда иде, прође покрай пустиньика, и онъ по незгодномъ нѣкомъ колебаню у прсима позна, да є садъ много веѣма управо на врата одъ цркве гледала, него, кадъ є дошла, на олтаръ. Она брже болъ изиђе изъ цркве, и текъ ту стане, обори главу къ земли и дуго тако постои, пакъ онда метне десну руку на прси, а леву на чело. По десной руци, коя се као на дижуѣемъ се таласу у высъ дизала и доле спуштала, познати є было, да се оно узко и опетъ безгранично море прсію узколебало, а гладеѣа чело лѣва давала є разумѣти, да ту онай, кои на крми сѣди, и бродомъ управля, компа съ угаѣа, да види гди є. То му є наскоро за рукомъ испасти морало; єръ десна се рука много на више дигне, и много на ниже спусти, и неможе бити друго, него є морао са дубокимъ уздисаемъ тесный оковъ грудій спасти, и крмчія паѣи, да онако

плови, како само желити може. Она поскочи као лака кошута, вѣне се на доброгъ коньца, и одхун преко дрвля и каменя, као да по посутомъ округу наши енглезски яшаца лети. Чудо! Данасъ, канда е све овако испасти имало, како другій путь не; она и не узме на умъ, да е мѣсто оно прешла, съ кога е преѣшвѣи дана на цркву последній погледъ бацала, и текъ онда примѣти, да е на коню, кадъ іой момакъ кодъ куѣе прехвати коня, да съ нѣга сиѣе. А пустиньикъ? Онъ се на самогъ себе едіо; данасъ му ништа тако одъ руке нишло ніе. Найпосле разлюти се на ту непознату, што га е тако узнемирила са своимъ тамо амо ходенѣмъ, и башъ зато, што ніе на нѣга погледала, кадъ е на полѣ излазила, наѣе онъ за право, да више на ню немысли, и преда се са свимъ побожномъ осѣѣаню, да бы оно накнадіо, што е быо пропустіо. Кадъ устане одъ молитве, мало ніе отишао у свою пещтеру, а да старомъ свештенику ни „лаку ноѣ“ не рекне. И отишао бы быо, да се ніе овай самъ за себе постарао; еръ како се са землѣ дигао

быо, таки є управо кѣ вратма пошао; али старый нѣговъ пріятель ніє допустіо, да давасѣ и по другій путѣ на што бадава чека. Безѣ поклона одѣ Непознате истина да є остао, али „лаку ноѣ“ ніє дао, да му се украти. И зато како опази, да му се другѣ кѣ вратма упутн, таки устане, и брже болѣ похити за нѣмѣ да му неумакне. Стигне га заиста башѣ на прагу, и узме га за руку.

„Хе, младый пріяне!“ повиче му у истый парѣ, кадѣ га за руку узме, „Зарѣ тако? Па башѣ ни лаку ноѣ!“

Пустиньикѣ на то стане, и погледи му уочено у очи, као кадѣ човекѣ у што гледи, а невиди. Свештеникѣ є опетѣ са своеє стране нѣму у очи гледао, и тако су оба нѣко време ѣутеѣи стояли. После проговори старый свештеникѣ: „Хайде, да седнемо на ову клупу, па да ти свршимѣ, што самѣ ти ючерѣ говорити започео; да ти кажемѣ, како є души у раю!“

„Знамѣ, како іоѣ є тамо!“ одговори пустиньикѣ, па се и самѣ зачуди, како є могао

што рећи, кадъ ни самъ мысліо ніє, да што рекне.

„А одъ кудъ ты то знашъ, кадъ ти я іюштъ нисамъ говоріо?“ запита га старый прія-
 тель. „Я самъ ти само то ючеръ казао, како
 треба да є душа преправлѣна, да се може на-
 дати, да ю св. Петаръ у рай пусти, еръ знашъ
 онъ држи, као што самъ ти казао, ключеве
 одъ рая, и пушта душе, кое су се тога спо-
 добиле, у рай, а св. Павле помаже му, зато
 се обоица заєдно и молую на икони, гди є є-
 данъ, да є и другій ту, еръ знашъ єданъ безъ
 другогъ неможе ништа. Дакле, да ти далъ ка-
 жемъ, али ме само добро слушај, знамъ да
 ће ти по вољи быти. Я самъ то одъ єдногъ
 калуђера чуо, кои є изъ Цариграда овуда про-
 шао, и изъ Патріярхови уста те исте рѣчи
 чуо. Я ћу ти истина све онако казати, како
 самъ одъ нѣга чуо, али да си само могао нѣга
 чути, слушао бы га и гладанъ и жеданъ. Тай
 ти є знао говорити, као да му є медъ изъ у-
 ста ишао! Мало є истина знашъ на грчки за-
 носіо, еръ є у младости у Цариграду быо, и

тако више грчки говоріо, а бугарски само кад-
кадъ самъ са собомъ, желѣ ради; али є опетъ
тако говоріо, да смо га добро разумети могли.
Дакле да ти кажемъ, само ме добро слушај.
Ј самъ већъ многима то преповѣдао, пакъ су
ме сви молили, да имъ и по другій путъ ка-
жемъ, знамъ да ћу и теби двапутъ морати го-
ворити. Дакле само слушај, да ти кажемъ,
како є души у раю!“ Садъ случайно погледи
на друга, и види, гди се овај у дубоке мы-
сли изгубіо, па Богъ зна гди му є паметъ, а
онъ сырома упео се изъ пѣтны жила, да му
до найманѣ околине све редомъ изкаже, како
є чуо, и одъ кога є чуо преповѣсть о томе,
како є души у раю. А кадъ опази, да га онај
другій и неслуша, гурне га лактомъ у ребра,
и повиче му мало и срдито: „Та ты и неслу-
шашъ, шта ти я говоримъ?“

„Шта є?“ запита га пустињикъ тргнув-
ши се.

„Гди си?“ запита опетъ нѣга натрагъ
старацъ.

„У раю!“ одговори му онај.

Старый свештеникъ избечи оча на нѣга, и стане га збильомъ мѣрити, ели при себи. Ово пустивъикъ примѣти, па се насмѣши, и проговори му: „Ніє, ніє! Нисамъ башъ унутри, него самъ само на врати. Ако ме пусте унутра, онда ћу ти я найправіє казати, како є тамо. А садъ лаку, благу ноћъ! светый отче! и на миру се сутра видили!“ То рекне, па хитро устане, и за єданъ часъ нестане га у сѣнки дрва, кою є сумрачакъ близнякомъ ноћи учинію.

Свештеникъ се зачуди, шта му бы на єданпутъ, па кадъ га више догледати неможе, онда се прекрсти, пакъ самъ себи проговори: „Шта бы наєданпутъ човеку?“ На ово махне нѣколико пута главомъ, пакъ се онда дигне и оде у свою усамлѣну ћелію.

4. Познанство.

Пустивъикъ се, као што реко смо, одтргне одъ старогъ свештеника, а кадъ се мало одъ нѣга удалъи, онда опетъ коракъ умѣ-

ри, и у нѣке мысли, кое ни самъ ніе разабрати могао, задублѣнъ дође у свою пештеру. Све му е еднако предъ очима стояла у црно обучена женска особа, како предъ олтаромъ клечи; мысли и осѣханъ стопило се у нѣму у едно, и тако е непрестанно као у нѣкаквомъ сану быо. Пре, него обычно, бацы се на постелю одъ маховине, и кадъ га е већъ санъ у полу ухватио быо, изклизну му ове рѣчи: „Само да е у лицу видимъ!“

Непозната яшила е са своимъ пратиоцемъ оштро, све далѣ унапредъ; конь се подъ нѣомъ озноіо, па се савъ пуши; сумрачакъ се већъ почео хватати, и клада и яруга на путу већъ се изъ далѣ видити ніе могла, и тако ніе ни мало было добромъ коньциу замѣрити, што се кадъ и кадъ спотакао. Нѣгова госпођа ніе то ни на умъ узимала. Већъ се быо мракъ спустіо; конь е по нагону све лакше и лакше корачао, да у опасностъ недође. Наеданпутъ зарже радостно, и таки за тымъ заустави се предъ вратма едногъ зданія. Ова се таки отворе, и цѣла се авлія засія одъ лучева, съ коима момцы са свію

страна похите. Еданъ постаръ човекъ присту-
пи съ понизно преклонѣномъ главомъ, прехва-
ти коня, и помогне му госпођи доле сићи. Ова
се попне по широкимъ дрвенимъ степенма на
доксатъ, гди є нѣколико жена са свакомъ по-
низношћу дочекаю, и у собу одпрате. Ништа
неговорећи остави иј она ту, уђе у другу обли-
жню собу, бацы се на єдну столицу покрай
астала, на комъ є свѣћа горела, наслони ла-
каты на асталъ и главу на руку. У яшеню ба-
цыла є была покривало съ лица, и садъ є на
ово пуна свѣтлость падала. Пустивъикъ не
имао неправо, кадъ му се учинило, да є вы-
ше какво створенѣ съ неба сишло, еръ то ли-
це могло є само лице анђела небесногъ быти,
таква се красота, таква чистота на нѣму сја-
ла. У пуномъ разкошству прве младости сѣдила є
ту Непозната. Непозната, еръ премда смо у
нѣной кући, опетъ неможемо дознати, ко є,
будући да є свакомъ строго запрећено казати,
ко є она, и одъ куда є.

Дуго є тако сѣдила, и у свѣтлость гле-
дала; најпосле уздане, спусти руку и дигне

главу, и тихимъ, тужеѣимъ гласомъ проговори: „Анѣо, правый анѣо! — али — али — за другу!“ Кадъ ово изговори, устане, и поѣе крозь собу; мало часъ опетъ застане, и рекне: „Престолъ и пустиньикъ, — заклетва и удая“ — ту поѣути, пакъ онда нагло дода: „нема изъ тога ништа!“ и поѣе оштро напредъ. Онда опетъ скрсти руке, спусти главу къ прсима, упре очи у єдну точку, и съ райскимъ осмѣйкомъ проговори: „Таква милина! Та анѣелска глава! Тай срце потресаюѣий погледъ!“ За овымъ є опетъ дуго ѣутила, пакъ се онда тргне и повиче: „Нема изъ тогъ ништа! Найболѣ ѣе быти тамо више и неѣи. Тако, неѣу више тамо иѣи! Неѣу више да га видимъ! — Я, и пустиньикъ, я и преступница заклетве! — Тога неѣе быти, неѣе, неѣе!“

Овако се она дуже време са собомъ борила, и найпослѣ остане при: неѣе быти. На ово отвори врата одъ себе, и оне женске, коє су є дочекале, уѣу къ нѣой унутра, и ту се почне весео разговоръ, пунъ невинне шале и стидльивога смѣяня. Доцканъ ноѣу клоне глава

Непознате на ястукъ, и прїятель младости, сладакъ сань склопи іой очи. Шта є снивала, незнасе, али да є спаваюћа кодъ нѣ другарица будна была, могла є лако ове рѣчи чути и разумѣти: „Ахъ! кадъ бы само могло быти!“

Докъ ніє петакъ дошао, остала є она тврдо при томъ, да више у цркву, гди бы се са пустиньникомъ састати могла, неиде; али кадъ тай кобный данъ осване, стану се ньой приявльивати мисли, коє говораше, да бы грѣхъ быо збогъ тога на молитву, на такву молитву неїѣи, да она немора на нѣга ни погледати, па ако се случи, да га и погледи, да тымъ іоштъ ништа ніє учинѣво, збогъ чега бы се покаяти морала. И тако увидивши најпослѣ, да у овимъ разлозима занста сама паметь станує, наѣ се у цркви предъ олтаромъ много пре, него што є тай опасности пунъ пустиньикъ тамо дошао.

Овай, кадъ се другїй данъ после састанка у цркви пробудіо, почео є самъ себе корети, да нѣму у таково време іоштъ єдна женска у мысли мѣста имати може. „О-

собито ме нѣшто къ той непознатой вуче“, говоріо е самъ себи, „али ма она и самъ анѣо съ неба была, садъ у моіой глави мѣста имати несме. Мысли мое и цѣо животъ мой за овай паръ посвећенъ е другой цѣли и другимъ стварма. А после?“ Овако самъ себе и нехотице запита, „после ћемо о томъ мыслити, шта може изъ тогъ быти. Садъ: „миръ вамъ!“

Ово изговори, пакъ онда са свомъ збильомъ на свое обичне послове пође; из почетка му е тежко было, еръ му се на еданпутъ предъ очима нѣшто зацрни; онъ се силомъ одтргне одъ тогъ предмета, али пре него што га се са свимъ опростио, стане му се предъ очима нѣка магла дизати, па е све гушћа и гушћа постаяла, докъ бою црногъ одѣла добыла ніе, после се на краєви разсвѣтли, и предъ нѣмъ е стояо женскій стасъ, како клечи, и Богу се моли, а око нѣга се тиха свѣтлость просула. И ово е тако опетъ и опетъ бывало. Али озбильска воля и мужевска снага учини найпослѣ, те му те обсѣне ис-

предъ очію нестане, и онъ се умири. Но зато и опетъ у петакъ раніе похити на вечернѣ, и срдце му одъ радости заигра, кадъ предъ олтаромъ, не обсѣну, него правый еданъ женскій стасъ клечати види. Данасъ е сьо редъ на нѣму, да првый оде; бацивши еданъ топаль погледъ на клечефу Богомольку оде безъ шума изъ цркве. На мало затымъ устане и непозната да иде. Старый свештеникъ изышао е бьо за своимъ младымъ пріятелѣмъ, кадъ е видіо, да е овай отишао, и тако се нађе Непозната сама у цркви. Она се, кадъ никогъ невиди, пазльиво на све стране обазре, пакъ онда хитро на оно мѣсто оде, гди се обично пустиньнкъ Богу молю; ту се спусти на колѣна, и побожно се оное, комъ се све може, помоли, да будућность нѣну у свою узме руку.

Пустиньнкъ е са свештеникомъ предъ црквицомъ стояо, и тако су могли видити, како е Непозната, кадъ се поудальила, на кося сѣла, и съ еднымъ пратиоцемъ на сѣверъ одкасала.

И тако е Непозната више пута тврдо наумила у цркву њеићи и пустивњика невидити, али кадъ е петакъ дошао, свагда се новъ узрокъ нашао, изъ кога се морало тамо ићи. Найпослѣ се на саму себе разсерди, и да оно, што е наумила, оддржи, заповѣди своимъ людама, да се преправе за петакъ ујутру, како ће у ловъ у гору изићи. Петакъ дође, и њо занста са мало али живостны пратиоца у гори нађе. Соколови ю тако забаве, да нѣ ни осѣтила, кадъ е подне дошло. У подне нађу се у едномъ долу, и виде предъ собомъ мало али особито дражестно езеро. Она пусти свога сокола, кога е најрадіе имала, за едномъ птицомъ; соко прне као стрѣла; сырота птица, на кою е овај крвожеднѣй ловацъ полетио, примѣти опасностъ, и науми спасеніе у шуми тражити. Стане се дакле спуштати, и тѣмъ свою несрећу ускори, ерѣ е на тай начинъ соко таки подъ себе добые, нашто се захукти и груне е своимъ убитачнымъ грудма, да е одмахъ мртва доле пала. Но за нѣга высина нѣ добро одмѣрена была, и зато, како се быо

доле захуктіо, ніє се имао кадъ зауставити, већъ са своіомъ жертвомъ заєдно плюсне у єзеро, и загнюри се. Изскочи истина наскоро на воду, али є савъ уквашенъ быо, и стане се бѣдно по води лепршати, чимъ само свою опасность умножи. Госпођа му цикне, и стане велику награду ономъ одъ свои людій обећавати, кои заплива и сокола изнесе. Но нико ніє знао пливати, и тако нико ніє ни волю имао ту награду заслужити. Непозната є была у найвећой жалости; мыслила є одъ жалости за своимъ любимцемъ умрети: кадъ нѣшто у воду плюсне, и єдна людска глава све се већма и већма давећемъ се соколу приближавати стане. Она оживи мало, а радость іой за край знала ніє, кадъ є видла, да птица снућена на єдној изъ воде промолћной руцы стои. Ніє дуго постояло, и она є мокрогъ любимца, кои є сву волю у ловъ ићи у ладномъ єзеру изгубіо быо, на свое одъ радости играюће срце пригрлила. Стотина полюбаца пала є на избавлѣногъ любимца, и у радости о избавлѣнію быо є сасвимъ заборавлѣнъ избавитель. Овай є птицу

првомъ, кои му є дотрчао, слуги дао, пакъ се онда опетъ онамо повратио, гди є пре тога невиђенъ сѣдіо, и невиђенъ наѣданпутъ у воду скочио, а то є быо єданъ густъ шушанъ при брегу єзера. Ту є онъ горню свою хальину оставіо быо, и садъ се тамо вратио, да є опетъ обуче, па да далъ иде.

„Гди є тай човекъ, што є птицу изъ воде извадіо?“ запыта Непозната свое люде. „Доведите га, да га наградимъ за нѣгово добро срце!“

Момцы таки оду онамо, куда су видли, да є онай отишао, и тако є морао, хоће ли, неће ли, предъ ньину Госпођу изићи. Онъ сѣ почетка ніє хтѣо; говорио имъ є, да онъ то ніє за награду учиніо, да нѣму ништа нетреба, и друго коѣшта; али кадъ види, да га они непуштаю, и да бы се сѣ ньима морао најпослѣ тући, ако имъ неће волю изпунити, предомысли се, и пође.

Непозната є іоштъ єднако любимца свогъ миловала, и главу къ нѣму спуштену држала. Непознатый избавитель приступао є къ ньой

изъ прва ни вруѣтъ ни ладанъ, али, што е ближе къ нѡй долазіо, то му е све чудніе око срца было. Нѣнъ стасъ, нѣно одѣло — съ біюѣимъ срцемъ стане онъ предъ ню. У тай паръ дигне она главу, да избавителю свога сокола у очи погледи. Незна се, коє се одъ оба двога яче заруменило, коє ли се веѣма збунило: ерѣ предъ нѡмъ е стояо познатый изъ црквице пустиньикъ, кога е ради, да га само невиди, управо у ловъ и изишла, закрашенъ и пунъ чиній, као досадъ никада, са срцемъ у очима, у копма е забуна любви тако ясна лежала, да е друга разборитость спрама нѣ прва забуна; предъ нѣимъ пакъ стояла е драга Непозната съ лицемъ, съ лицемъ, о комъ се найболѣ говори, кадъ се сасвимъ ѣути, и о комъ ѣемо само толико казати, да е садъ, колико е велико, цѣло една ружица было, и да су му очи у зелену траву гледале, а стидъ, онай стидъ, кои дѣвойку башъ онда издае, кадъ найвише шта издати има, и кои исподъ трепавица оно показує, што ове у покривеномъ оку сакриваю, люлькао се на нѣны дуги тре-

павица. Она е стояла ту, и ніе се могла ма-
ћи, и гди е хальина тѣлу већма прилюблѣна
была, могло се примѣтити, да лако дркѣе.

Ко зна, докле бы они тако ћутећи едно
спрамъ другогъ стояли, да ніе нѣнъ конь на
ту срећну мысао пао, зар'жати. Еръ кадъ
онъ зар'же, онда пустиньникъ узме одтуда по-
водъ овако проговорити.

„Высока госпођо! твой коньницъ р'же, и
сигурно мисао свое госпође погађа, да е рада
далѣ се кренути. Опрости ми, што самъ те
ово нѣколко тренутака задржао. Я се осо-
бито радуемъ, што самъ ти могао у чему по-
служити; а за ту радость, кою ты, како ви-
димъ, о твоѣмъ любимцу имашъ, свагда бы го-
товъ быо, животъ мой на коцку метнути. Я
ћу се садъ, ако ми допустишъ, удалити, и
небы ти занста на досаду ни быо дошао, да
нисамъ у начину твои люди то познао, да е
твоя заповѣсть, да предъ тебе изиђемъ!“

Онъ ово изговори, па се и самъ уплаши,
шта е говорио, еръ садъ му текъ падне на
умъ, да таковый говоръ нѣговой хальини ни-

мало неприличн. Али што е било, било; гди си, ту си.

Она дигне очи, и погледа на нѣга. За ню е то ѣутанѣ и стоянѣ тако сладко, тако блажено было, да не бы никадѣ на одлазенѣ ни помислила. При првомѣ погледу на нѣгово лице, учинило іой се, да оно, што она осѣћа, неосѣћа сама. Па прва рѣчь, кою е изъ нѣговы уста чула, да буде рѣчь разстанка! Ово іой врло тежко падне, па оно, што е далѣ о радости, што іой е послужити могао, и о готовости животъ за нѣну радость изложити, рекао, само е веѣма разжали, те іой се една суза у око отисне, и покваси га. Са тако влажнимѣ окомѣ погледи на нѣга. Више му требало ніе.

Тихимѣ гласомѣ проговори му на ово: „Ты си видіо заповѣсть, гди самъ я само молила. Кадѣ ми таку власть надѣ тобомѣ даешъ, я ѣу е радо употребити. Заповѣдамъ ти, да ми кажешъ, съ чимѣ те наградити могу за услугу, кою си ми учиніо. Заповѣдамъ ти и то, да ништешъ много, ерѣ услуга твоя осо-

биту цѣну у моимъ очима има, а моя су средства велика!“

„А шта може еданъ човекъ, кога ова одећа увія, искати, и шта нѣму треба?“ одговори онъ нескидајући ока са лѣпогъ нѣногъ лица. Ту мало поћути, пакъ онда настави топло: „Шта ли се може више искати, после тога, кадъ таква уста изговоре, да мала овакова услуга у таквимъ очима особиту цѣну има?“

Садъ су ћутали обое. Пратиоци непознате стаяли су, докъ е она съ пустиньникомъ говорила, у понизной удалѣности, и чекали су на нѣне заповѣсти. Она га очекивајући погледа; изъ погледа нѣногъ ніе было тежко познати, да бы му и срце изъ нѣдара дала, да га заиште. Онъ е пакъ нѣой у лѣпе очи тако сваке желѣ лишень гледао, да е свакій, кон бы га у тай паръ видіо, лако погодіо, да никакву другу желю и непознае, него у ню гледати, и да срећу у нѣно анђелско лице гледати моћи ни за само блаженство дао небы.

Безконечно милымъ гласомъ запита га она: „Дакле башъ ништа нећешъ одъ мене да иштешъ? Ишти штогодъ, мени ће жао бити, ако ти съ чимъ показати немогу, колику си ми радость учинио!“

„Хоћу, молвићу за нѣшто!“ проговори онъ на ово; „али ће то много, много бити!“

„Ишти колико хоћешъ, одговори му она весела, и на лицу јој зракъ радости сійне. „Немой мислити на то, шта другій учинити може; я могу много више, него многи други“

„За то ћу те молити, висока госпођо“, рекне онъ на ово, „да у будуће, кадъ у ону малу црквицу доћешъ, ма на еданъ часакъ покривало съ лица уклонишъ, да могу у те твое пуне небесне ведрине очи погледати. Задуго ти нећу досађивати, еръ јоштъ кои данъ само, па ће ме дужность одавде далеко, далеко одвести, и ко зна, — сигурно, да те онда више никадъ видети нећу.“ Овдѣ онъ уздане, а она сва као крпа побледи. Кадъ онъ то рекне, приступи јој ближе, узме е нѣжно за руку, и погледни јој са окомъ пунимъ бола у очи „Ели,

да ми нећешъ одрећи, зашто те молимъ?“ настави онъ далѣ; „ели да ћешъ ми волю испунити? О, то ће и онако први тренутцы после овогъ садашнѣгъ быти, у којима ћу у овој за мене несрећной земљи радости у очи погледати, до садъ, и осимъ тога, за мене є овдѣ све црно было и быти ће!“

Она є оставила свою руку у нѣговой, и онъ є осѣћао, како та дркће.

„Ако ти є то досадно, ако те съ тымъ врећамъ“, продужи онъ, „немой чинити; я нисамъ ни онако наученъ овдѣ небо отворено гледати. То бы ми тежко, претежко было, да морамъ отићи, а да то анђелско лице іоштъ кон путъ невидимъ, али — я самъ научіо у небо загледати, пакъ видити, да се предамномъ затвора!“

„Ко си ты, човече?“ запыта га она на то. „Ніє могућно, да си ты на то рођенъ, да у пустињи, у той худой одећи, животъ твой проведешъ! Тебе є судба на выше што опредѣлила; то ти лице твоє показує, то самъ ти

првый путь, кадъ самъ те видила, у очима
познала.“

„Я, ко самъ?“ проговори онъ, и пусти
іюй руку. „Я самъ овако, како предъ тобомъ
стоимъ, мртваць, кон у гробу лежи, ова гла-
ва, коє очи немогу доста да те се нагледе,
само є гола сува лубаня, крозь кою ветаръ у
каковой пустольни звизди. Тужно опъло свр-
шило се надамномъ; и за мою душу учинѣне су
многе задушбине. — Ты се ужасавашъ? Не-
мой, Госпођо мила; немой се плашити. Ова
страшна загонетка нїе ништа друго, него мое
име; ты си ме пытала: ко самъ, а я ти дру-
гогъ имена немамъ!“

„Неплаши мене то, што говоришъ“, од-
говори она. „Я тебе ни еданъ часъ нисамъ др-
жала за обычногъ пустыньика. Хоћешъ да о-
станешъ непознатъ; я тайну цѣнити знамъ!“

„А хоћешъ ли учинити, што самъ те мо-
ліо?“ запыта онъ гласомъ, кои в погодити
дао, како бы му было, да му се рекне: не.

„Хоћу!“ одговори она, „пакъ садъ съ
Богомъ!“ На ове рѣчи пружи му руку, кою

онъ съ обема своима узме, и найпре на устне, пакъ онда на срце метне. Юштъ іой єданшутъ у очи погледи, пакъ хитро у гору оде.

Непозната дозове свое люде, сѣдне на коня, и врати се кући натрагъ. Пустиньникъ пакъ текъ онда, кадъ се самимъ нађе, осѣти, да є савъ мокаръ, како є у езеро запливао.

5. Стари пріятельи.

Дошао є првый Петакъ, и Непозната ніє више у цркву съ покривенымъ лицемъ ушла. И старый свештеникъ у чудо дође, кадъ то лице види. Юштъ се веѣма зачуди онъ, кадъ опази, да нѣговъ младый пріятель къ Непознатой приступи, и съ нѣомъ се у разговоръ упусти.

„Ко є та прекрасна женска глава?“ запыта онъ свога пріятеля, кадъ Непозната отиде.

„Кадъ бы знао!“ одговоріо му є овай.

„А да одъ кудъ се съ нѣомъ познаешъ?“ запыта онай далѣ.

„Одъ езера!“ одговори пустиньникъ.

„Та вальда ніє Сирина?“ пытао є стараць гласомъ, кои є издавао, да онъ то башъ за немогућно недржи.

„Ко зна!“ рекне му младый пріятель и смѣшио се.

„Чувай деръ се ты одъ нѣ!“ примѣти стараць съ пуномъ збильомъ.

„Добро се и теби чувати“, примѣти му пустиньикъ натрагъ, и смѣшећи се удали се.

Другій путь є пустиньикъ Непознату до коня допратіо, а старый свештеникъ машао є главомъ, и рекне му кадъ се врати: „Да ти дамъ сынко частицу честногъ древа? Ако є сотона у женскомъ лицу, хоће те спасти!“

„Иди старый пріятелю, шта говоришъ“, одговори му пустиньикъ; „заръ ће сотона доћи у цркву, кадъ ты вечерню служишъ, и клечати предъ светымъ распятіемъ?“

„Да, право велишъ, сынко!“ рекне на ово свештеникъ; „Сотона ніє! Али ко може то быти?“

Трећій путь већъ є пустиньикъ Непознатой помогао на коня попети се. Старый све-

штеникъ махне главомъ и проговори му: „Не-
ѣшъ ты дуго пустиньисати!“

„Погодіо си, светый отче!“ одговори му
пустиньикъ у пуной збиљи.

Свештеникъ га погледи, шта говори.

Сутра данъ дође пустиньикъ рано у цр-
кву, и остане читавъ данъ у сакрушеной мо-
литви у нъой; ту ноћъ пребдіо є онъ у своіой
пештери. У неделю опетъ є читавъ данъ у цр-
кви быо; а ноћъ є цѣлу у пештери своіой у
молитвама провео. Исто тако провео є и по-
недѣльникъ. За цѣло то време ніе окусіо, до
кои путъ по кою каплю воде. У Вторникъ до-
ђе предъ подне къ свештенику, и замоли га,
да га исповѣди и причести. Овай то учини.
Кадъ изъ цркве изиђу, загрли старацъ пусти-
ньика, и полюби га у чело.

„Єси ли са мною задоволянъ отче?“
запыта овай.

„Да си благословенъ, сыне мой!“ одго-
вори му свештеникъ.

Тай данъ првый є путъ пустиньикъ кодъ
свештеника изванъ свое пештере ручао. Онъ
узме мало и кувана ела, и напіє се мало вина.

У Петакъ дође Непозната у цркву, и зачуди се кадъ ту пустиньика ненађе. Јоштъ се већма удиви, кадъ га ни при излазеню изъ цркве на нѣговомъ мѣсту невиди. Ножъ іој крозъ срце прође, еръ у тай паръ помисли, да е отишао. Сва малакше, и едва се на ногу одржала. Едва едвице изиђе на полѣ.

На полю предъ црквомъ дочека е еданъ младъ властелинъ у србскомъ одѣлу. У првѣй махъ ніе га познала, ко е, али кадъ іој онъ приступи, и смѣшећи се поздрави е, позна га, и видећи онога, за кога е мало часъ мислила, да га е на свагда изгубила, видећи га у красномъ томъ одѣлу као струкъ цвѣта у најлѣпшемъ развитку, узвикне, што се изненада обрадовала.

Онъ іој приступи, узме е за руку, и проговори іој: „Ј самъ мой дугъ одужио. Пустиньичство мое свршило се. Мртвацъ е устао изъ гроба, и прва га дужность садъ позыва, да матери похити, да га живогъ више неоплакуе, и да утѣши отца, кои за нѣимъ, као за изгублѣнымъ единцемъ тужи. Али самъ немы-

слимъ отићи ; радъ самъ отцу и матери дво-
струкомъ радошћу тугу да накнадимъ , кою су
досадъ имали. Мила Непозната моя ! Овай ста-
рый, честный свештеникъ све зна , я самъ му
све исповѣдію , кадъ самъ се после тры године
сваке радости лишеногъ живота причестію. Онъ
зна, да ти я за све , што овдѣ оставити имашъ,
накнаду дати могу ; нѣму самъ казао , а ты си
пре нѣга сазнати могла , да те любимъ изъ све
моє душе. Ако се неварамъ , ни я теби нисамъ
неповолянъ. Дай ми дакле рѣчь и руку, да хо-
ћешъ моя быти. Наравно , да ћемо и твоє ро-
дителѣ запытати. Садъ ми само ты реци , шта
твоє срце вели. То самъ найпре радъ чути,
пакъ ѣу ти онда све друго казати. Али то
найпре морамъ одъ тебе чути , докъ іоштѣ
незнашъ , ко самъ ни одкудъ самъ. — Говори!
Одъ твои рѣчи зависи садъ срећа читавогъ ед-
ногъ живота.“

Онъ ућути , и гледао є жельно на нѣна
уста, кадъ ће се отворити , да проговоре. —
Она іоштѣ мало поћути ; часъ се заруменила , а
часъ побледила ; видило се , да се у нѣой чув-

ства боре. Наипосле почне тихо, да се едва чуло, говорити; прси су іой пуне были, гласъ іой є дрктао, и рѣчи су пресѣчене излазиле. „Я знамъ цѣнити тай искренный твой разговоръ, господине витеже; и знамъ, да одъ мои рѣчи среѣа єдногъ живота зацѣло зависи, а то є мой. Ишти животъ мой, да ѣу ти га радо; — руку ти дати немогу!“ То едва изговори, и сва потрешена залюля се. Старый свештеникъ примѣти то и таки є прехвати, на нѣговомъ рамену наслонѣна постояла є нѣко време, докъ се укрѣпила ніе.

Витезъ є на нѣне рѣчи као громомъ пораженъ быо. И онъ задуго ніе могао ни рѣчи проговорити. За тымъ погледи на ню и проговори: „Шта рече, дѣвойко, да одъ Бога наѣшъ! Узми рѣчь натрагъ! Немой да убієшъ онога, кои само у теби живи!“

Ньой ударе сузе на очи. „Чуй, пакъ самъ суди, може ли быти“, одговори му меко. „Я самъ мою руку обеѣала другомъ; ево му прстена іоштъ на моіой руцы. Онъ є мене ради животъ, пунъ блага и лѣпше іоштъ надежде,

изгубіо; и я самъ се живымъ Богомъ заклема, да ѣу нѣговъ прстенъ до гроба на руцы моіой носити, и да се за другога никадъ удати не-ѣу! Мене бы самъ Богъ изъ неба покарао, да я ову заклетву нарушимъ, и я бы несреѣу у твою куѣу донела, кадъ бы овай прстенъ съ твоимъ промѣнила!“

Витезъ е са обореномъ главомъ слушао, докъ е она говорила; кадъ сврши, онда онъ неподижуѣи главе тужно проговори: „Дакле се све мое лѣпе надежде разтопише! Юштъ те нисамъ, тако реѣи, ни видіо быо, и веѣъ ми е нѣка тайна сила срце къ теби вукла, да іой нисамъ могао противстати. Кадъ самъ те познао, нисамъ ни помислити могао, да безъ тебе быти могу. Овай честный старина зна, шта самъ ти преиравіо быо. И све то садъ у ништа да оде! Да ми ніе отца и матере, да ми и друге іюштъ светіе дужности ніе, я бы се у ове горе закопао, и цѣо животъ у бѣдности провео, као што самъ га онда проводіо, кадъ самъ тебе познао. И опетъ бы то най-среѣниіи животъ за мене быо, еръ бы те можда

по кои путъ видити могао, а на свакии начинъ знао бы, да онымъ истымъ воздухомъ дышемъ, коимъ и ты. Али ме дужность сыновля вуче одавде, на далеко, и кадъ те садъ изъ очію изгубимъ, никада те видити небу. Но шта Богъ да. Я твою вѣрность поштуемъ, а предъ заклетвомъ се покланямъ. Ко заклетву погази, неможе му нико вѣровати. Ёдно те само, о Боже! молимъ“, при овымъ рѣчма погледн у небо, „укрѣпи е, да може поднети, што іой предстон. Са мною чини, како ти е света воля; я самъ се научіо страдати.“

Ово изговори, пакъ іой приступи, и узме е за обадве руке, погледн е окомъ, у комъ се видило да му срце пуца, и проговори іой: „сѣ Богомъ — незнамъ, ни како да те назовемъ. Кажн ми баремъ, како ти е име, да знамъ како се зове оно неоцѣнѣно благо мое, кое сѣ тобомъ губимъ“ . . .

„Ружица!“ прошапѣ она.

„Ружица? опеть Ружица!“ продужи онъ. „Я видимъ, да е мени суѣено, одъ ружице увѣкъ само трнъ задржати. Па да ми се у руку

забоде, не бы маріо, аль увѣкъ у срце!“ Ово изговори онъ горячно, и настави: „Ружицо мила! съ Богомъ! Никадъ се више видити нећемо!“

То изрекне, пакъ разшири руке. Она врисне и падне му на прси. Онъ склопи руке око нѣны рамена, и наслони образъ свой на нѣну главу. Дуго су тако стояли, немогући ни рѣчи проговорити. Само се чуло, како дѣвойка еца, да іой срце препукне. Старый свештеникъ утре сузу изъ ока, госта, когъ одъ только година имао ніе.

Найпосле преда витезъ дѣвойку старомъ свештенику, стиспе є за руку и рекне: „съ Богомъ!“ пакъ се окрене и оде.

Дѣвойка врисне: „Немой ме оставляти!“ и полети за нѣмъ. Онъ стане и окрене се къ нѣой. У тай махъ и она стане, протре чело рукомъ, усправи се и последнѣ силе скупа, па стално проговори: „Не! Иди! Богъ съ тобомъ быо, и нѣговъ светый благословъ!“ На то подигне очи къ небу, уздане изъ свегъ ср-

ца, и проговори: „Еси ли задоволянъ са мною, несрећный заручниче?“

Витезъ е стаяо, па съ найвећомъ тугомъ гледао на то нѣжно створенѣ са тако якимъ срцемъ. Онъ чисто позавиди несрећи непознатогъ нѣногъ заручника; за такву вѣрность, коя спомену пріятеля срећу цѣлогъ живота на жертву приноси, учини му се губитакъ живота незнатна цѣна. На то іой приступи и особыто мекимъ гласомъ проговори: „Вѣрна душо, я ти немогу казати, колико те твое велике душе ради цѣнимъ. Ако ће Богъ кою жертву наградити, то ће заиста ту, кою ты спомену твогъ заручника приносишъ. Чуй, што ћу ти рећи, и саслушай ми молбу, кою ћу ти казати. Немой ни на мене заборавити; подай спомену и на мене мало мѣста у твою анђелскомъ срцу. Знај, да те е Кралѣвићъ Босанскій изъ свега срца любіо, и да ће образъ твой у души нѣговой на вѣки живити!“

Докъ е онъ говорио, гледала га е она мирно и у судбу свою предана; кадъ последнѣ рѣчи изговори, прене се она, и погледъ іой изда,

да іой се душа потресла. „Кралѣвићъ Босанскій?“ запыта на то гласомъ, у комъ се видило, да незна, како то да разуме.

„Есть, Кралѣвићъ босанскій!“ одговори онъ. Я самъ Тихомиль, сынъ краля босанскогъ, за кога несрећу у Скворнику сигурно си чула.“

Она на ове нѣгове рѣчи цикне, разшири руке и падне му около врата. Онъ ніе знао, шта да мысли.

Дуго е лежала она на нѣговымъ грудма после дигне главу, ступи еданъ коракъ натрагъ и проговори: „И ты си заиста Тихомиль, Кралѣвићъ Босанскій?“

„Рѣчи нѣгове светивя исповѣсти потврђуе“; рекне іой на то старый свештенникъ, кон е међутымъ къ нѣима дошао быо.

Дѣвойка е гледала нескидаюћи ока са витеза, видило се, да іой е душа на другомъ мѣсту у другомъ времену. Туга іой се преко образа преспе, и она тужећимъ гласомъ проговори: „Нисамъ мыслила, да несрећа моя може быти већа; и ево првый часть хоће да ми покаже, да самъ се на мое зло варала. Знала

самъ да те морамъ изгубити, али нисамъ мыслила, да ћешъ ме са гнушанѣмъ оставити!“

„Я тебе съ гнушанѣмъ оставити!“ рекне на ово витезъ нагло. „Кажи, да ћу ти се дивити, докъ самъ живъ, а не да ћу те съ гнушанѣмъ оставити.“

„Ахъ!“ уздане онда и настави: „Ты незнашъ, ко самъ я, зато тако говоришъ; кадъ то чуешъ, сасвимъ ћешъ другчїе говорити!“

„Ма ко да си“, проговори витезъ тепло, „можда ћу те жалити, али те презирати немогу. Само едно женско створенїе има, кое ми е црно предъ очима, кое презиремъ, на кое мрзимъ, што више, кога самъ крвь пожелаю, еръ самъ крозъ нѣга толике прїателъ изгубю, а то е, — нећу ти таити, — то е“ —

Видило се, да дѣвойка съ найвећимъ страхомъ чека, да чуе то несрећно име. Као кадъ ко чека, да му се судъ о животу и смрти изрекне, тако е стояла она ту, и чекала, да онъ изрекне име, кое му е наймрзкїе одъ свїю.

„А то е“, заключи витезъ, „Ружица, кћи краля Бугарскогъ“ —

„Я самъ та!“ викне она, и падне несвѣстна витезу, кои похити да е прехвати, на руке.

Ту е лежала она, на кою е онъ, као што е рекао, едну између своју люди мрзю, полумртва на нѣговимъ рукама. Кудъ се дела мрзость изъ нѣговогъ срдца? Гди е она люта желя пређашњи дана, у којој бы јој ножъ у срдце забоо, да крвлю нѣномъ крвь толки свои пріятеља освети? Ту е лежала она полумртва, о себи ништа незнаюћа, и — радостъ се на мѣсту мрзости показала, стра да јој што nebude, заузео е мѣсто желѣ за нѣномъ крвлю.

„Она нѣ крива“ примѣти старый свештеникъ. „Шта зна сырото ягнѣ, кое лукавый ловаць у яму меће, да лютогъ лава намами и улови!“

„Право кажешъ, светый отче!“ одговори му витезъ. „Она нѣ крива. Ово срце неможе за крвлю жеднити; ова чиста душа неможе анѣо губитель быти. Она нѣ ничему крива!“

Я самъ іой криво чинію, кадъ самъ на ню мр-
зію, кадъ самъ нъой смрти желію, мѣсто да са-
мо на главу оны громъ Божій сазивамъ, кои
су се нъомъ послужили, да до паклене свое
цѣли дођу. Опрости ми анђелска душо! Опро-
сти ми, нисамъ знао шта радимъ. Ако ти е
суђено, да овдѣ на мойма рукама ово лѣпо тѣ-
ло оставишь, чуй найпре само то, да те я за
опроштенѣ молимъ.“

Онъ погледн на то бледо лице, на те
угашене очи, и суза му на око удари. „О Бо-
же!“ повиче на то у найвећой туги; „Та ты
хоћешъ мою неразумну желю да испунишь? Ни-
си хтѣо мою руку да употребишь, него си
мое рѣчи изабрао! Ахъ я жалостанъ! Овай
анђео крозь мене да у гробъ падне!“

На ово приклони лице свое къ нѣномъ
образу, и грознымъ га сузама преспе. Она отво-
ри очи, и слабымъ гласомъ проговори: „Я
нисамъ крива!“

„Она живи, отче!“ повиче витезъ изванъ
себе одъ радости; „она ніе умрла! О хвала
ти Боже мой, више ти благодаримъ садъ, не-

го кадъ си мене крозъ едно текъ чудо одъ смрти спасао!“ — После овога окрене се къ нъой, и рекне іой: „Поврати се само мила, дођи къ себи. Я узимамъ мою люту рѣчь натрагъ! Та нисамъ те познавао! А ко може на тебе мрзити, кон те позна!“

„Смемъ ли я то вѣровати?“ запита она, и видило се, да бы онай часъ умрла, кадъ бы чула, да се вара.

„Ево ти се я свымъ светымъ кунемъ“ стане є витезъ увѣравати, „да ти истину кажемъ; кунемъ ти се главама пріятеля, кон су мене ради у Скворнику изгнули, да те тако любимъ, као и докъ нисамъ знао, ко си; и іоштъ већма, ако є могуће, еръ садъ знамъ, да вѣрность она, коіой самъ се я дивію, мени припада!“

Она га є мило гледала и ћутила. Топла струя живота прође іой крозъ тѣло, и образи іой се опетъ руменити почву. Она обвіє руку свою око нѣговогъ врата и тихо проговори: „Исповѣдамъ ти се, као Богу, да нисамъ єдну рѣчцу о свему томъ знала, шта мой отаць

са онымъ звѣромъ у образу човека, кув. Ахъ, я самъ доста суза съ тога нѣиногъ безчовеч-ногъ дѣла пролила. Скворникъ нѣ само твое у црно завіо, ево га видишь и на мени, и я самъ се завѣтовала была, никада га несвуйи, већъ еднако смрът несрећногъ мога заручни-ка, когъ ни познала нисамъ, оплаквати. Дворъ самъ отчинъ оставила, и у самоћу отишла. Го-ре и планине были су мой свѣтъ, твой гробъ престолъ, а споменъ пратиоць крозь животъ. — И ты мене заиста іоштъ любишь?”

„Толико,“ одговори іої витезь, да тебе ради и твою отцу опраштамъ. Я самъ ми-слию, чимъ се у кралѣвину вратимъ, войску дигнути, и съ помоћу Божіомъ за нѣгово зло дѣло мачемъ и огнѣмъ наказати га. Али тебе ради я му праштамъ, а Богъ, како зна, нека му суди. А садъ айдемо къ нѣму, да ми те изъ свое руке даде, пакъ ћемо онда у Босну, да тѣшимо оне сироте тамо, кои за мене др-же, да самъ до садъ изтруліо!”

Послѣ ови рѣчи пригрли е тепло къ сво-имъ прсима; она бѣле свое руке око нѣго-

вогъ врата тесно скопча ; а старый свештеникъ , дигне руке къ небу , и рекне : „Благослови Боже ! ову свезу ; съ тугомъ се почела , нека се съ радошѣу сврши !“ На то метне свое руке на њине главе ; а више њи загрли се : любовъ , вѣра и надежда.

6. Оно, што іоштъ недостае.

Овай случай преповѣдао є старый свештеникъ свима , кои су после долазили , да мѣсто те велике несреће виде.“

„Кадъ су Стрмоглавчеви войници Скворникъ оставили,“ говорио є онъ , „онда се између толики мртвы єданъ живъ подигне , а то є было младоженя , младый Кралѣвићъ. Онъ промѣне свое хальне са одеѣомъ єдногъ мрвогъ слуге , и побѣгне у гору. Ту текъ сву несрећу види , колика є. Бѣдна судба њговы пріятеља парала му є срдце , и онъ се завѣри , да ће три године дана ту остати , и као пустиньникъ каяти се и Богу се молити за њине душе. То и учини. Нико ніе ни саняо , да у томъ смь-

реномъ пустыньку кралѣвићъ Босанскій жи-
ви, за когъ су мыслили, да е безъ сумнѣ по-
гинуо. Тражили су га истина и сами Бугари
међу мртвацы, али ко бы смео рећи, да ће
га познати, кадъ су стотипе лешева видели,
да су са свимъ измрвлѣни. Кући ніе смео я-
вити, да живи, ерѣ е знао, да онда оно сврши-
ти неће, на што се свето завѣрио. Текъ кадъ
се тры године навршило, исповѣдисе мени, и
каже се, ко е. Кадъ е непознату болѣ познао,
ніе се могао одъ нѣ растати, и заключи съ
ньомъ се вѣнчати, и као вѣнчану жену у Бо-
сну е одвести. У радости, кою бы цѣла земля
имала о томъ, што се живъ вратио, мислио е,
да се нико томе противіо небы, што имъ е
будућу кральциу одъ некралѣвскогъ рода довео.“
„Отацъ Ружице дочека Кралѣвића не
другчіе, него као да га е самъ Богъ съ неба
послао. Онъ му исповѣди, како у почетку на
зло ни помыслио ніе, већъ се и самъ радо-
вао, да ће срећу свога дѣтета и свое кра-
лѣвине утврдити. Али Стрмоглавацъ стварь
са свимъ другчіе искрене. Онъ га увѣри, да

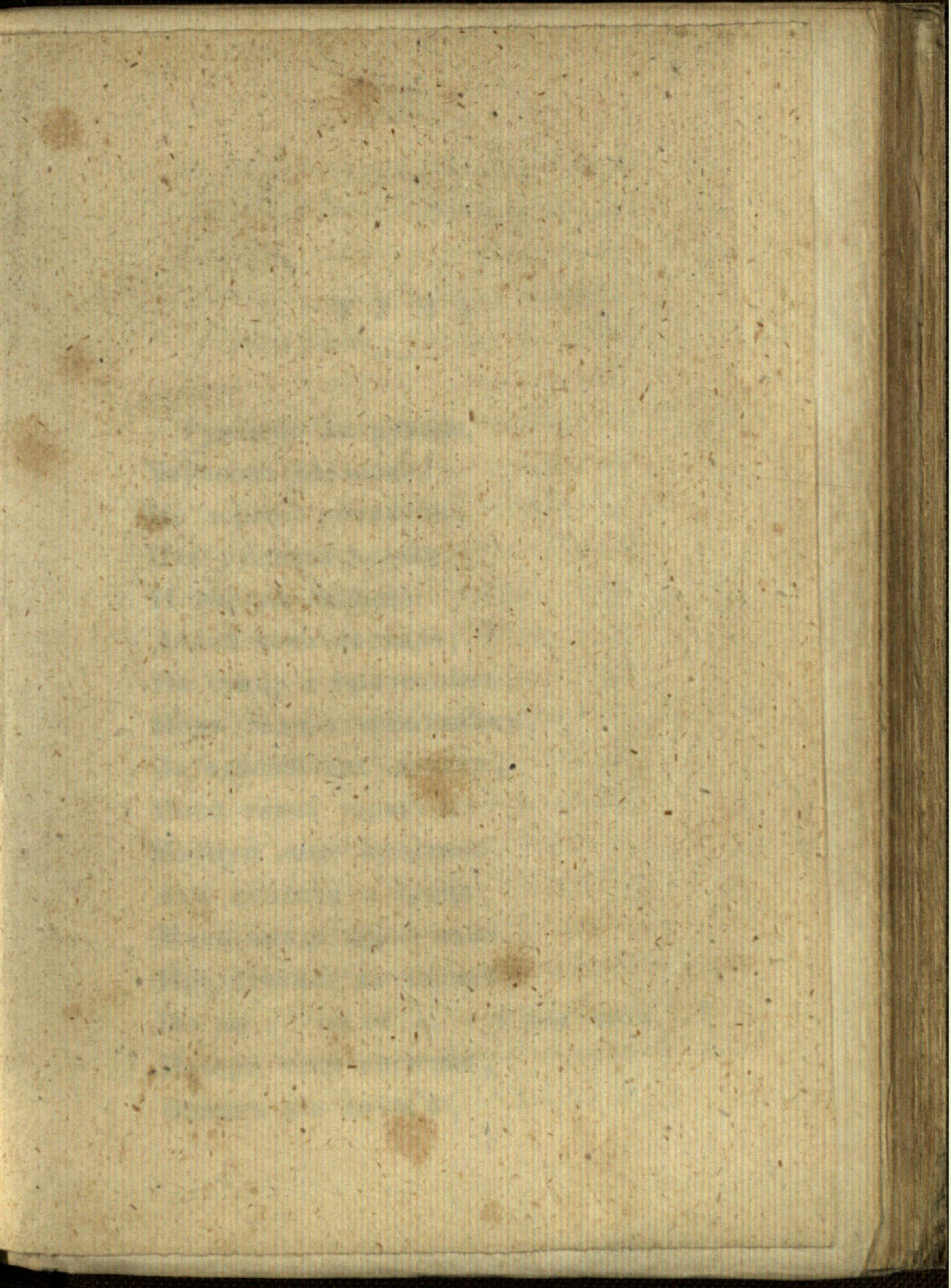
Бошняцы о невѣри раде, да ће му земљу да преотму, а о сватови ништа и да немысле. У страу и бриги преда се онъ са свимъ своје савѣтнику, и да му пуну властъ, да онъ Бошняке одъ землѣ удалѣи, како онъ зна. О таквомъ безчовечномъ начину ни мислио ніе. Гласъ, како су Бошняцы прошли, ніе нѣга манѣ поразіо, него друге. Онъ е Стрмоглавца таки одтерао одъ себе, и одъ гриже савѣсти у велику болѣтицу пао, у којој су га и онда нашли, кадъ су они къ нѣму дошли. Съ великимъ веселѣмъ даде онъ руку своје кѣри и благословъ свой кралѣвићу Босанскомъ. Двоє млади буду вѣнчани, и оду у Босну са велики дарови, гди іѣ цѣла земля съ гласомъ радости и утѣхе прими. Рана, коју су многе фамліе задобыле, была се мало залечила, и тако е свакій чисто свога рођенога видіо, кадъ су нѣга опазили “ Довде е старый свештеникъ преповѣдао; што е далѣ было, онъ ніе знао, зашто ніе дуго трајало а край цркве кодъ Скворника подигне се еданъ малый брегульчићъ са дрвенимъ крстомъ, и другій све-

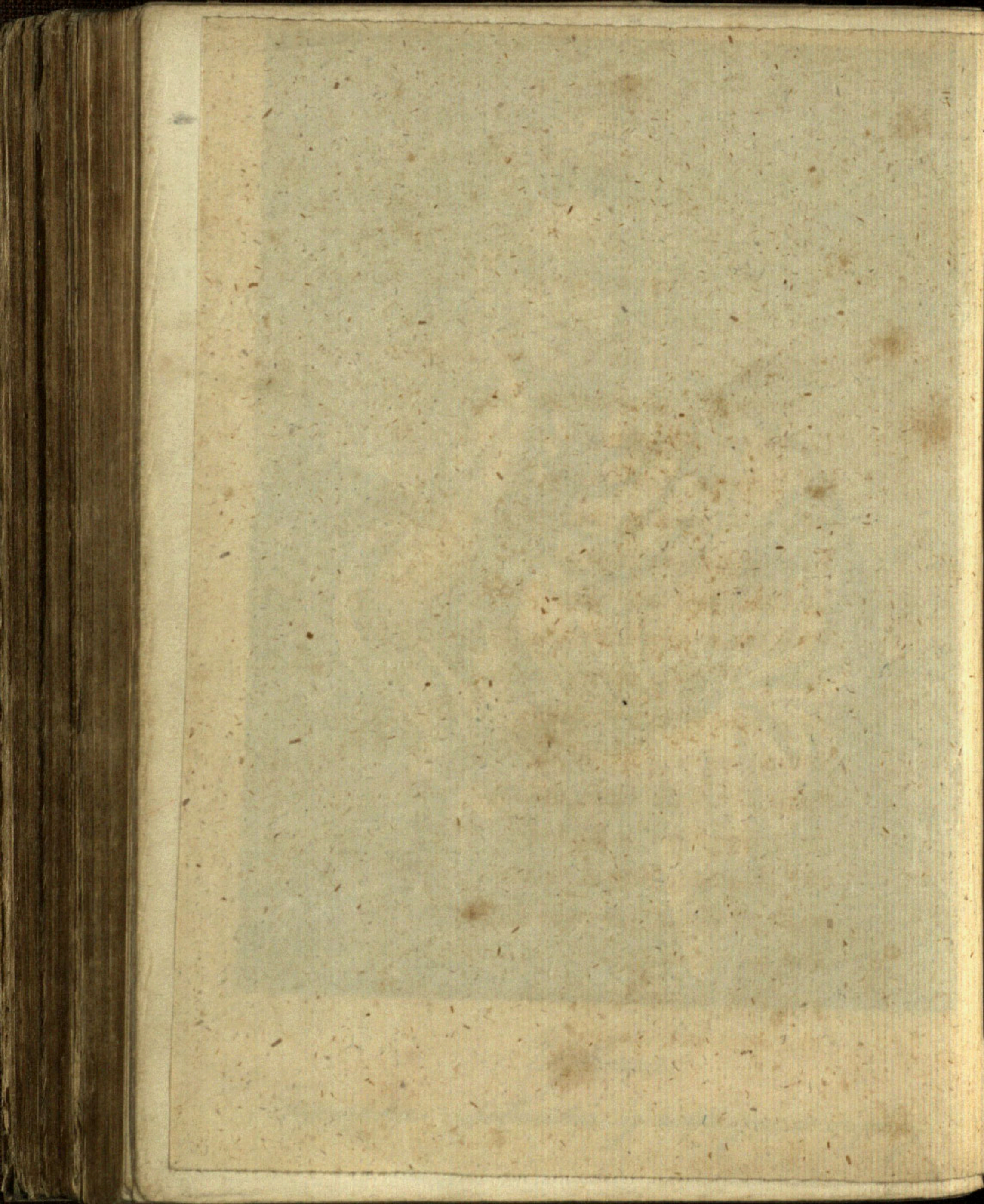
штеникъ свршвао е свете молитве у нѣго-
вой црквицы. Съ друге стране дозналисмо
мы, да е Кралѣвиѣтъ после кралѣмъ постао,
и мирно и задовольно живіо. Сваке године,
кадѣ е несреѣный онай Скворничкій данѣ о-
свануо, облачіо е онѣ свое пустиничко одѣ-
ло, а нѣгова кральица увіяла се у црно и ба-
цала е преко лица густо црно покривало,
пакѣ су се Богу за душе свои пріятеля мо-
лили!

Увенана,
Бударка девојка, у народној одбрани

Т У Б А.

Румкинiю ли румена,
Чарноока Бiелавко!
По зорици роснатоj,
Изъ ружична задаха,
И мириса любвице
Дивна мома постала;
На сунцу є пролетнѣмъ,
Подъ лахора трептанѣмъ,
За единый тих' данакъ,
Вито танка узрастла;
Найпре лице предивно,
Ахъ невинно и срдце,
Мени младу прама нъой
Представила да видимъ,
По ме . . по се л' . . у зли часъ . . ?
Позоръ таки веселый,
Олимпъ не дочек'о ,

Нит' Аморе примію,
Игда фале жарчіє,
Него тада одъ насъ двогъ.
Рукомъ любко замахну,
И я къ нъойзи прискочимъ,
Весело ми с' осмѣхне,
Обузме ме ручицамъ,
Зороведри прстићи —
Осмѣнемъ се я на ню,
Узъ прси є пригрлимъ,
Пригрливши любнемъ іе,
Изъ свегъ срдца безъ броя. —
Врати вѣрна стоструко,
Присвои ме чійнима,
Не бы болъ Купидонъ;
Мене за се улови,
Узи любви недрешни,
Обаяна с' камена.
А све за нъомъ дивотномъ,
Осимъ муке свеза ме.
Я іой стоимъ, мотримъ є,
Изванъ себе забленѣнъ,
Не бы л' є се нагледао,

Ко сунашца пролећногъ,
 Тко л' ће сјине данице,
 А лѣпоте небесне,
 Икада се нагледат',
 И безъ броя очію,
 Да узайми одкуда,
 Юштѣ Адамовъ віекъ дугъ. —
 Ріеч' даде любит' ме,
 Крозъ сву вѣчностъ моя быт'
 Мени самомъ живити.

Вѣру задамъ нѡйзи я,
 И заклетвам' стврдимо,
 Пакъ светіемъ завѣтма,
 А предъ любве Богиньомъ,
 Та любви матеромъ.

— — — — —
 — — — — —

Са тимъ већа рана є,
 На момъ срдцу раздрту:
 Вѣрна любовъ теке зна,
 Вѣроломство невѣре. . . .
 Сбогъ те любве жалостне,
 И узетя ума свог',

Ево самъ се створио
 Црнъ, опалѣнъ у яворъ,
 А на брду найвышемъ,
 Одъ свieta и плѣну;
 Свакомъ живу одгле самъ,
 На погледу првome,
 Свак' се чуди ва виекъ,
 Да шта любовь пречиня!
 „Ако л' онѣе страшило,
 Боже милый, шта ли е?
 Камень ли е ол' е врагъ,
 Оли дрво спалѣно? —
 Што л' се младо наково,
 Незелени к'о друго?
 Прилика му ни лѣпша,
 И узрастло ни друго,
 Богъ му дао што валя,
 Да се висн коликно,
 Гране шири, размеѣе
 Лишѣа пуне зеленог'
 И ноѣника лагани — “
 Дал' се прим'кне ближе ми,
 И уза ме прислухне,

Разабр'о бы шта ми є.
Изъ дна дебла шуплѣга
Срши трага неима.
У празнину свраћаю,
Сваки нагли вѣтрови;
Отле друго ненашав'
Саме яде износе,
Разно се ихъ свакуда,
Докъ однекле и къ нѡйзи,
Невѣрници Любовой!
Презревко ли твога мен'
Кадъ ме свара, ерѣ узе
Мое срдце изъ нѣдар'
Заточи га негди там'
У сретнога прсима;
Постигло те, што но мен'
За другимъ вѣнула,
К'о я чезнемъ за тобомъ.

С. Милутиновићъ

Сарайлія.

КАДЪ Є ВОДА НАЙСЛАБА?

Пріятна ли водице,
Манѣ собомъ, али алъ
За дѣвчицомъ пити те! —
Дѣвойка є смиль-кита,
Ньой на лицу якошнѣмъ,
Ружа цвѣта еднако.
Чело іой є данъ ведаръ,
И к'о лѣтний весео.
Дуга црна косица
Бѣлолици падало.
А титрало ноѣнику
Вран' очію зеница,
Небесна є даница.
Кроза ньи іой с' невица
Свету явля душица,
И види се срдца дно.
Равно, чисто, бежа зла.
С'я іой грломъ зорица.

Ведра, светла, златкаста,
Росу свраћа у нѣдра,
Ахъ ты танка девойко!
Съ прстиѣма руявнимъ,
И ноктиѣма кристалнимъ,
Райска душо, шта ли си?
А тако ти очію,
Загрли ме нѣма садъ,
Или сада ил' никадъ;
Но и никогъ другога
Осимъ мене єднога.
Акол' неѣшъ кажи мен'
Да умиремъ овай часъ,
Више за ме неима,
Подъ сунашцемъ бавленя.

С. Милутиновићъ

Сарайлія

СУПРУЖЕСКА СРЕЋА.

Тешко ти самъ лудъ я бую,
Што се нисамъ оженію,
Одъ двадесетъ іоште лѣта,
Кадъ овако лепо цвѣта,
Оженѣномъ свако цвеће,
Кое нигда увенути неће.

Као што цвѣта сада мени,
И премилой моіой жени ;
Ту є игра, ту є шала,
Ту се самномъ моя мала,
Любы, грли, по сто пута,
А іоштъ нигда ніє была люта.

Єдно сердце, єдна душа,
Єдно другогъ радо слуша,
Єдна мысли, єдна воля,
Та неможе быти боля,
Него што є моя Анна,
А моя є већъ — тры бѣла дана.

Ник. Бороєвићъ.

306

ЧЕЗНОСТЬ.

Тамо гди не ладна вода
Него медъ и млеко тече,
Разуздава докъ слобода
Вѣтрогонямъ колачъ пече.

Гди закасни руйна зора,¹
Умивати сунцемъ лице,
Да крозь прозоръ бѣлы двора,
Не пробуди скиталице.

Блѣдый мѣсець — ноћи церне
Гди разсветли зато таму,
Да тко на носъ не посрне,
Када прати сердца даму,

307

Гди се ките лѣпотнице,
По паризской тоалети,
Да су тѣломъ голубице,
А кокоши у памети.

Гди се нуди бисеръ, злато,
Свила, цвеће и — штокоѡ,
Не за друго, него зато,
Да се муве на медъ роѡ.

Гди кадила таште хвале,
Димъ се све до крова віѡ,
Да подъ штитомъ такве шале,
Сатиръ козѣ ноге кріѡ,

Па за све то гди презыре
Она таквогъ блеска луче,
А духъ Сербски подупире,
Тамо мене желя вуче.

Ник. Бороѡвићъ.

СРБСКА МАТИ.

и
дичный нѣзнь даръ.

Што одъ ове Роде желишь?
Ишти смѣло нек' ти да!
Дичногъ Срба ако л' велишь?
Да ѣе мила мати та!

И већъ сѣдећ' србски пое,
Гле! на рукам' сына Той!
И как' мила высећ' свое,
Нѣговъ прати красный пой!

„Я самъ Србинъ Любо малый,
Свагда маму любит' ѣу!“

„Свакій своимъ некъ' се хвали,
А я родомъ твоимъ ъу!“

„Я самъ Србинъ Радо малый,
Родъ мой узнет' радит' ъу!“

„Свакъ за своимъ духъ некъ' пали,
Я за твоимъ свагда ъу!“

„Я самъ Србинъ, Живко малый;
Православно живит' ъу!“

„Тко ѣе свога нек' се дальи,
Я твогъ нисамъ, нити ъу!“

„Я самъ Србинъ, Цвѣтко малый,
Србскимъ духомъ цвѣтат' ъу!“

„Тко свой жели нека мали,
Я тай радо веѣат' ъу!“

„Я самъ Србинъ, Ранко малый,
Србско име хранит' ъу!“

„Тко ће свое нека кали,
А я при мом' остат' љу!“

„Я самъ Србинъ, Воинъ малый,
Свуда слогу водит' љу!“

„Тко ню неће нек' се свали,
Но я тебе слѣдит' љу!“

„Я самъ Србинъ, Гойко малый,
Съ родомъ славу гонт' љу!“

„Тко ће свою нека дави,
Я за твоіомъ гинут' љу!“

„Я самъ Србинъ, Бранко малый,
Царскій уставъ бранит' љу!“

„Тко тай неће некъ' се спали,
А я вѣрно слушат' љу!“

Радуй с' Роде! тѣши с' лвро!
Сынъ не треба болый жаръ —

Букни сердце! яви вило,
Цѣломъ свѣту майчинъ даръ!

Србке пойте! Майке дойте!
Тимъ и сотимъ Србчадь намъ —
Тимъ Вы кѣри Роду гойте!
Тим ъ слава, дика вамъ!

А ты Листе, хитро пођи!
И понеси дара ликъ —
Свудъ' гдѣ дышу Србке дођи,
Свой да свию къ нѣму ликъ;

У Црной Гори

Г. Срдифъ.

С У З Е.

О сузице ! васъ кадъ дирне
Изъ дубльине чувства жаръ,
Онда мысли све немирне,
Срдцу чине мира кваръ !

У вама су силе байне,
Вашъ е вѣстникъ руменъ цвѣтъ ;
Вы являте дублѣ тайне,
Кое другче незна свѣтъ !

Кадъ се магла сбраногъ чела,
У средиште спусти къ вамъ,
Онда пада дажда врела,
Гине клетый срдна срамъ !

У зѣнцы с' вѣдрой блиста,
Разнолично дуге красъ! —
Ал' жалости роса чиста,
Одлакшаня носи часъ.

Ой! и моя оба ока,
Лйте суза врелый токъ —
Чувства збореѣ' предубока,
Носеѣ' туги жельный рокъ!

У Н. Саду.

Поповиѣ'.

СТАРЫЙ ГОСПОДИНЪ ПОБОЖЕВИТЬЪ

и

Млада госпођа Савета.

Старый Господинъ:

Ево жено пошта стиже

Да ви'шь шта намъ Фемка пише

Врагъ іой перу; то є дете

Знало с' чуватъ мое штете,

Одкадъ ю дадо у градъ

Оштети ме новца крадъ.

Млада госвођа Савка:

Жалостна є майка тужна,

Она мисли да є дужна

Отца свога поздравити,

Данъ рођеня честитати.

Шта те снађе кандай громъ,

Сакрушио т' цѣо домъ?

Старый Господинъ :

Поздравити? то е лепо!
 Тек' да с' ніе дугъ ваклепо?!
 Дай донесъ деръ наочари,
 Да видимо за когъ мари,
 За поздравъ ли дана могъ
 Ил' за китню стаса свогъ.

Кћи Фемка у писму :

Милый Отче! Мадам-Фрайла
 Знате моя Шпрах-Лереринъ,
 Гитармайстеръ, Клавирмайстеръ
 И Костфрау и Танцмайстеръ,
 Сви вамъ желе срећанъ часъ,
 Даб' поодл'и, моле, насъ. —

Старый Господинъ :

Давишь лепогъ ћерко моя,
 Одъ поздрава т' цепу кроя:
 Скоконоги, обртняцы,
 И немчићи ситнопрстни,
 Осушит' ће отчинъ цепъ
 Залудъ имъ е поздравъ лепъ —

Млада Г. Савета :

Яо жалостна ! шта ти мыслишь

Срамъ старости да доживишь ? !

Заръ единче да ѝ незнано

Залуду ли є благо сбрано ? !

Она мора прва быт',

А не стидомъ образъ крить.

Старый Господинъ :

Ал' іоштъ и то ніє доста,

Клете беде ! ни єдногъ прста

Макнуть неможъ нема жица ;

Колко жица толко спица,

Мого б' платит' беданъ я.

Те оправит' кола сва

Млада госпођ. Савета :

Заръ несвира Клавиръ Фемка

Заръ іой глува лепа свирка ?

Новце вади ! съ места жице,

Ма не нмо ни мрвице

Ніє мени за твой строй,

Нит' за тебе , точакъ твой —

Старый Господинъ:

Што ъу свете! зла времена,
 Скупъ е новацъ, беда жена,
 Нѣжна младежь потрошльива,
 Спольность людства примамльива,
 Па и мое ѣрке стась,
 У зао се кити часъ!

Кѣи Фемка далъ у писму:

На Берѣеву штепованъ,
 Данась ми е празднованъ,
 А свиранъ у Клавиру,
 У безгласномъ неми мыру,
 Па ни игле конца струкъ,
 Немамъ уденут' одкудъ. —

Старый Господинъ:

Е садъ гледай! ель то беда,
 Мора м' остатъ глава седа,
 Нисамъ преѣе месецъ дана,
 Посло трыестъ, знашъ, и сама,
 Одъ кудъ опетъ трошакъ тай,
 И хоѣл' му быти край.

Млада г. Савета :

Но тужна Фемке майка,
 Заръ да м' радость мане свака,
 Тежко мени! дете мое,
 Мора трпит' стыда бое!
 Ил' не! та ты морашъ дат',
 Ма ти осто го нагъ вратъ.

Хмъ! ты незнашъ та е мода!
 Да та често насъ поода,
 Ако хоѣшъ да ты Фемка,
 Воспитана доѣ ћерка,
 Плати нужде трошакъ савъ,
 Све што треба за нѣнъ шавъ.

Старый Господниъ :

Хоѣу хоѣу ман' се жено,
 Све ѣу платит' ма кудъ с' денуо,
 Ал кадъ фемка дома доѣ,
 Да невидимъ, гди ю воѣ,
 У средъ раднѣ полу дна,
 Ёъ ладу воде то некъ зна! —

Врагъ му послу зле грехоте,
 Нема младежь садъ срамоте,
 Отаць, мати дома седе,
 А ћерке имъ ко одъ беде,
 У дванайстый съ момцы сатъ
 По улица коче вратъ.

Та у мое младо време,
 За поругу срама бreme
 То е было, младежь ако,
 Безъ икаквогъ стыда лагко,
 Изванъ дома цео данъ,
 Чувства лови празанъ санъ.

Кадъ ми моя ћерка дође,
 Ако стазомъ овомъ пође,
 Пятаћу е тол' се тамо,
 Тако скупо учи само,
 И казаћу брату момъ :
 Недай ћерку туђъ у домъ.

Млада г. Савета :

Ма ты немашъ воспитаня,
 О садашнѣмъ свѣту знаня,
 Та човече, свако вече,
 Да т' допрати Фемку момче,
 То садашний иште светъ,
 Онда намъ е Фемка цветъ.

Кѣи Фемка заключава писмо :

Добрыи отче ! по два пута
 На данъ учимъ законъ Божій,
 Законъ Бога Створителя,
 Одъ свештеногъ учителя.
 О ! и нѣму плат'те што,
 Па да с' манемъ посла тогъ.

Тешко ми е у два сата,
 Треба да самъ у средъ града,
 Ту е мало и велико,
 Ту се види лице свако,
 И одатле свакии съ свомъ,
 У театри хити домъ.

Свештеникъ є у то време,
 Налагао ми Божѣ бреме,
 Па я доспет' нисамъ могла,
 Нит' с' другама равна была,
 То є тереть срдцу момъ,
 Молимъ плат'те отцу томъ!

Старый Господинъ.

Не! Не! жено! то є лепо,
 Зато с' неда новацъ слепо,
 А башъ хоѳу! тако м' свеца
 Ма колико то засеца,
 Хоѳу платит' свагда радъ, —
 Єрѣ то ніє новца крадъ.

Хоѳу! хоѳу платит' радо,
 Кадъ зашто є текъ дознадо,
 Некъ са пинѣмъ Божимъ Фемка,
 Душу пита ніє зверка,
 Веѣъ є вышнѣгъ Творца тварь,
 Некъ избегне душе кваръ.

Млада г. Савка:

Докъ е мене то бит' неће,
 Заръ намъ новаць съ неба слеће,
 Две тры вреће ниси л' лане,
 Бира дао чисте ране,
 Када овде зашто тамъ,
 Да ты плаћашъ толко самъ;

Дим. Арновлѣвићъ.

ДВОЕ СЫРОТИЦА.

(Образацъ природне истине.)

Бабо! гди е Нана, кудъ ю поца одн'о?
Ты си каз'о! ал' онъ ніе натрагъ дон'о!
Ел' Бабо! оѣел' доѣи? гле сува кика!
Кошуля свагдашня данасъ светый Ника.
Ко ће насъ очешлят', измити, обуѣи?
Друга деца чиста, а ми уздышуѣи,
За ньима гледамо. — Иди Бабо зови
Нану. Шта сакривашъ очи? доѣ' ће она,
Кадъ зазвоне само сва на цркви звона.
Као башъ и онда, кадъ су е одчели. —

* * *

Вуц' се за пеѣъ, Јово! млађаному вели
Брату старія сестра Ела; зло е Баби;
Я идемъ у село, текъ кодъ куѣе да бы

Нашла Баба Анђу, да дође да бае.
 Баби ніе добро, незнамъ како шта е.
 Ал' боланый Байко текъ рукомъ одману:
 „Поредъ мене сед'те! (па тужно уздану.)
 Нейд'те никудъ, децо! Богъ ће насъ помоћи,
 ЗовиЕло попу, у слабой самъ моћи.
 Да испунимъ законъ, а Јову нарани,
 Нека дете спава, па поручи Анни,
 Нек' са зетомъ дође, ко зна шта ће бити.“
 Оде Ела плачућ', свештеникъ съ нѣомъ хити,
 Те причести отца двои сыротница. —
 Сузомъ кану боланъ на земљицу црну,
 Децу зове; децо душа ми утрну.
 Помолте се Богу, па съ Богомъ и лезте
 На лево и десно до ме се наместе. —

* * *

Ел' Бабо! сутра ћешъ ты на гроблѣ отићи
 По Нану, па ћемо сви у цркву ићи,
 Знашъ, к'о што смо и лане о Божићу были.
 Ю, ю, ю, ю, Ело, Вожићъ бата милый;
 Айде да заснимо, де загрли Байка.
 „Богъ вамъ быо, децо, и отаць и майка!“

Рече больомъ стегнут' тугомъ срца тронуть.
Тад' се скрсте болно у загрлѣ деца —
Ноћъ се спусти, по селу в глуво доба,
Текъ една се жижкомъ светли тамна соба.
Двое деце телу рукомъ пригрлѣни,
Сане воде смишлѣн' сутрашнѣ радости.
Петли гракну, данъ одъ истока одусто.
Јова првѣи очи протре, „а я усто!
Я усто Бабо! О Бабо! устай Ёло!
Баба ћути!“ Ћути, ерѣ в мртво тѣло.

Дим. Арновлѣвићъ.

РАЗСТАНАКЪ.

Зла су слѣдства, мила Анка, што учини време,
Одкадъ грозный нашъ разстанакъ срцу даде
бреме.

Одъ то доба я немаримъ за красоту данка,
Нити Морфей мени може ноѳу дати санка.
Увинула моя младость као безъ сока цвѣће,
И никадъ се бывша мыслимъ крѣпость вратит'
неће.

Кудгодъ идемъ, стоимъ, радимъ, ил' замышлѣнъ
седимъ,

Непрестанно лица твога любке черте гледимъ.
Излази ми све предъ очи бѣдно твоѣ станѣ,
У кое си пала, чувши наше разставлянѣ.
Полумртва наслони се тад' на прси мое,
И на ньима ты с' бисерне лила сузе твоѣ.
Не иначе и я горкы суза потокъ проли,

И благомъ се Богу за насъ обое помоли,
 Да укрѣпи насъ разстанка грозно сноситъ бремя,
 И благословъ намъ свевышній изліе на теме.
 И премда насъ злоба людска садъ разставитъ
 жели,

Божіомъ вольомъ опеть бы намъ брачный вѣ-
 наць плели,

Мало затымъ кадъ одъ плача обое престасмо,
 Тадъ утѣхе мы лишени тѣшитъ се стадосмо.
 Завѣштасмо едно другомъ хранитъ вѣрность
 праву,

Докле тѣло душу има, разумъ паметъ здраву.
 Садъ одъ тебе я с' разстанемъ, садъ се опеть
 вратимъ,

Садъ ты мене къ себи зовну, да ти се обра-
 тимъ.

Полазећи бацалисмо погледе умилне,
 Докъ у кућу не униђе, ахъ судбине кивне!
 Одъ то доба умножи се туга у момъ срцу,
 И ватрене люту трпимъ любви грозницу.
 Дружелюбна наравъ моя садъ самоћу тражи,
 Ннти свирка болна чувства може да ублажи.

Надежда ме една тѣши, та ми силе дае,
Да у слабомъ тѣлу тужна душа іоштѣ ми трае,
Но ако се та на радость скоро не обрати,
Тѣло болно готово е къ земљи да с' поврати.
Тамо ћемо дакле драга ликовати вѣчно;
Ерѣ се само тамо живи блажено и срећно.

І. Поповићъ,
учитель у Нов. Саду.

ЗАГОЊЕТКЕ.

1.

Да шта ми ти, даштамъ :
 Єдна воѣка уродила
 На две гране две ябуке,
 И две сѣйне трнѣнище,
 И две руйне ягодище,
 И іоштъ на два крака
 Два камена драга. —

2.

Бѣло є — млеко нїє,
 Округло є — яє нїє,
 Гыбко є — сырѣ нїє,
 Сладко є — шеѣерѣ нїє,
 А слаѣе є одѣ шеѣера .
 (Погодте га сестре шта є?)

3.

Изъ бокала румена
 Споля и изнутра,
 Насула ми моя майка
 Нѣка пића чудновата;
 Съ една края све самъ медъ,
 А съ другога све самъ едъ. —

Милутинъ.

4.

Я самъ речца едногъ слога,
 Са три само писмена,
 Ал' зверь тѣла големога,
 И поносногъ имена.
 Одъ мене се свакій стреса,
 Кадъ се я разлютимъ,
 И правога види бѣса,
 Кадъ яросію буктимъ.
 Докъ ме нико неувреди,
 Не дирамъ я никога,
 И свакій се живый чуди,
 Што самъ срца тихога.

Ако л' ме пакъ као овакогъ
Садъ прочиташъ натрашке,
Сети бешъ се часка овогъ,
Да ме носу дѣвойке.

А то чине вальда зато,
Да одъ нѣжногъ образа,
Дальимъ комараца ято
И шкодливый летный пра.

Све ме редомъ красе бое,
А старо ме пакъ носе
Да мномя удо лице свое,
Скрию као парокомъ косе.

Ако ли ме страшну тварку
Као испрва представишъ,
Аль витнясту мою варку,
Чело главе поставишъ:

Онда бешъ се зачудити,
Кадъ ме видишъ разумна;
Аль се морашъ промучити,
Да знашъ когъ самъ племена.

ЗАГОНЕТКЕ.

(У Баранѣи кодъ девояка Ерцег - Сульошки у пудариши у планини.)

1.

Облето (т. е. лети, у лето) на ланчићу;
Обзиму на таванчићу? Пасуљч.

2.

У нашега дѣдушине
Триѣсть и тры кожушине? Кукурѣзч.

3.

Сто коня, и сто улара, кадъ еданъ лупи сви
постое? Натра, Разбой Станч.

4.

Што у горци, у полю на одной ноги стон?
Гљива.

5.

Долетише гуске безъ крыла.
 Поседаше на дрво безъ грана,
 Па одоше царице безъ зуба?

Снегъ.

6.

Мой отаць край ватре вребаць?

Ковачъ.

7.

Сѣда шума, по вѣру шупля?

Стрѣлика.

8.

Два говораше? и чѣстохъ и водъ Христоу на
 Самарина.

И два ходяше?

Сунце и Месецъ.

И дванайсть чюдяше, што два говораше?

Апостоли.

9.

Тко се родіо а ніе умро? - оцъ; а нежъ а волю

чѣмъ се окаменила.

Пословица.

Киша пада, па вели сѣди!

А вѣтаръ пири, па вели ѣрай!

НАДПИСЪ.

Младежи.

**Сва створеня Богъ покори,
Да насъ вѣрно дворе:
Но мы съ наши злы покори,
Обарамо сладке любве дворе.**

ДВА ОДГОВОРА.

I.

Онъ. Дай ми драга што си обећала:

Тры полюбца, четиръ загрляя.

Она. Стра е мене, изневерићешъ ме! —

У момака вера свакојка,

Часомъ сјае, часомъ се претав,

Кано сунце изъ густа облака;

Есте яка вера у юнака —

Докъ те люби — „Ты довека моя?“

Кадъ облюби — тадъ е друга боля.

II.

Онъ. Дѣвойчице! 'ди си была?

Она. На потоку лице мыла,

Лице мыла ноге прала.

Онъ. Зашт' и мене ниси звала?

Она. Шта бы рекла моя Мама! —

Онъ. Ни земляница небы знала,

А камоли твоя Мама. . .

НА ВРАТЫ УДАТЕ ДРАГЕ.

Ой! на овы враты,
Сви су мени златни,
Ал' е мое злато
Давно већь удато! —
Па ме срдце боле,
(Єрѣ е іоште воле)
Што і ой неизусти,
Него е упусти,
Те данаске двори,
Другогъ у дворовы,
Свога вѣрна друга;
Мени оста — — туга!!

Милутинъ.

Трунѣ

ПОСТОЯНСТВО.

Оману тебе Янко,
 На срцу т' лежа кой,
 Ком' мысли све на танко
 Ты даде, залогъ свой? —

Желѣ му сваку страну,
 И срца откри дно,
 И рѣчь му Руже даву,
 Издаде безумно;

Шта сутра смисли дѣлат',
 Латит' се пута когъ,
 Гди труда горког' предат'
 Вѣнацъ ње пуный рогъ,

Шта Павле, десна т' рука,
За тебе собира свудъ,
Неатно све искука,
Ты црну у ту грудь.

Шта тайног' посла вѣстникъ
Донесе, стварь нову,
Ты брже, него пѣсникъ,
До дна испѣва сву.

Ахъ! тавйны мыслий дѣла
Са хотньомъ како с' рву,
И то му душа смѣла
И себ' отвори сву —

А онъ те свара люто,
Невѣра изда све,
Те нужда стисну круто,
Те зло те сада тре.

Ал' опеть ты немари,
 Нити се за то кай,
 Съ тогъ срца свог' неквиари,
 Нит' му се лисцу дай!

Ты свѣтлог' ютра звѣзда
 Неба оставшь красъ;
 Онъ лютог' мрака бѣда
 Троглавный пакла пасъ.

В. Субботиѣъ.

118

ЛЮБОВИ ЖЕРТВЕ.

I.

Свуд' е лѣпо свуд' по гори —
По ньой с' Момче с' Момомъ шеће,
Кои драгой своіой збори:
„Скоро драганъ твой уиреће —

Крайни с' ово за насъ сати,
Душмани намъ силно злобу,
Но знай нећу я престати,
Любити те и у гробу!“ —

II.

Свуд' е лѣпо свуд' по гори —
По ньой Мома с' Момкомъ шеће,
Кои драгу свом' говори:
„С' тобомъ срце и мое ће, —

Кадъ су сати ово крайни —
 Сбогъ душмана што намъ злобе,
 С' драгимъ моимъ, бы-ћешъ сѣйни,
 Отвори се мрачный гробе!“ —

III.

Свуд' е лѣпо свуд' по гори —
 Момче с' Момомъ што изшета,
 Пре нег' рѣчь што проговори,
 Злоба стиже нѣи проклета.

По стреной идућ' стази
 Ловаць, стрѣлу стеже свою;
 Ля' одъ срне, — двоє спази
 Лежат' вѣрном' у покою! —

Д. Михайловићъ.

ЗАЛЮБЛѢНО ДЕВОЙЧЕ.

Уранила,
Па се потужила.

Зора зори мила,
Одъ истока вѣдра,
Ширеѣ златна крила,
И гореѣа нѣдра.

Свету, дивном' свету,
Даюѣ обликъ лепый, --
И шареном' цвету
Росу, да га крепи.

Само бѣдной мени,
Црна е и густа,
За што мой искренный,
Нелюби ми уста

Нема лице б'ло,
Пуне очи жари,
И витко му т'ло, —
Мени да озари.

Зора зори мила,
Одъ истока ведра,
Ширећ' зтатна крила,
И горећа н'дра.

Мени в'дра неће
Хай довека быти,
Драгог' нема', — свеће
Око сузе лити —

Око сузе лити,
Венут'бу у снаги,
Нит' бу в'дра быти, —
Док' недође драгій!! —

Д. Михайловичъ.

ЮНО и АПОЛЛОНЪ.

Горда Юно одну ноць намоли Юпитера, да Аполлона изъ друштва невинны Муза прогони; будући су оне и саме у станю наукама и безъ мужкога управляти.

Безъ мушкога? рече великій Богъ, и кадъ му се многе распре већь досадили, Аполлона с' Неба удали, кои буде принужденъ пастыромъ постати.

Юно своіой побѣди, а іоштъ већма возвишеню свогъ пола, радуюћисе у кругъ 9 Муза отиде. Алъ — дубока тишина обузела быше пѣсмама до сада разлегаюћій се Парнассъ.

Зашто сте тако суморне?

Клію тужнимъ проговори гласомъ: нема Аполлона!

Юно іой срдито одговори: Заръ таковы
Дѣве безъ мужкога сыти неможете?

Опетъ тужнимъ пробеседи гласомъ Клію:
Дѣвство наше нѣга нетребуе, веѣъ женска
наша слабость, и несогласіе весма изискуе,
да насъ мужкій управля. Поврати намъ, молимъ
те, поврати лепоіъ Аполлона.

Юно сажали тугуюѣе, и хитно отиде къ
мужу, и замоли га, да позове Аполлона.

Зашто? запита Юпитеръ.

Само га дозови, еръ си намъ такову у-
лію наравъ, да безъ васъ обстати неможемо.

Юпитеръ намигне: Аполлопъ се на Пар-
нассъ стави, и Музе веселимъ пѣсмама данъ
радостный празноваше.

СРЕБНЫЙ МУЖЬ.

Када с' роди сунце ярко,
Свака тварка оживи,
Разцвѣта се билъ свако,
Ружа рай намъ обнови.

Кад' ме чарногъ ока твоего,
Зракъ небесный озари;
То е мелемъ срдца моего,
То радости извори.

Среѣна себе я чувствуемъ,
Сладка душо у любви да самъ твой,
Одъ радости, сузе лиемъ,
Благословъ ти даемъ мой!

Ништ ми срећи недостае,
Имамъ оно, што любимъ!
Серца м' туга само та є:
Заштъ да вѣчно неживимъ!

ЛЮБОВЬ и ПРІЯТЕЛЬСТВО.

Любъ, любовь, Юцо такова е, као сенка
 ютреня,
 Све еднако с' умалява, докъ найпосле
 нестане,
 Пріятельство пакъ тако е, као сенка вечерня;
 Све е већа и све лепша, докъ насъ сами
 нестане,

СВЕТЬ ПО МОДИ.

Светъ Моде презире законъ на добро водеій;
 Еръ нѣму добримъ быти, већъ сада Мо-
 да нѣ.

СВЕШТЕНИКУ.

**Вышнѣга ны си слуга и слуга твогъ отече-
ства!**

**Лепшега Господства, одъ таке службе
нема.**

по маѣарскомъ Михайла Витковиѣа

Г. Витковиѣъ.

СОНЕТТО.

О лѣпотѣ драге мое мнѣніе.

Као искра сунца чиста,
Очи сѣйне очи гору,
Као кад' с'гледѣши ѣутра зору,
На устница драгой блиста.
Очараня цео видѣ е
Нѣног' красног' нѣног' тѣла, —
Душа нѣна, душа цѣла,
Невин' само еданѣ стыдѣ е.
Све красоте на нѣой цвате,
Дражестѣ горе, — срдца цепа;
Но я едно каз'ѣу брате:
Ништ' што на нѣой дражестѣ гори,
Онда она быѣ лепа,
Ако „Србскимъ рѣчма“ збори!!

Д. Михайловић.

С А Н Ъ.

Ясамъ дивный санъ сневао —
Ахъ зашт' ніе вѣчно траяо
Санъ, у комъ самъ блаженъ быо!
Зашто самъ се пробудіо!

Ясамъ видіо сву вселену,
Райском баштом претворену. —
И у башти све бы байно,
Милинама очарано;
Поточићи што падаю,
Гласъ музике сачиняо,
Сладко птица ту пѣніе
Небесне су хармоніе —
Вѣчно влада ту пролеће,
И невене нигда цвеће —
Изъ свег' цвѣћа раймайскога,
Бданъ бы цвѣтъ срца мога;

У свем' царству дивног' свѣта,
Ништа лепше одъ тог' цвѣта,
Ништа срцу мом' миліе,
Нит' бы штогодъ примамніе.
Да г' узберемъ, руку пружимъ,
Нынме душу да ублажимъ —
Ал' изъ цвѣта створи с' дѣва,
Невиђена одъ вѣкова —
Мене проби любви стрела —
Тронуть паднемъ предъ анђела,
Молимъ іой се као Богу,
Да м' услиша срца тугу!
Она нѣжну пружи руку,
И разблажи люту муку,
Полюби ме, и подиже,
Нов' ми животъ съ неба стиже!
Срце и умъ и сва чувства
Уви у чаръ свог' божества —
Мом' животу досадъ тужномъ,
Радостъ ули чашомъ пуномъ;
Потекоше часи сладки,
Часи мили и небески,
Я осећа сласти рая,

Коима никадъ нема края,
Нег' за кое кажу сласти,
Да намъ струе у вѣчности —
Блажена е судба была,
Докъ ме ѿ дѣва та любила? —
Ал' се диже люта буря,
Одъ пакленогъ чакъ одъ моря,
Потлачи се райска башта,
И анђела мога неста. —
Я се тргнемъ изъ сна сладкогъ. —
Ахъ живота зашто земногъ
Нисамъ санкомъ променіо!
Ахъ зашт' самъ се пробудіо!
Не бы жена, него Вила,
За облаке одлетила,
Срце собомъ ми однела,
Вѣчну ранну оставила,
Мен' не цвѣта више цвѣће,
Нит' ми с' враћа кадъ пролеће.
Заклео самъ се тадъ за свагда,
Любит' више нећу нигда!
Нити у сну, нит' на яви,
Докъ ми с' она не появи.

П Л А Ч Ъ

на гробу пресвѣтле велике княгинѣ

М А Р І Є,

кѣри великогъ Россіе княза

М И Х А Й Л А

у Вієнни 1846. года умерше.

Што тужним' гласомъ лавъ риче Дауніе?

Што црне ризи узима Россія? —

Што по снѣжно-бѣлимъ суморна

Мелпомене баца косу грудма? —

По лицу нѣжве зашто салива се

Бисерна суза майке? — што уздише?

Што тако грозно добрый отаць

Цвили? болѣгъ жребія достоянъ! —

Подъ ладномъ смрти рукомъ є увен'о
 Цвѣтакъ светлѣйшегъ Дома Романовогъ,
 Марія дично великогъ княза
 Чедо бѣше студена тогъ жертва! —

Зашто на златнимъ паллате да куцашъ
 Ты царске дверма? злюбива Атропосъ!
 Заръ не стрепишъ ты одъ пресилне
 Власти сѣйногъ колена Рурика? —

Полъ мира овомъ кланя се племени;
 Полъ мира нѣине славе свидѣтель є;
 Полъ мира мудрость, юначество;
 Мира полакъ величину гласи. —

Одъ сѣде далнѣгъ востока Азіе,
 До Пруске; черногъ одъ мора къ леденомъ;
 Гди сунцу западъ, гди му востокъ,
 Све є нѣино, све се съ нѣима горди.

Аль бриши сузе майко уцвѣлна!
 Марія живи; живи невиности
 Марія ангель! лѣпше лѣпша
 Судба нъойзи отечество даде —

Преплов'ши тежкогъ рѣку нещастія,
 Прешавши холме бѣдахъ; къ спасенія
 Брегу стиже, и веѣтъ подъ ногамъ
 Гледи своимъ миріяду звѣзда. —

Азова, Керча, Крима побѣдитель,
 Дидо славяновъ, Россіе до Неба
 Узвишенъ колосъ, стара майка
 Пружа чеду Катарина руке!

Великій пакъ стрыць, комъ се поклонію
 Немирный западъ; кой скружи Еола
 Блудеѣгъ по светяньи Кремла,
 Братчину Александръ люби. —

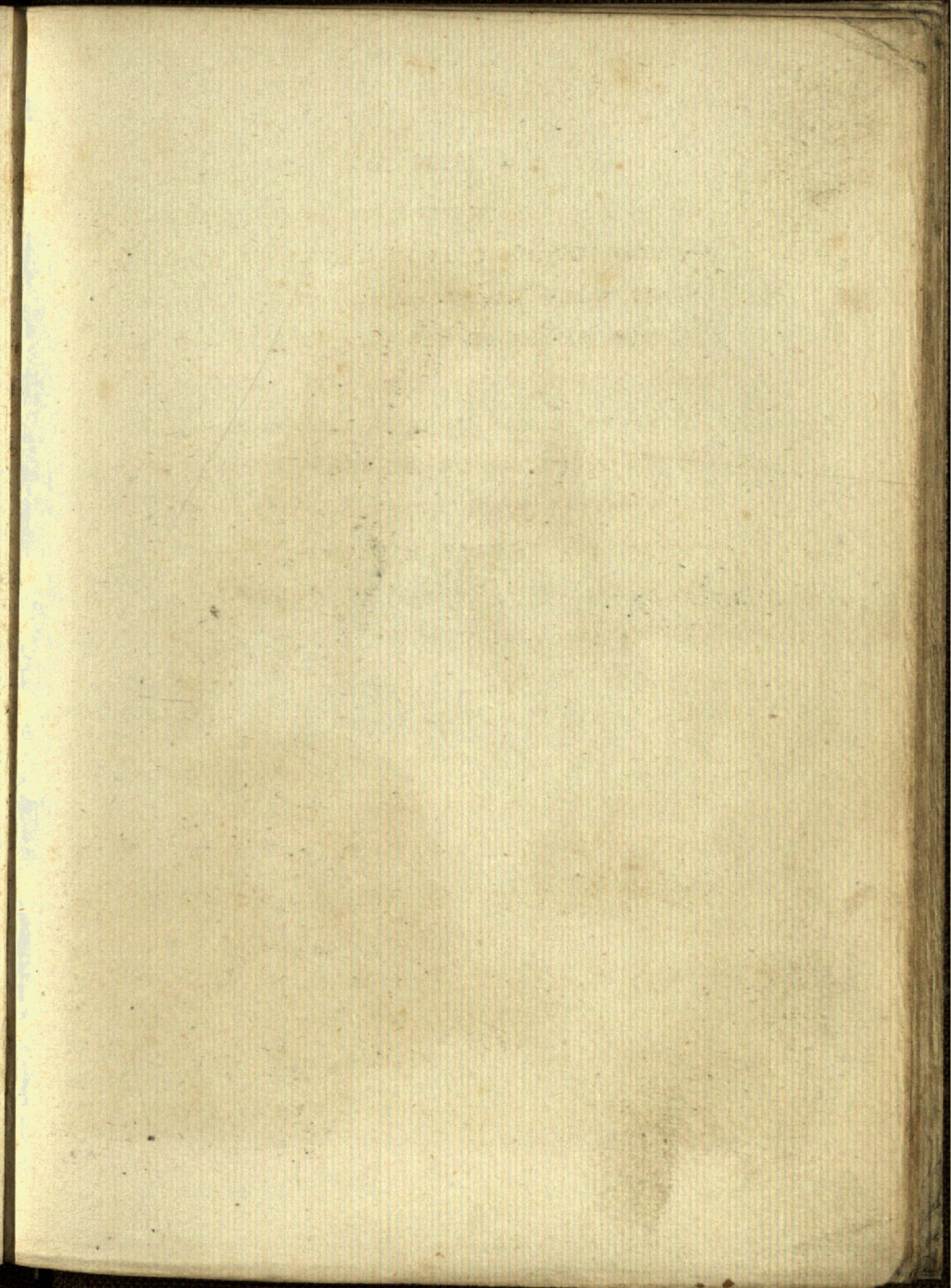
Блажене сѣни душа преселѣнихъ
У тихо царство Неба, преслушкую,
Гди дѣва росни носекъ цвѣтакъ,
Ово майки, ово збори стрыцу:

Ликуйте! — крѣпко стубъ стои Руссіе;
Темель є нѣговъ вѣра православна,
Трупъ народъ, и нѣгова храбрость,
Круна ярко Николая сунце. —

Є Л И Ц А.

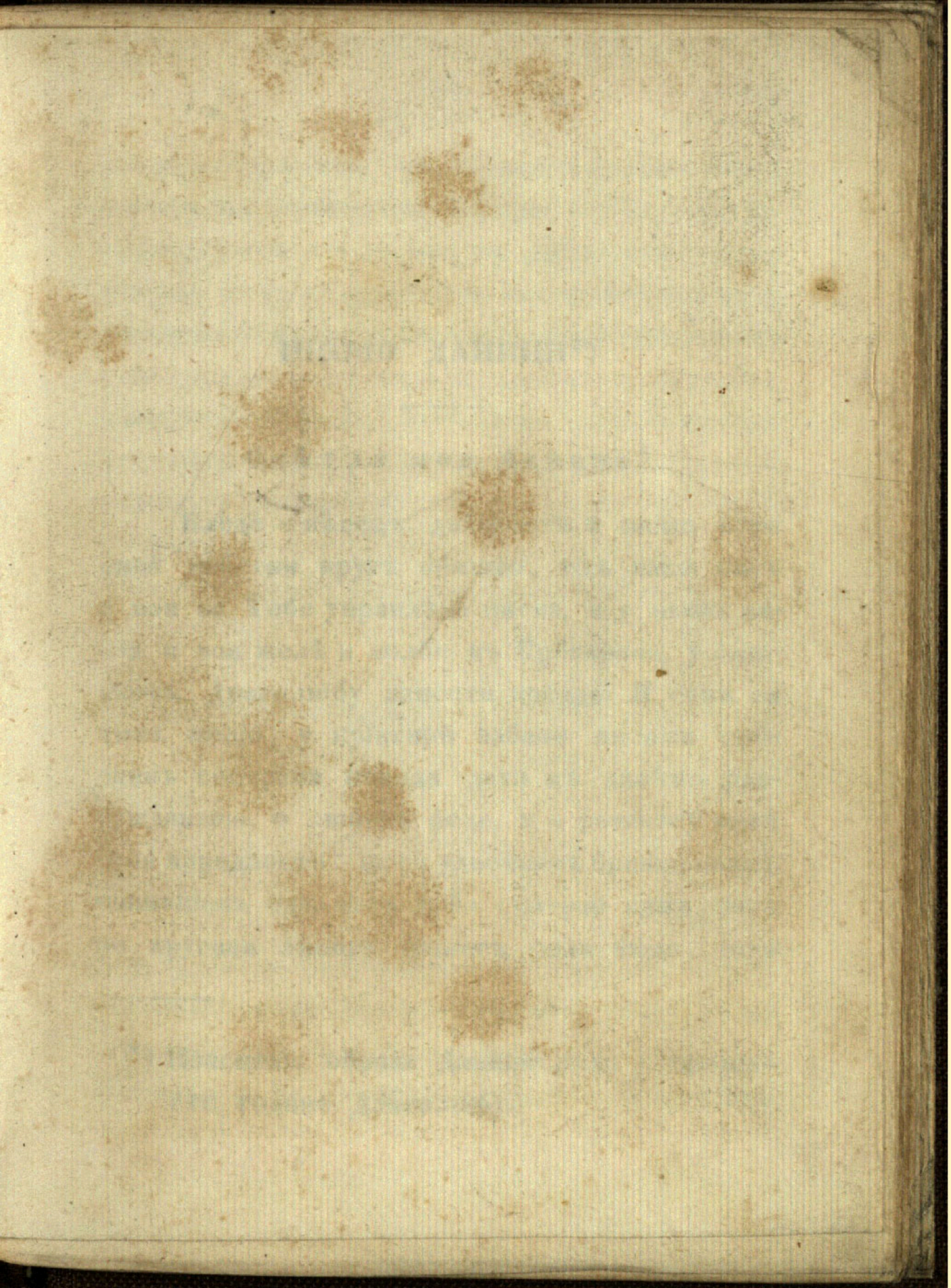
Кишица шкропи по полю
Єлица плаче неволю,
Неволю майци на крилу,
Пита ю майка старица:
„Што ти є єло, єлице,
Те плачешъ майци на крилу,
Кадъ никадъ ниси плакала,
Одкадъ те познамъ изъ мала.“ —
„Изъ златногъ, майко, прстена
Камень ми драги изкочи
Зато ти плачемъ на крилу,
Кадъ никадъ нисамъ плакала,
Одкадъ те позна изъ мала.“ —
„Неговор' тога Єлице,
Говори майци истину.“ —
Говоримъ, майко, истину,
Сва мени радость изчезну
У тужномъ моме сердашцу
Одкадъ ме хоѣшъ сдружити
Немила майко, съ немилимъ

П. Прерадовићъ.

Lascuza

ПИСМО ДАНИЦИ*)

Свѣтла моя Данице!

Бледи в мѣсець дванайстъ и више пута свой небесни кругъ обишао, одъ како самъ я моя на Тебе управлѣна писма, и у нѣма мисли и мое желѣ и молбе къ Србкнѣма, у ланьскомъ Драголюбѣ явности предао. Я самъ сатимъ желіо, у пріятной забави милимъ србскимъ сестрама повода дати къ далѣмъ разсуждаваню, о любви рода, и о развитку миле свое народности: па са удвоенимъ брижльвивимъ вниманіемъ одъ тогъ доба сматрао самъ, шта по кругови лѣпогъ нашегъ пола бѣва, шта

---

*) Изясненіе образа Данице види у проша-сте године Драголюбѣ.

србске сестре, шта любе, шта србске майке дѣлаю, да се народно воспитање кодъ породица наши удоми, да любовь къ матерномъ езикѣ живимъ у свакомъ граду и селу узбукти пламеномъ; да любки цвѣтъ народности у свакой кући, у свакомъ граду и селу, и у цѣломъ одтудъ народу прими се, разцвѣта и срећно процапти. Я нисамъ, сладка Данице себи мечтавао, да ће писма моя све то издѣйствовати, али са сокрушеногъ срдца тугомъ сваки, коме рода напредакъ на срдцу лежи, самномъ примѣтити мора, да кодъ насъ у народномъ животу у обште тако мало добра бива, а у кругу женскогъ пола, сасвимъ и башъ ништа, да онай, што садъ на све дѣйствуе, све узбуђуе, духъ времена, Србкнѣ се јоштъ коснуо, нѣи изъ дубокогъ сна равнодушности јоштъ пробудио нѣе, те да и оне обаятелнимъ народолюбѣ жаромъ запламте, да и оне по особнимъ околностима и обстоятелствама своимъ, што више за рода свога срећу и напредакъ дѣйствую. Невидимо, да су чеда своя народнимъ духомъ напоити, народно воспитати, за свету и наймилию

материну дужность узеле; да су народно књи-
жество облюбиле, да се за србске књиге о-
тимаю, и ове, ма да су одъ туђи и маловаж-
ніе, као свое, радіе читаю; невидимо, да се и
сестре Србкинѣ народнимъ вопросима радіе,
негъ икоимъ другимъ занимаю. Драголюба,
њима посвећеногъ, Србкинѣ су любовно при-
миле, али њиме се, рекли би, текъ кои часъ
само забавиле; но невидимо, да су изъ нѣга
и топле оне молбе услишале: да су Твоимъ,
свѣтла Данице! духомъ одушевљене, за милу
народность свою оживиле, да су се, ако из-
међу себе и удалѣне, у мислима и чувствова-
ніяма взаимно споразумѣле, и за развитакъ
свакогъ добра рода свога, союженимъ силама
дѣйствовати отважиле се; невидимо, да су и
по градови, а камо ли и по сели „Союзъ ро-
долюбивы Србкиня, или союзъ Драголюба
србски“ установиле, у њима завѣтъ србство-
ваня учиниле, и взаимно себи вѣру: роду ре-
внованя задале! Зашто невидимо, да миле наше
Србкинѣ, Хорваткињи оной, сочивительки лѣпе
у Драголюбу приповѣдке: „Поводкинѣ

подъ градомъ Озонломъ“, Драгоили Яр-
невићевой, одушевленіемъ за родъ и домовину
подражаваю, сестри, коя у Драголюбѣ оне
сладкозвучне стихе овако заключуе:

Јоште едну: у свакоме краю,

Гди се наши за наше е тараю

Поздравъ свима објавите многій —

Далъ — далъ у помоћъ имъ Боги!

Невидимо, да србске сестре србскомъ своје
сладкопѣвцу, Ники Бороєвићу, сладки поздравъ,
и узъ овај, ако не златно перо, а оно мили
му безсумнѣ србски даръ, својомъ рукомъ а
млетачкимъ златомъ везену кошуљу шилу; не-
видимо, да су главу пѣвца „Испитъ руже“ и
славне пѣсме „Краля Дечанскогъ“, ако не-
златнимъ (као што су Мађарке свога Часара), а
оно одъ лавора и бршљана, одъ разногъ, изъ
србски своју краєва својомъ нѣжномъ рукомъ на-
браногъ цвѣћа вѣнцемъ увѣнчале — Невидимо,
да се у свету редко чувеногъ рода благодѣте-
ля, славногъ Савве Текеліе сећаю, и сваке годи-
не одъ новопролећногъ цвѣћа безсмртія (Imor-
tellen) вѣнце на тихи му гробъ полагајући,
споменъ вѣчито му сачувати теже — Нечуе-

мо, да младомъ родолюбцу Іоанну Наки, за любовь, и примерно за разпространеніе народне просвете благодѣйствованъ, сръбскомъ рукомъ ткане иль везене ѱилимове шилу на уздаръ, као што смо видели, да су у осећаню собственогъ жара родолюбія, за родолюбіе послале племените Хорваткииъ славномъ родолюбцу Барону Кулмеру. — Напротивъ видимо, да се Србкниъ у Далмаціи, и Котору и цѣлой Истріи, туђородне, сладки нашъ матерни езикъ, и дичну народность нашу труюће Талианштине никако неодричу! У Босни и Ерцеговини, нехаю и незнаю Србкниъ за пѣсме и пѣвца „Любомирови Симпатія“ Мартића, свога брата Ерцеговца — ахъ оне еднако само цвиле подъ тежкимъ теретомъ Излама и Низама Турскогъ, свѣсти свога народа неимаюћи и сладости свое народности непознаваюћи! — У Црной Гори, црне су іоштъ еднако мисли и чувства у бѣлимъ грудма мукотрпнихъ Србкниа: нѣма еднако іоштъ само убойно оружіе сяисе, а никако зракъ просвѣте да засвѣтли, нити знаду, да изза страховити гора нѣины, іошгъ има

и више Владика србски, и неброєни светогъ православія велелѣпны цркви, да преко нѣнихъ турскопловнихъ єзера, и узкоокружни планина има рођене нѣние браће и сестара, найманъ петъ милліона, кои нѣи любе — у Срби, юнакородне Србкинъ іоштъ єднако у убиточномъ обичаю варварски земаля и времена, подносе непристойни ярамъ мужкога тиранства; оне су вѣрне любе, и нѣжне брижљиве майке, алъ с мужевн и синови недругую и неприятелюю, него се у кући своіой крію, и явни просвѣštenогъ вѣка грађански животъ недеде, оне преду и жиѣду, плеве и плету, сную и копаю, али нечитаю нѣти изъ Сборника баръ Бога молити знаю! Како є далъ са србскимъ сестрама по турскимъ, глупости и єднако траюћегъ варварства пунимъ предѣлима, болъ рећи, по шумама и земуницама, у коима живе, о просвѣти, о роду и народности и несневаюћи, то непитай Родолубе србски, ако нећешъ, да ти одговоръ срдце и душу разцѣпа! кадъ и по самой Унгаріи, гди є мађарски и нѣмачки женски полъ сваки данъ просвѣštenіи, Срб-

кинѣ, далеко натрагъ остаю, едва гди по гра-
дови читаю, туђе ѳзике болѣ негъ своимъ го-
воре и пишу, а народностю у забуни туђин-
ства, и убиточне смеше, ненародолюбиво дишу!
Свѣтла моя Данице! црне су истина ове черте
образа наше народности, аль камо среѣа да
истине нису! одъ мене, као што садъ нѣга
сузимъ окомъ гледаюћегъ никога плачевнѣгъ
нема, тако, кадъ бы се само изгледомъ, да ће
скоро яснѣи и светлѣи засѣинути, тѣшити мо-
гао, никога среѣнѣгъ было неби!

Али какви е изгледъ плода, гди ни цвѣта
нема! Како ће народностъ процвѣтати овде, гди
корена нема: гди матере, кое намъ родъ рађаю,
народности чувствомъ одушевљѣне нису. Бада-
ва е пакъ све философиранѣ: оно, што се съ
нама роди, оно, што съ майчиномъ млеко
посисамо, оно съ нама до гроба остае, оно се
цѣлогъ живота у сви наши дѣли, у свима ина-
че прибављѣнимъ свойствама появлюе. Урођене
намъ стихѣ сачиняваю темель нашегъ мышле-
ня и осеђавя, нашегъ особногъ значая ил' ка-
рактера; и ако се дае суштество народногъ

карактера опредѣлити, то ће се овај више у народной крви, више у урођенимъ, него у прибављѣнимъ народнимъ свойствама наћи. Кадъ дакле вране нигда нелегу голубове, треба народа нашегъ матере, да народнимъ духомъ живе, родолюбіемъ и чувствомъ народности да запламте, па да намъ свака Србкиня не дѣте, не само човека, него да намъ србско дѣте, Србљина, родолюбца роди, коме ће у србской крви, србска народность крозъ све жилице теѣи, и у топой любви рода и народности душу му и срце цѣлогъ живота огрезнуту држати. Незнаюћи, Слчайша Данице, како бы миловиднѣ образъ народолюбія и народности србскимъ сестрама представіо, коимъ бы чертама виспреность оны жена, коє свѣсть народности у срцу и уму носе, коє се народнимъ поносомъ найрадѣ китте, оживотворио, мой самъ мыслеобразникъ (идеалъ) у Теби представіо, и Тебе као свѣтлу небесну звѣзду Даницу Србкиняма на угледъ ставіо, да Теби као вышемъ надземномъ, а роду србскомъ благомъ Генію, у народномъ животу Србкинѣ подражаваю, же-

ліо и молю. Но како є жалостно, да се пожелателногъ подражанія тога, тако мало слѣди и трагова међу лѣпимъ нашимъ поломъ видити и чути дав! Што више, гдикое су са женскимъ и мужке главе у простоти или безумію своме, у Даницы обичну жеву и обично любовно обожаванѣ тражили. Да бы овима заслѣплѣнимъ завѣса са очію спала, нека прочитаю о мыслеобразницима слѣдуће Виландове рѣчи, коме самъ я у томе подражавао :

„Хиляду различиты образа прођу поредъ мыслеће душе, безъ да је се косну, она наипосле изнађе себи єданъ любведостойный образъ, она га себи живо представи, и у нѣга залюби се, и жели, као оно Пигмаліонъ, да бы оживіо, незнаюћи, да тай образъ свой првобытный има, коегъ се черти она само сећа. Ова ведре плаветность неба, ово балзамическо цвѣће, овай китнястый предѣль, кои при месечини почива — а іоштъ много више духовна лѣпота, као редъ, благость и доброта, невинность, тиха добродѣтель, коя не возбуждавана, неприпознавана и неподражава-

на, у средъ метежа развраћеногъ света, гласу неба вѣрна остае, — сви ови предмѣти косняваю се обадве душе на еднакъ начинъ. О чувайте се вы малене душе, кое сребролюбіе, или (гадне страсти!) похотливостъ за кратко време у еднакъ ярамъ упреже; немойте света имена любви и пріятельства обезсветити; не називайте симпатіомъ оно, што е само срамно сдруженіе, кое вы бадава именемъ любви и пріятельства покривате, као што е Леда гадно срце подъ ружицама образа свогъ сакрити хтѣла. Наслаждавайте се, мы вамъ незавидимо, вашимъ зверскимъ нагонима и увеселеніями; али и у вашимъ границама остайте, и пустите, да мы светъ у другой свѣтлости сматрамо; да мы духъ нашъ болѣ великимъ и извѣстнимъ надеждама питамо и разпространявамо, него да се у сладостима, ков ѣе хитро протѣи, разтоплявамо; да се мы болѣ божественномъ вѣромъ питамо, нежели воображеніями; да душа наша болѣ кодъ саме себе остане, нежели по небровнимъ суетнимъ положеніями и лудоріями разліе се, да мы вѣруемо,

да у толико више живимо, колико е духъ нашъ свободни и своіой собственной природи сходно све више узвышава се, и колико више оне свезе, кое духъ нашъ за ову земну стѣну привезую, раздирати можемо. Како ме често, кадъ душа моя изъ дневны забава у тихе усамлѣне сенке побѣгне, своимъ найслаћимъ мыслима прибѣгне, и съ невидимимъ предмѣтима забавляти се стане; како ме често сладко увесељава то, кадъ помыслимъ, да између духова сродства има, и да много съ моіомъ посестрени душа на земљи има, кое су може бити у овомъ часу исто, као я у усамлѣне сенке побѣгле, и еднакимъ мыслима и предмѣтима забавляю се! Онда се я у тихомъ узхићеню предамъ томъ любкомъ сну, и на крыли ума облећемъ, да те симпатетическе душе изнаћемъ, и свакогъ стая, у комъ се коя налази, участникъ будемъ. Може бити, помыслимъ, ова тужи за пріятелѣмъ, коме бы срце свое повѣрително открыти смѣла, кои бы нѣна осећаня разумео, и нѣой онако, како іой е нужно, совѣтовати могао; може бити, да в другой не-

искусной, али доброй души, поученіе нужно ; трећа, коя хоће да поклизне, помоћи ; четврта, коя е погружена, опоминанія треба. Тако я себи различита обстоятелства, у коима се садъ мои найближи и прави сродници налазе, представимъ, пакъ пунъ пріятельства размышлявамъ, како љу ій поучити или развеселити, како љу ій утѣшити или укрепити, каштиговати или праведномъ похваломъ наградити. Пакъ онда те мысли побележимъ, и срце мое налази у томъ сладко задовольство, са своимъ отсутвующимъ разговарати се, и увеселеніе оно, кое я у тайнимъ тимъ разговорима налазимъ, и њима сообштити.

Примите дакле вы любезне душе, кое се мене више него сви други люди тичете (за кои већу часть друга любовь кромъ сожаленія не могућа), примите ова опоминанія и утѣшенія одъ вашегъ пріятеля, кои се нада васъ све у другомъ болѣмъ свету око себе скуплѣне видити. Вы само разумете ове листове, вы ћете само овай говоръ познавати и чувствовати, и у вашимъ ће само срцама симпатетическа осећаня моимъ отговарати.“

Али има, Возлюблѣна Данице моя, и што болѣимъ душама на сладку утѣху служити може; има много одъ Србаля и милихъ Србкиня, коѣ су право существо Данице познале, писма на ню управлѣна разумеле и вниманія удостоиле, па и цѣль и намѣреніе овогъ да се достигне, у своме кругу дѣлати и дѣйствовати озбиљно себи предузеле. Да ставимо овдѣ лѣпе знаке тога, у писмама, каковы самъ у смотренію Драголюба, Данице, и нѣойзи писаны писама одъ гдикого Срба и Србкинѣ примити срећанъ быо, и коя читати, и другима мыслимъ да неће немило быти.

Драгій Пріятелю!

Јоштъ у милогъ дѣтинства времену, и кадъ смо у школама друговали, показивао си ми знаке твое искренне любви и пріятельства; па кадъ се садъ свега оногъ сетимъ, сладко ми пада, што самъ ти за любовь и братство оно любовь свагда враћао онда баремъ, кадъ сада ево жалити морамъ, што ти ни чимъ при-

теѣни немогу у дѣланю Твое; ерѣ нити самъ изучіо доста, да бы ученимѣ прилозима Нар. Листѣ или лѣпогѣ, прелѣпогѣ Драголюба нашегѣ красити могао; нити самъ се обогатио, да осимѣ за мене єдногѣ, барѣ 100 экземпляра Новина наши предплатити могу, па да іѣ даємѣ людма и дѣци по сокаци. Но све было бы како тако; али ево одѣ Любе мое горкогѣ укора, зашто ю нисамѣ меѣу Основательке Драголюба уписао; и кадѣ самъ іоѣ узрокѣ казао, стаде друге жнце дирати: зашто нисамѣ у Драголюба онаке стихове послао, као они у Н. Листу 1845, што самѣ писао, докѣ самъ ню примаміо и одѣ майке кое изпѣвао, кое изплакао. Она незна сирота, да свакиѣ залюблѣнѣ одма и поетизира, а кадѣ се ожени, са бракомѣ заедно и у прозу ступи; и мени несамо да стихови на паметъ непадаю, него садѣ текѣ видимѣ, да ни они онда правлѣни ништа неваляду. Но Люба моя при свемѣ томѣ добро ме ономинѣ; я самѣ Теби ипакѣ, што си ми у оно доба пѣсме и запѣвке печатао, много дужанѣ; ерѣ како бы я онда онолнкимѣ мысли и осеѣаня

буряма одолѣо и души олакшао, да таласи нису у онимъ стиховима, као у ситни поточићи одливъ налазили? Како бы съ удалѣномъ овда Любомъ я сладко се договарати могао, да ми Н. Листъ за голубію пошту служіо ніе? Како ли бы се майка и браћа нѣна ню мени дати склонила, да нису у стиховима опимъ, као у огнѣвитой таблици читали, да я безъ нѣ быти и живити немогу. Богу дакле и стиховима, па и Теби хвала! Я самъ Любу мою добио и загрліо, и садъ самъ съ ньоме срећанъ пресрећанъ. Да ми пакъ вѣруешъ, да съ ньоме срећанъ быти морамъ, знай, да е Люба моя, ако не лѣпа и величествена као Твоя Даница, а она е на ню, као добра и лѣпа кѣрка на майку, наликъ, и да е права Драголюба Србкнѣя стасомъ и пасомъ, душомъ и срцемъ! коя ме србски негуе, србски псуе, и србски толико већъ собори и говори, да ми се чини, мора ће друге езыке сасвимъ заборавити. Видишъ дакле, какво си ми благо печатанімъ онимъ стиховима добыти помогао, за кое све, ако Ти у Драголюба и Листъ изъ предреченогъ узрока сти-

хове и нешилѣмъ, али ѣу ти, докъ првый путъ у госте доѣмъ, ѣерку као голюбче умиляту довести, кою майка јоштъ садъ, текъ што е ногомъ пошла, веѣъ пѣвати учи: Я самъ млада Србкinya, и коя ѣе изъ писама Данице, ако ништа друго, безсумнѣ именовъ се србскимъ закляти научити.

Здравствуй и дѣлай на радость

Твога

старогъ пріятеля

Б.

Любезни Павловићъ!

Давасъ е осамъ дана како смо у наше мало село дошли. Немогу описати, како ми е све мило овде, како съ радостнимъ погледима свако јутро изъ наше башче са брежуљка видимъ читаво море зелены ливада и богаты ныва! Како се детински радуемъ кадъ

погледимъ гди се сунце, чиними се, изза нашегъ винограда рађа, а највише како самъ съ моимъ П. задовольна и срећна! И како небы была, кадъ ми се чини, ако не одъ свию, за цело одъ многомноги болъи и паметни да е мужъ мой толко, да бы зато већъ имала бояти-ее, да ће ме почети, незнамъ како се зове србски Eifersucht*) мучити. Мой П. е отицао юче посѣтити брата свога, и я самъ му казала, да љу писати Вама, пакъ ми е строго наложио, да Вамъ и одъ нѣга као и одъ мене сто поздрава и сто полюбациа пошлѣмъ. Но ове одъ чистогъ срдца полюбце примите и за любовь вашу къ мени и моме П., али највећу часть примите, што сте намъ овако лепъ Забавникъ Драголюба издали, и мени еданъ на даръ послали. Ако е слободно по себи судити, я мислимъ, да ћете и вы, и сви, што су у нѣму писали, одъ сваке србкинѣ тако люблѣни бити, тако е све лепо, а најлепше што све е за срб-

---

*) ревнивость, люборевнивость?

ске кѣри, па све тако сладко написано. Я самъ свагда рѣдо читала Алманахе, и видила самъ и читала самъ многе немачке и Французке и талиянске, па безъ комплимента могу вамъ казати, да ми є Драголюбъ найдражін. Како є лепа Мара Бранковићъ по лицу и по срцу; я немогу, да є се доста нагледимъ, и садъ ме текъ срдце привлачи, да читамъ Исторію народа Србскогъ, у комъ су се овако благородне кѣри родиле, да се све србкинѣ заиста попросити можемо, премда мой П. све ме тера, да јошъ више пута прочитамъ онај преполезанъ и лепъ преводъ „Домаћица.“ Ви сте намъ много поела начинили, што сте Даницу башъ съ неба скинули, па хоћете, да онаке све србкинѣ на земљи буду, а мени се чини, да ће доста одъ насъ быти, ако се нѣой само приближимо. Писма Даници више смо пути са сестромъ мојомъ читали, и најболѣ намъ се допало, гди сте сами признали, да ни су саме србкинѣ криве, него и наша списательни, што нема кодъ женскогъ нашегъ пола толико одушевленія за народность, колико бы имати дужне были. Вама

на радость нека служи, што можете увѣрени
быти, да коя годъ сръбкня прочита писма Да-
ници, да ће одма више него макаръ кои други на-
родъ любити родъ свой, да ће радіе и гозорити
и читати и певати сръбски, него макаръ коимъ
другимъ ѳзикомъ, и ако сваку сръбкню ваше
у тимъ писмама заклетве тако у срце дирну,
као мене и сестру мою, онда знайте, да ћете мно-
до имати апостола жевски, кое бы готове были
по сръбскомъ свету поћи и све, што є за нашъ
родъ и народность, за наше и мужко и жен-
ско просвѣщеніе и за похвалу нашегъ име-
на добро и нужно, макаръ съ каквомъ жер-
твомъ, чинити. Кадъ бы мой П. кодъ куће быо.
да онъ шта вамъ пишемъ, прочита, іоштъ бы
више и башъ одъ срдца сестрински писала,
а овако морамъ престати, да ми ово недобіе
цео изгледъ писма любовногъ, него увѣрите се, да
ће и любовь и почитаніе мое къ вама свагда
остати топло и искренно, и да я ништа тако
нежелимъ, него кэдъ бы могла називати се

Ваша

Даница.

Овака чувствованія, овако живе ревности пуно одушевленіе за народно благо и народность желилисмо и Бога молили, да сваке србске кѣри груди пробіе и проникне, да тако лѣпша она полутина рода нашегъ, чародѣйнимъ своимъ силама за народный развитакъ и напредакъ дѣйствовати почне еданпутъ и нигда не престане. Но да тако слабо и мало сестре Србкинѣ рода свога желяма одзиваю се, и своимъ богоналоженимъ и лѣпимъ дужностима іюштъ неодговараю, хоѣмо ли очаяти? Не, сладчайша Данице, очаяти неѣмо, него ѣмо, макаръ да насъ она много пути любко вара, и далѣ вѣровати сладкой надежди, коя насъ умилно тѣши, да ѣе се србске кѣри безславногъ дремежа скоро опростити, да ѣе пронизателнимъ лѣпимъ очима, шта имъ странны народа друуге по близкомъ и далекомъ свѣту за свой народъ раде, увидити, па и оне за свой србскій родъ, коєга су оне найдичніе гранцице, све оно чинити и дѣйствовати, што ѣе нѣма на поносъ, а роду на честь и славу, и свако добро служити; мы ѣмо се не само падати, него

и поуздано очекивати, да ће браћа србска, највише србски списатељи, сестре у србствовању и народо-ревнованю подстрекавати и руководити. М. Видаковића, одъ Србкѣнѣ нѣгда тако радо читани Романи обветшали су, и са уборны астала сестара наши нестали: нѣ ли срамота за послѣ нѣга млађе и новіе списателѣ србске, да ни єданъ романтичне приповѣдке, Новелле, каковы кодъ Нѣмаца и Мађарату видимо, и нико, ни єдногъ честитогъ, времену, Исторіи и садашнѣмъ народномъ нашемъ исканю и требованю сходногъ Романа, или друге, за женскій полъ понятне и пріятне књижице написати неуме или неће, како бы имъ се воля читаню побудила, душа одъ тежкогъ сна незнанства разабрала, срце имъ за своіомъ народностю се разиграло, и духъ небеснимъ полетомъ за образованіемъ и просвѣщеніемъ смѣло полетіо! Мы се дакле нећемо само надати, него поуздано очекивати, да ће србски списатељи вниманіе на лѣпый полъ нашъ обратити, и одъ садъ више, него досадъ, за душевну сестара раану постарати се, више имъ забавны, по-

учителны, духомъ народности дисаюћи списанія свои до руке доставляти.

Ты ћешъ пакъ, Сладчайша Данице, као благій рода мога Геніи, надъ милимъ Србкињама невидимо лебдити, одъ колевке имъ іоште любовь къ роду своме у душу и срце уливати; ты ћешъ ихъ по клизавой стази овогъ живота нѣжно предводити и одушевлявати, да свака, коя е као нѣжна сестра брата одржала, родолюбца роду одржи, свака као вѣрна любасъ другомъ и супругомъ своимъ, осимъ свію, и дужности спрама рода свога вѣрно подели, да све Србкинѣ, као родолюбиве и юнакородне майке, рађаю и одранюю на ползу и подпору, на честь и славу имена и рода србскогъ сынове србске, кои ће у любви къ роду словомъ и дѣломъ, и животомъ нѣму вѣрно предани остати, као што чистомъ безпредѣльномъ любовомъ я Теби до вѣка преданъ остаемъ.

Ө. П.

Друга Даница

Друга два іоштъ писма Даници, сбогъ изненада, и у невреме умножены прилога оставит'ћемо за слѣдуюће год. Драголюбъ.

ИМЕНА ГГ. ПРЕНУМЕРАНТА:

БЕОГРАДЪ (у Сербіи.)

Сіятелна Господична кћи Нѣгове Свѣтлости Княза Александра Караѳорѣевича Полексія. 3.

Сіятелна Господична кћи Нѣгове Свѣтлости Княза Александра Караѳорѣевича Клеопатра 3.

Попечитель Внутренны Дѣла, Полковникъ, Кавалѣръ, Илія М. Гарашанинъ. 2.

Помоѣникъ Попечительства Внутренны Дѣла, Подполковникъ, Радованъ П. Дамяновичъ. 1.

I. Столовачалникъ Попечительства
Внутренны Дѣла Тома Живановићъ. 1.

II. Столоначалникъ Попечительства
Внутренны Дѣла Александеръ Ристићъ. 1.

Канцелиста Попечительства Внутренны
Дѣла Павле А. Трифковићъ. 1.

Практикантъ Попечительства Внутренны
Дѣла Миланъ Ђ. Стойчевићъ Поцераць. 1.

Практикантъ Попечительства Внутре-
ны Дѣла Атанасіе П. Милойковићъ. 1.

Практикантъ Попечительства Внутре-
ы Дѣла Владимиръ Спасићъ. 1.

Директоръ Княжеске и Попечител-
ства Иностранны Дѣла Канцеларіе, Кавал-
лѣръ, Алекса Янковићъ. 1.

I. Секретаръ Княжеске и Попечи-
тельства иностранни дѣла канцелларіе,
Кавалѣръ, Тимотиѣ Кнежевићъ. 1.

Секретаръ Агенціе Србске у Паригра-
ду Константинъ Николаѣвићъ. 1.

Практикантъ Попечительства Иностран-
ны Дѣла Димитріе А. Јовановићъ. 1.

Маіоръ и Ађутантъ Княжескій К. Пля-
кићъ. 1.

Штабс-Капетанъ и Ађутанъ Княже-
скій Василіе Гарашанинъ. 1.

Поручикъ и Ађутантъ Княжескій. Ми-
лвое Петровићъ. 1.

Попечитель Правосудія и Просвѣште-
нія, Полковникъ, Кавалѣръ, Паунъ Янковићъ. 1.

Протоколиста Попечительства Просвѣ-
štenія Димитріе Симићъ. 1.

Архиваръ Попечительства Просвѣште-
нія Михаилъ Радивоєвићъ, за кѣрь свою
Драгиню. 1.

Архиваръ и Регистраторъ Попечител-
ства Правосудія Милутинъ Поповићъ, за
кѣрь свою Милеву, 1.

Командиръ II. баталіона пѣх. Гарни-
зонне Войске Маіоръ, Риста Теодоровићъ. 1.

Казначей и Рачуноводитель главногъ
военногъ Штаба, Штабс-Капетанъ Я. Зн-
сићъ 1.

Коммандиръ П. Ротте, I. Баталіона
Штабсъ-капетанъ М. Спасоевићъ. 1.

Поднаредникъ и Писаръ П. Баталіона
Міяйло Стояновићъ. 1.

Членъ Совѣта, Подполковникъ Стеванъ
Марковићъ за вѣрть Ленку. 1.

Свега 30. кнѣ.

Высокоблагородна ГГ. Стефанъ Стефа-
новићъ Вице Президентъ Совѣта, Генералъ
Маіоръ, Кавалѣръ. Милсавъ Здравковићъ
Членъ Совѣта, Полковникъ, Кавалѣръ. Сте-
фанъ Стояновићъ, Членъ Совѣта, Полковникъ
Кавалѣръ. Петаръ Лазаревићъ, Членъ Совѣ-
та, Полковникъ, Кавалѣръ. Милутинъ Петро-
вићъ Членъ Совѣта, Полковникъ, Кавалѣръ.
Бѣремъ Иенадовићъ, Членъ Совѣта, Подпол-
ковникъ, Лаза Зубанъ, Членъ Совѣта. Илія
Новаковићъ Членъ Совѣта, Подполковникъ за
сына Петра. Стоянъ Лешчанинъ Членъ Совѣ-
та, Маіоръ. Благородный ГГ. Алекса Бурићъ
Столоначалникъ Совѣта. Димитріе Јокићъ I.
Рачуноводитель при Попечителству Финанціе,

Симеонъ Весовићъ Столоначалникъ главне контроле за кѣри свое. Госпоя Персида І. Мариновићъ. Благород. ГГ. Никола Јоксићъ Архиваръ и Регистраторъ Совѣта. Коста Сре-теновићъ практикантъ гл. контроле. Василіе Божићъ Рудокопачъ. Миланъ Д. Давидовићъ. Столоначалникъ Оддѣленія Казначейства у По-печ. Финанціе. Павле А. Поповићъ Секретаръ. Совѣта. Никола Христићъ Столоначалникъ Княжеске Канцеларіе. Миланъ Антоновићъ на І. и ІІ. часть. Петар Радовановићъ Директоръ Школа. Госпоя Катарина Е- Вукайловића. Го-споя Варвара Н. Стояновићъ. Благород. ГГ. Павле Илинъ Правителственни Апотекаръ Димитріе Авраамовићъ живописаць 2. кнѣге. Андрија Стаменковићъ Секретаръ Суда Окру-жія Београдскогъ на І. и ІІ. часть, Яковъ Дим-шићъ Секретаръ Апеллаціоногъ Суда, Го-сподична Катарина Я. Кумануди. Благород. Го-спод. Борђе Нинићъ Канцелиста Княжеске и Попечит. Иностранни Дѣла Канцеларіе. По-штенородни Господаръ Чика за Сыновицу свою Х. Оома. Борђе Н. Теодоровићъ сло-воливаць у Пешти.

ВЕЛ. БЕЧКЕРЕКЪ.

ГГ. Данійль Станчъ Парохъ. Іоаннъ Баккаловићъ Свештено-діаконъ, и гімназіалный катихета. Благор. ГГ. и Госпоже. Стефанъ Вуковъ Адвок. варош. Вішк. и сл. Торонт. међе присѣд. Даніилъ Закичъ Адвокатъ за супругу Анну. Несторъ Дмитрієвићъ трговаць. Ааронъ Пенчъ трг. за супр. Екатерину и кћерь Анну. Александеръ Славнићъ за супр. Марію. Теодоръ Милетићъ за кћерь. Юліану. — Исаин Поповићъ за кћерь Екатерину. Іоаннъ Лукићъ.
10 кнъ.

ДУБРОВНИКЪ (у Далмаціи).

Госпое: Катарина Николаєвићъ, Протиница;
Милена Бароница Шлойснигъ, рођ. Гагићъ.

КАРЛОВАЦЪ (у Хорватской.)

Г. Александеръ Поповићъ словослагатель у Пешти за себе и свою сестру господичну Ангелину Поповићъ.
2 кнъ.

НОВИСАДЪ.

Скуплѣни одъ поштенород. Г. Петра Михайла
Райковића,

Благордне Роспоже : Марія отъ Іоанно-
вићъ рожд. Гавански, Єлена отъ Ненадовићъ
рожд. Сузанъ, Поштенородне Госпоже : Ева
Радуловићъ рожд. Калићъ, Єлена Радуловићъ
рожд. Костићъ, Екатерина М. Поповићъ рожд.
Лубурићъ за сына Курила, Емилија Калићъ
рожд. Іоанновићъ, Ефумія Шилићъ рожд. Св-
моновићъ, Господичне : Софія Секулићъ, Юліа-
на Димитриєвићъ, Анастасія Новаковићъ.

10 кнѣ.

ОГУЛИНЪ.

Высокород. Г. Стефанъ Шупльикацъ отъ
Витезъ, ц. к. Оберстарт, Кавалѣръ кр. Фран-
цузскогъ ордена честногъ полка, и кр. Сак-
сонскогъ ордена за гражданске заслуге Бл. Г.
Радославъ отъ Тербоєвићъ капетанъ, Никола
отъ Бунѣвацъ, Іово Бупчићъ, Іосифъ Кали-
нићъ капет. І. Рачуноводитель, Петаръ Латасъ

оберлайтнантъ Ађутантъ, Никола Бороєвићъ
оберлайт. одъ управит. Доктр. Алекс. Тодо-
ровићъ лайт. одъ управит., Илія Храниловићъ
практ. одъ управ. 9. кнь.

ГОМИРЪ у Огул. рег.

Благ. Г. Михаилъ Чокеша лайтнантъ. 1 к.

БРИНЪ у Огул. рег.

Благ. Г. Јово Михановићъ лайтн. одъ у-
правит., Госпоя Елисавета Поповићъ 2 к.

ДРЕЖНИКЪ у Огул. рег.

Благ. Г. Борђе Микашиновићъ. 1 к.

КРИВИ ПУТЬ у Огул. рег.

Благ. Г. Михаилъ Кайганићъ. 1 кнь.

—
ОТОЧАЦЪ.

Благ. Г. Марко Крестићъ капет. первы
Аудиторъ. Јово Радосавлѣвићъ, Обрлайтнантъ
Аудиторъ. — Поштенород. ГГ. Стево Ма-
шићъ,

Марко Ракићъ , Михаиљъ Димовићъ , трговцы
Александеръ Терпковъ терг. помоћникъ 6 к.

ВЕРХОВИНЕ у Оточкой рег.

Поштенород. Г. Михаиљъ Делићъ тер-
говацъ, 1 кнь.

ГОСПИТЬ.

Высок. Благ. Г. Будиславъ одъ Будиса-
влѣвићъ ц. к. Оберстлайтнантъ. Благ. Г. Ми-
халъ Заставниковићъ капетанъ. Симеонъ Кер-
нићъ, Лайтнантъ одъ Управителства. Поштр.
ГГ. Никола Ристовићъ , Гавро Милеуснићъ
трговцы. 4. квь

РУМА.

Пречестнѣйша Господа: Даниилъ Петро-
вићъ АЕМ. конст и сл. Срем. вармеђе При-
сѣдатель, Станимиръ Крстићъ АЕМ. конс. и
слав. Срем. варм. присѣдатель за унуке Екате-
рину и Софію. Пошт. Госпожа Елисавета су-
пруга Адама Моловића и роха, Благор. Г. Све-

тозаръ Николаевићъ Адвокатъ, Пошт. Г. Дмитріе отъ Младеновићъ, Іоакимъ Войновићъ за кћерь Єленну, Николай Чаркачићъ за кћери Милицу и Христину, Арсеній Николићъ за кћерь Елисавету, Михаильт Михайловићъ за кћерь Анну, Милошъ Матићъ трговцы. Василій Миловановићъ, Лука Марковићъ трговачки калфе.

11 кнь.

РЪКА (Фіюма).

Благ. Госпоя Софія Рашевићъ рођена Сукнаићъ.

1 кнь.

СЕНЬ.

Поштр. ГГ. Борђе Милеуснићъ великокупаць, Лазаръ Рашевићъ, Ісакъ Милеуснићъ трговцы.

3 кнь.

СОМБОРЪ.

Димитрій Папхазій Адвокатъ и Чанадске међе Ассессоръ за кћерь Александру. 1 к.

ТРИЄСТЪ.

Благор. Г. Єлена одъ Стоичевићъ рођена
Ђирковићъ. Г. Евгенија Теодоровићъ рођ. отъ
Стойчевићъ, Г. Катарина Метике рођ. Топче-
вићъ, Г. Лаура Ђирковићъ рођ. отъ Дамас-
кинъ, Гдчна Єлена Милидраговићъ, Г. Ката-
рина Вуковићъ, Г. Аделаиде Квекићъ. Г. Ка-
тарина Рађенковићъ, Емме отъ Дамаскинъ. Г.
Цвiетковићъ. Господ. Дим. Владисавлѣвићъ.

12 кнѣ.

ТЕМИШВАРЪ.

ГГ. Преч. Стефанъ Михаиловићъ, Прото-
діаконъ и конс. Нотарій, Ассес. Варм. Темиш.
Никола Маленица отъ Стаморе, Ассес., Ан-
тоній Дамаскин отъ Немета, Ассес., Симеон
Дамаскинъ отъ Немета, Ассес., Софроній Гру-
ићъ, Аркадій Пенчъ, избр. гражд., Теодоръ
Нягулъ, избр. гражд., Іоаннъ Поповичъ, тр-
говачкiй Спомошникъ.

7 кнѣ.

ДОЦНІИ ПРЕДПЛАТНИЦИ.

АРАДЪ.

Благород. ГГ. Гаврилъ Янковићъ, Сенаторъ и Капетан, за сестру Марию. Василин Бранковићъ, почест. варошки Фишкалъ, за кћерь Даницу. Иоаниъ Петровићъ, Адвокатъ. Иоаниъ Секулићъ, Адвокатъ. Георгій Рашковићъ Адвокатъ. Поштен. Г. Лаз. Сечински избрани грађанинъ за сина Арсенія. Бл. Г. Лука Огняновићъ, сл. кр. Табле заклет. Бележникъ. Г. Симеонъ Груићъ; мађар. права слуш. Бл. Госпоя Терезія Станконићъ, перцепторовица Бл. Госпожа Александра Крагуєвићъ, Фишкалица. — Госпоже: Алка Радивоєвићъ. Ефимія Радакъ. Елисавета Кралован. — Господичне. Елена Поппићъ. Млица Маринковићъ. Терезія

Петровићъ. Марія Чаковацъ. Благ. Госпожа
Марія Секулићъ, Сенаторовица. Чест. Госп.
Павелъ Ивковићъ, Діаконъ и Учитель. Благ.
Госп. Стефанъ Стан. Славнићъ Адвокатъ.

21 к.

БАЯ.

Госпоже: Софія Іоанновићъ рођена Хри-
стићъ. Софія Матићъ рођена Ковачићъ. Госпо-
дична Паулина Іоанновићъ. — Господари:
Георги Зора. Харитонъ Крстанићъ. Павелъ
Шимићъ Таначникъ. Константинъ Хажичъ.
Павелъ Крайновићъ. Константинъ Іоанновићъ
трговцы. Павелъ Івановићъ слушатель Кра-
снорѣчія.

11 кн.

БЕОГРАДЪ.

Госпођа Любица В. Антића. Василя Ђ.
Бурића.

2 кн

БЕЧЕЙ СТАРИ.

Высокоблагородна Госпожа Генералица
и Баронеса Еуфемія Іовићъ отъ Сигенбергъ.
— Благородне Госпоже : Анна Вижи. Юліана Іо-
цићъ. Елисавета Пеићъ. Христина Дебелян-
ски. Юліана Петровићъ. Анна отъ Стратими-
ровићъ. Анна Крестићъ. Екатерина Вукоса-
влѣвићъ. Антонія Кекићъ. — Господичне : Ма-
рія и любица Стакићъ. Марія Гавански. Кла-
ра Мучаловъ. Катарина Станишићъ. Ама-
лія Ёлкићъ. Наталія Поповичъ. Юліана и
Драгвня Іойкичъ. Паулина Ёлчићъ. Даница
Іоанновичъ. Елена Петровичъ изъ ст. Тома-
ша. Бл. Г. Граціанъ Влаовичъ, Диштрикта
Потискогъ Вицефишкаль 21 кн.

БЕОГРАДЪ-СТОЙНИ.

Преч. Г. Феодоръ Оджичъ, Нар. Столно-
Бѣлиградски, честн. конзист. Будим. Присѣ-
датель. Гдчна Христина Цветковићъ изъ Бео-
града. 2 кн.

БУДИМЪ.

Госпође: Катица С. Стефановичъ. Юліанна.
Давидовичъ. — Господичне: Маріа Витковичъ.
Юліанна Беричъ. 4 кн.

ВАРАЖДИНЪ.

Благор. Г. Иванъ Кукулъвићъ Саксински,
више славны Међа Присѣдатель и многопо-
знати списатель. — Г. Стеванъ Царъ, Адвок.,
и Вармеђе Вараждинске судевнога стола При-
сѣдатель. — Госпођа Елеонора Шимунчиће-
ва, рођена Багати. 3 кн.

ВУКОВАРЪ.

Бл. Г. Георгій Контићъ, Доминіюма Ву-
ков. фишкалъ, и Срем. Међе Присѣдатель за
себе и свою сестру 2 кн. — Г. тргов. Стеф.
Юстинъ Михайловићъ. — ГГ. Фамиліе Бирра
за свое госпође 5 кн, 8 кн.

ГРАДИШКА.

Г. Андрей Лацковићъ за свою супругу. 1.

ЖАБАЛЬ.

Госпожа Юліана Сарайличъ. 1 кн.

ЗЕМУНЪ.

Г. Лазаръ Андреевичъ парох. Димитріе Маркович за свое кѣри. Почт. Г. Теодор Кирица. Георгін Мартинович. Васиін Васи-лівнич тргов. и избрани свебод. обштества граждани. 6 кн.

КАЛОЧА.

Преч. Г. Атанасій Влаовићъ, Калачке Ми-трополитске римске цркве Пресвитеръ, СС. XX. и Философіе Докторъ, Калочко - Архіепі-скопске капитуларне библиотеке хранитель и проч. 1 кн.

КАРЛОВЦЫ ГОРНЬИ.

Благ. Г. Іоаннъ Обрадовичъ Сенаторъ за
родолюбиве Србкинѣ Горньо-Карловачке. 15 кн.

КАНЬИЖА СТАРА.

Чест. Г. Дмитріи Янковичъ парохъ.
Бл. Г. Башайнски Петаръ Зако, слав. Бачке
Међе судаць. — Госпође: Рахвла отъ Єленичъ.
Маріа Летичъ. Господична Єлена Янковичъ.
5 кн.

КАЛАЗЪ.

Г. Симеонъ Степанаць, Іеродіаконъ за
супругу свою Юліяну. 1 кн.

КЛЕНАКЪ.

Г. Петра Томашевићъ сынови 1.

КИКИНДА ВЕЛИКА.

Пречест. Г. Павелъ Влаховичъ Прото-
пресвитеръ. Г. Урошъ Трифунаць, Намѣстникъ.

Флскт 10

Георгіє Русъ. Пречест. Г. Георгіє Пандуро-
вичъ, Кларински парохъ и намѣстникъ прото-
піята Темнишварскогъ. Госпожа Христина Кос-
мановичъ, рођена Ботта, отъ Холломезѡ у
Клари. Димитріє Панаіотъ Стамбола изъ Ба-
нат - Комлоша. Читаоница Велико - Кикиндска
6 кн.

МОСКВА.

Г. Пантелія Алексієвићъ за супругу свою
Катарину Мионовну. 1.

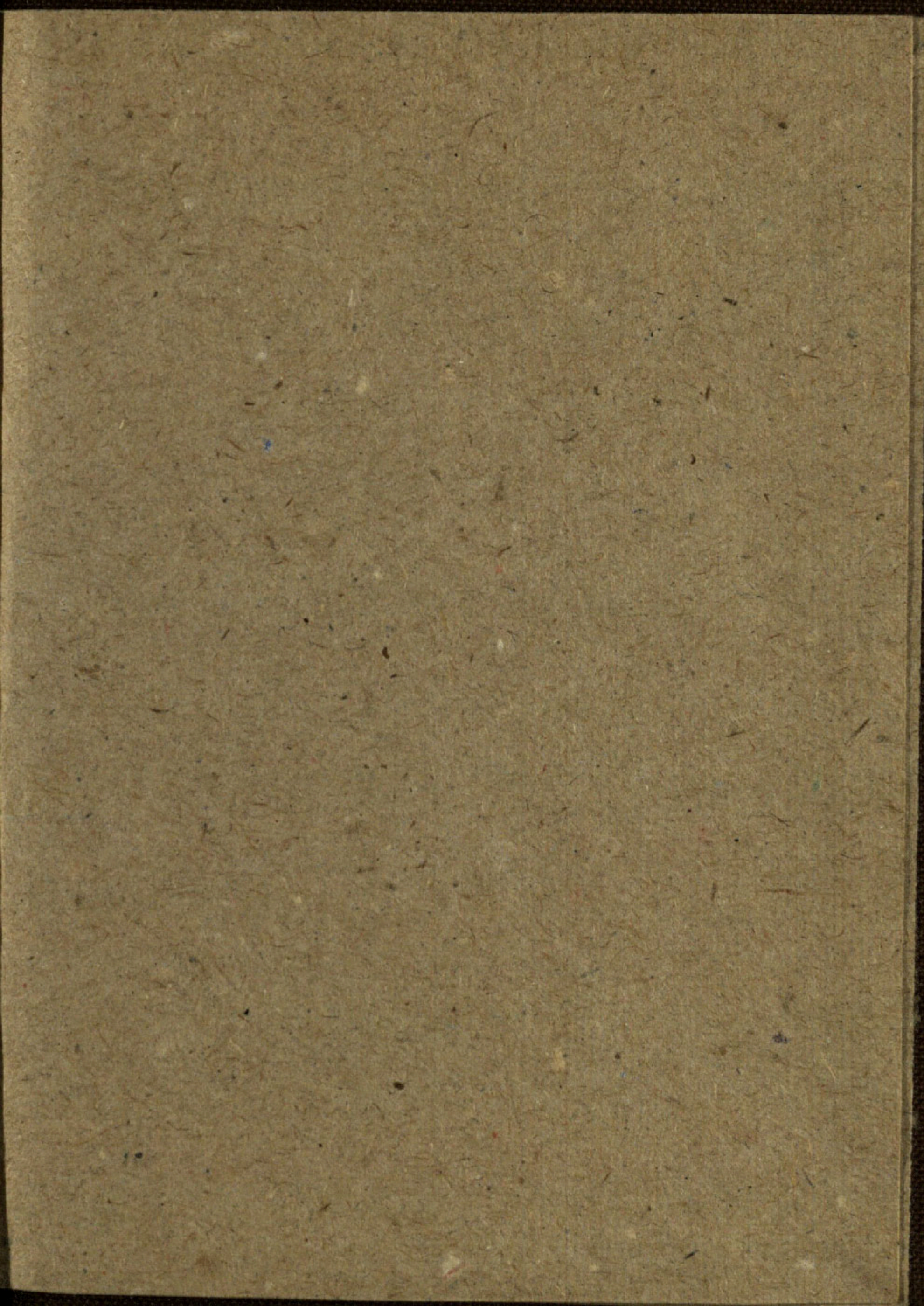
МИТРОВИЦА.

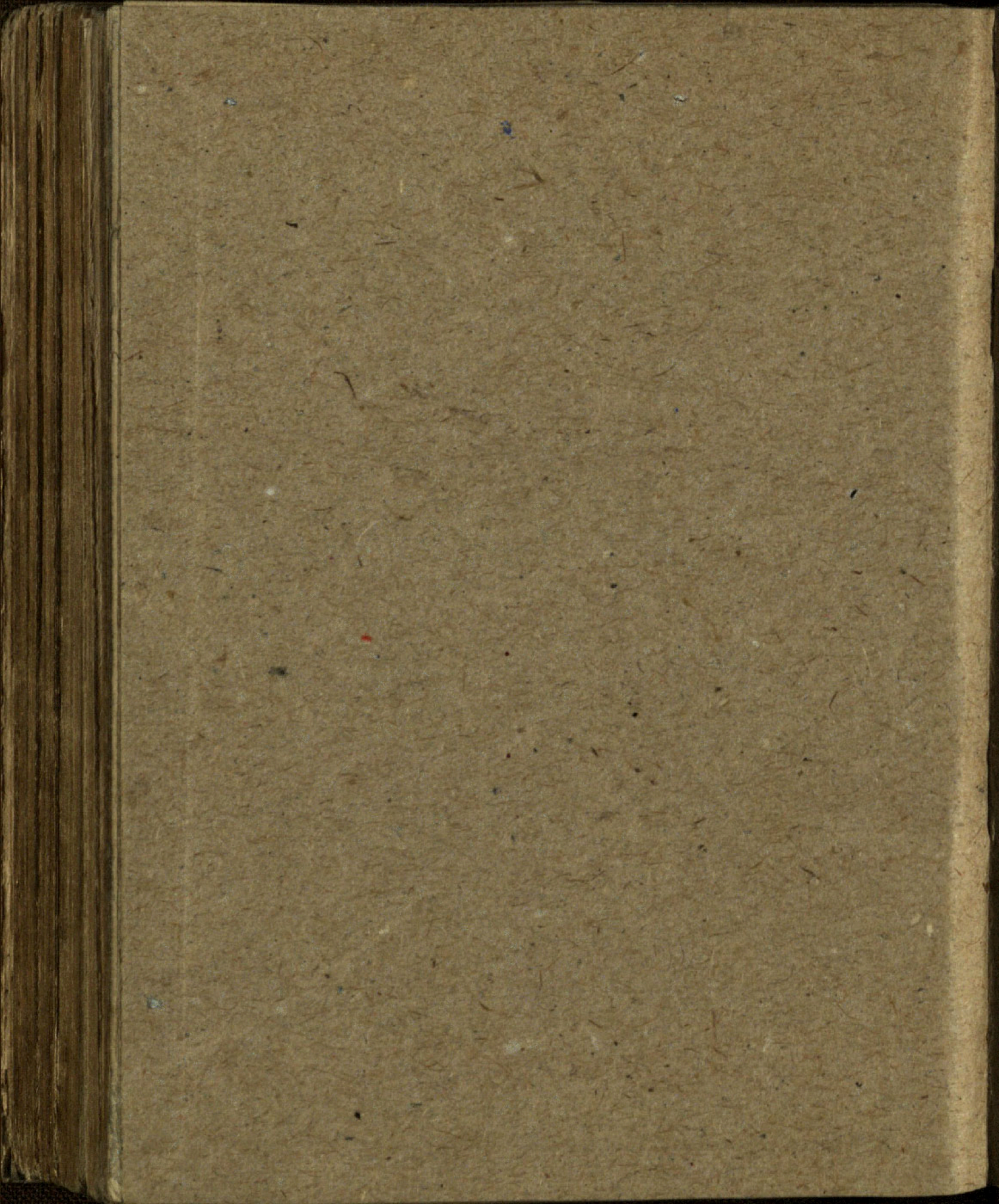
Г. Борђе Милевићъ 1.

МОХАЧ

Благ. Обштество Мохачко за Библиотеку.
Пречест. Іоаниъ Живковичъ протопресв. Мо-
хачки за унука свога Стефана. Чест. Г. Алек-
сін Дидовичъ, парохъ Печварски. Димитрін
Крестичъ, трвов. членъ приложникъ Матице
Србске и гражд. Мохачки. 4 кн.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

РДСр I 16

1846.1